

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 2 (15) 2023

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Чуева Арина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Салимгерей Арон Аманжолович, кандидат юридических наук, доцент, директор, Институт государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Семенов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашпилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 26.06.2023. Дата выхода в свет: 03.07.2023.

Усл. печ. л. 9,0. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2023.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 2 (15) 2023

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and International Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Arina S. Chueva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Ekaterina A. Bochkareva, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Marina B. Dobrobaba, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, O.E. Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia

Alexey N. Zherebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyshansky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Elena Y. Kireeva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Denis N. Lozovskiy, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Lidiya A. Nudnenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Yulia A. Popova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Proceedings, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Aron A. Salingeri, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Director, Institute of State and Law of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Slesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

**Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"),
Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040**

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal "**Legal Bulletin of the Kuban State University**" are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Social Sciences and Humanities (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. – Theoretical-historical legal sciences; 5.1.2. – Public law (state law) sciences; 5.1.3. – Private law (civil law) sciences; 5.1.4. – Criminal law sciences).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 26.06.2023. Release date: 03.07.2023.

Usl. pech. l. 9,0. Edition of 100 copies. Order No

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

An image from the resource is used on the cover of the magazine <https://crello.com>

© "Legal Bulletin of the Kuban State University", 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Карпетян Л.А., Морозова О.Г.</i> Политико-правовые воззрения Л.А. Тихомирова в контексте становления в России конституционной монархии (1906-1914 гг.).....	7
--	---

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Епифанова Е.В.</i> Административно-пресекательные меры в сфере охраны здоровья населения в Российской Федерации.....	15
<i>Жеребцов А.Н., Лунев Д.О.</i> Транспортное средство с элементами искусственного интеллекта как предмет состава административного правонарушения.....	25
<i>Комарова Л.В., Фарикова Е.А.</i> Правовой статус самозанятых граждан как субъектов налоговых правоотношений.....	32
<i>Кушхов Х.Л.</i> Религиозная деятельность как предмет административно-правового регулирования...	39
<i>Полтавцева А.В.</i> Альтернативные способы разрешения административно-правовых споров: к вопросу о необходимости и достаточности примирительных процедур.....	49
<i>Потапенко С.В., Третьяков В.И.</i> Формирование судейского корпуса в Российской Федерации и в Китайской народной республике.....	55

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Лупарев Е.Б.</i> О природе спортивной ответственности: цивилистические и публично-правовые аспекты.....	61
--	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Гладышева О.В., Семенцов В.А.</i> Ознакомление с материалами уголовного дела по окончании досудебного производства: содержание и форма.....	67
<i>Коняхин В.П., Петровский А.В., Прохорова М.Л.</i> Социология международного уголовного права: история и современность.....	78
<i>Костенко Р.В., Яновский А.С.</i> О проблеме определения иных документов как доказательств в российском уголовном процессе.....	88

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Leva A. Karapetyan, Oksana G. Morozova* Political and legal views of L.A. Tikhomirov in the context of the formation of constitutional monarchy in Russia (1906-1914)..... 7

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- Elena V. Epifanova* Administrative and precautional measures in the sphere of population health protection in the Russian Federation..... 15
- Alexey N. Zhrebtssov, Dmitriy O. Lunev* A vehicle with elements of artificial intelligence as the subject of an administrative offense..... 25
- Ludmila V. Komarova, Ekaterina A. Farikova* Legal status of self-employed citizens as subjects of tax legal relations..... 32
- Khazhmurat L. Kushkhov* Religious activity as a subject administrative and legal regulation..... 39
- Alina V. Poltavtseva* Alternative ways of resolving administrative and legal disputes: on the need and sufficiency of conciliation procedures..... 49
- Sergey V. Potapenko, Vladimir I. Tretyakov* Formation of the judicial corps in the Russian Federation and in the People's Republic of China..... 55

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

- Evgeniy B. Luparev* On the nature of sports responsibility: civil and public law aspects..... 61

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Olga V. Gladysheva, Vladimir A. Sementsov* Familiarization with the materials of the criminal case at the end of pre-trial proceedings: content and form..... 67
- Vladimir P. Konyakhin, Anton V. Petrovsky, Marina L. Prokhorova* Sociology of international criminal law: history and modernity..... 78
- Roman V. Kostenko, Anton S. Yanovsky* On the problem of identifying other documents as evidence in Russian criminal proceedings..... 88

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-7-14>



ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ Л.А. ТИХОМИРОВА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ В РОССИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОНАРХИИ (1906-1914 гг.)

Карапетян Л.А.*¹, Морозова О.Г.²

¹ Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Красных Партизан ул., д. 324, г. Краснодар, Россия, 350020)

² ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Карапетян Л.А., Морозова О.Г. Политико-правовые воззрения Л.А. Тихомирова в контексте становления в России конституционной монархии (1906-1914 гг.). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(2):7–14.
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-7-14>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Карапетян Лева Александрович*, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»

Адрес: Красных Партизан ул., д. 324, г. Краснодар, Россия, 350020

Тел.: +7 (861) 251-69-20

E-mail: Leva.karapetyan.53@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 24.04.2023

Статья принята к печати: 29.05.2023

Дата публикации: 26.06.2023

Аннотация: Выяснение степени изученности проблемы позволило определить цель и задачи исследования. *Цель* статьи – анализ воззрений неоконсерватора Л.А. Тихомирова по вопросу реформирования государственного устройства России в соответствии с положениями Манифеста 17 октября 1905 г., определивших принципы Основных государственных законов 1906 г. и реализуемых в политико-правовой действительности. Ее достижение требует, прежде всего, решение следующих *задач*: 1) отношение к либеральной теории и практике государственного строительства; 2) существенные недостатки Конституции 1906 г.; 3) характеристика монархических партий, вытекающих из концепции Л. Тихомирова.

В результате исследования определено следующее. Критикуя существовавшую до 1906 г. абсолютную монархию, он более негативно относился к ограниченной монархии Основных государственных законов 1906 г., где исчез носитель верховной власти. Конституцию 1906 г. он не признавал, поскольку она не отвечала национальным традициям и интересам. Л. Тихомиров исходил из того, что Основной закон, подрывая царскую власть, разрушал российскую государственность, вводя в государственный механизм чуждый обществу орган законодательной (двухпалатный парламент) власти.

Вывод. Он являлся сторонником народного представительства при верховной власти с совещательными функциями и исходил из того, что верховная власть есть не классовое, а общенародное представительство. Для России были не приемлемы ни либеральный парламентаризм, ни социалистическая демократия. Ей соответствует православная самодержавная монархия с

неделимой Верховной властью, которая выступает гарантом эффективного взаимодействия между государством, коллективом и личностью.

Ключевые слова: государство, верховная власть, народоправление, монархия, парламентаризм, Конституция, Учредительное собрание, избирательное право.

POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF L.A. TIKHOMIROV IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF CONSTITUTIONAL MONARCHY IN RUSSIA (1906-1914)

Leva A. Karapetyan*¹, Oksana G. Morozova²

¹ North Caucasus branch of the Russian State University of Justice
(Krasnykh Partizan str., 324, Krasnodar, Russia, 350020)

² FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Karapetyan L.A., Morozova O.G. Political and legal views of L.A. Tikhomirov in the context of the formation of constitutional monarchy in Russia (1906-1914). *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(2):7–14. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-7-14>

CONTACT INFORMATION:

Leva A. Karapetyan*, Doctor of History, Professor, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the SCF of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education of the Russian State University of Justice

Address: Krasnykh Partizan str., 324, Krasnodar, Russia, 350020

Tel.: +7 (861) 251-69-20

E-mail: Leva.karapetyan.53@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 24.04.2023

The article has been accepted for publication: 29.05.2023

Date of publication: 26.06.2023

Annotation: Finding out the degree of study of the problem allowed us to determine the purpose and objectives of the study. The purpose of the article is to analyze the views of the neoconservative L.A. Tikhomirov on the issue of reforming the state structure of Russia in accordance with the provisions of the Manifesto of October 17, 1905, which defined the principles of the Basic state Laws of 1906 and implemented in political and legal reality. Its achievement requires, first of all, the solution of the following tasks: 1) attitude to the liberal theory and practice of state-building; 2) significant shortcomings of the Constitution of 1906; 3) characteristics of monarchical parties arising from L. Tikhomirov's concept.

As a result of the study, the following was determined. Criticizing the absolute monarchy that existed before 1906, he was more negative about the limited monarchy of the Basic State Laws of 1906, where the bearer of supreme power disappeared. He did not recognize the Constitution of 1906, because it did not meet national traditions and interests. L. Tikhomirov proceeded from the fact that the Basic Law, undermining the tsarist power, destroyed the Russian statehood, introducing into the state mechanism a legislative body alien to society (bicameral parliament) of power.

Conclusion. He was a supporter of the people's representation under the supreme power with advisory functions and proceeded from the fact that the supreme power is not a class, but a nationwide representation. Neither liberal parliamentarism nor socialist democracy were acceptable to Russia. It corresponds to an Orthodox autocratic monarchy with an indivisible Supreme Power, which acts as guarantors of effective interaction between the state, the collective and the individual.

Keywords: state, supreme power, people's government, monarchy, parliamentarism, Constitution, Constituent Assembly, suffrage.

Введение

В своей концепции государства Л.А. Тихомиров сформулировал отличную от других представителей консерватизма ряд положений. Он исходил из того, что как эпоха абсолютной монархии, так и переход после Манифеста 17 октября 1905 г. к ее ограниченной форме исказили истинную сущность православной самодержавной монархии. В одном случае имело место фальсификация воли монарха бюрократией, а в другом – чуждая национальным политическим традициям система народного представительства приводила к умалению верховной монархической власти парламентом и политиками. В этом контексте интересны его наблюдения и оценки идеологий либерализма и социальной демократии, политических партий, народного представительства (парламента), Конституции с учетом как зарубежного, так отечественного (после 1905 г.) опыта. Он акцентировал внимание на духовно-нравственных ценностях общества, которые должны были определять и характер российского государства. Поэтому объективное изучение политико-правовых взглядов Л. Тихомирова даст возможность определить как утопическое, так и позитивное, а значит и востребованное в его учении. В этом и заключается и главная цель статьи.

Методы исследования

Статья базируется на методологических принципах объективности, историзма, конкретности. Политико-правовые учения являются междисциплинарными по своему характеру, поэтому их анализ возможен в рамках системного подхода. Изучение взглядов и оценок конкретной личности относительно законодательства, полномочий государственных органов, программных документов политических партий различной идеологической направленности через призму приоритетности духовно-нравственных ценностей требует интегрирования персоналистского и нравственного подходов в выявлении характера государственности. Для исследуемой проблемы естественным является применение сравнительно-правового метода.

Результаты исследования

Базируясь в первую очередь на работах самого Л.А. Тихомирова, имеющих и характер первоисточников отмечается, что он в 1906-1914 гг. в условиях трансформации российской государственности в направлении конституционной монархии негативно оценивал этот переход. Для него было неприемлемо государственное устройство в форме либеральной и социальной демократии, основанных, прежде всего, на количественных критериях мнения большинства. По его мнению, это противоречило традиционным политическим и духовным ценностям в виде верховной власти государства в лице неограниченного монарха, олицетворявшей интересы всего общества и опирающийся на православие в своей деятельности.

Научная дискуссия

В предыдущей статье авторов речь шла о государственном учении Л.А. Тихомирова в допарламентский период [2]. Политико-правовая реальность в России существенно изменилась после Манифеста от 17 октября 1905 г., на основе которого в государственный аппарат был включен представительный законодательный орган, ознаменовавший начало парламентского этапа. Это нашло отражение в новой редакции Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г., который многими исследователями, и того периода, и современности, именуется первой российской конституцией. Однако одними из противников такой оценки начала XX в. являлся Л. Тихомиров. Основной недостаток он видел в безграничном произволе ее создателей, которые проигнорировали особенности жизни нации и государства. Л. Тихомиров писал: «Подрывая царскую власть, но, не созидая ничего равносильного, конституция подрывала самые основы государственности, не признавала значение национальности для государства. Между тем государство есть нечто иное, как организованная нация. Поэтому законы, определяющие государственное устройство обязаны соответствовать двум рядам условий, существующих вне воли законодателя: 1) общим законам государственности, определяемым самой ее природой; 2) специальным условиям жизни нации. Этому не учитывала конституция 1906 г., поэтому она явилась орудием не созидания, а разрушения» [7, с. 5–6]. По его мнению, вводимые изменения, по существу, составляли попытку государственного переворота. В конституции нет единоличной Верховной власти, а стремление создания сложной Верховной власти из императора и двух палат парламента не удалась [7, с. 27].

Давая общую оценку новому государственному механизму, Л. Тихомиров указывал на три характерные черты:

1. Постоянная борьба за власть между органами власти, кроме Синода, который не предпринимал попыток своего усиления путем коренной реформы церковного управления.

2. Ослабление законодательного обсуждения наиболее важных реформ в условиях наличия ст. 87 Основных государственных законов. В соответствии с ней при прекращении сессии Госудумы, ввиду чрезвычайных обстоятельств, законы, кроме Основных государственных, о парламенте и избирательные, принимались по представлению правительства. Но после возобновления сессии правовые акты прекращали свое действие, если не вносились на рассмотрении Думы соответствующим министром в течение двух месяцев или не принимались палатой¹.

3. В чрезвычайном усилении бюрократических учреждений, особенно председателя Совета министров, достигшего огромной силы и носящий характер фактической диктатуры. Но роль правительства во главе с П.А. Столыпиным, личные качества которого заменяли несовершенство органов власти, оценивалась в целом положительно. В этой борьбе, сравнимой с гоббсовским тезисом «войны всех против всех», Л. Тихомирова особо настораживало стремление парламента расширить свои права путем освобождения от контроля со стороны верховной власти, подчинения себе правительства и захвата власти церковного управления. [8, с. 357–359].

Отношение Л. Тихомирова к верховной власти, основанной на принципе и практике либеральной демократии, всегда было однозначно отрицательным. Он негативно относился как к земскому, так бюрократическому (программа реформ М.Т. Лорис-Меликов) либерализму рубежа 1870-1880-х гг. [4, с. 246–247].

В этом мнении его укрепил и зарубежный опыт. Будучи в эмиграции, он наблюдал за практикой парламентаризма. Л.А. Тихомиров подчеркивал неприемлемость для России теории либеральной представительной демократии с ее центральным институтом – парламентаризмом, как неудовлетворительной системы государственного управления. В нем выражена не народная воля, а интересы политических партий, использующих в качестве аргументации при выборах и принятии решений фикцию в виде большинства голосов. Аналогичные оценки парламента заключались и в идеях политического консерватизма в М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева.

Из множества недостатков парламентаризма Л. Тихомиров останавливается на трех самых существенных:

1. Формируемое парламентом правительство является некомпетентным и не авторитетным, поскольку либерально-демократический строй не требует людей умных, честных, независимых. Наоборот, эти качества препятствуют карьере политика. Поэтому люди, дорожащие своими убеждениями, относятся к политике критично.

2. Указанное правительство управляет страной, прибегая к произволу, потому что либеральный демократический парламентаризм не выражает традиционную волю народа, становление которой происходило веками. Его традиции базируются на партийных ценностях, что ведет к постоянной борьбе за власть, к стремлению всеми путями получить голоса избирателей. Поэтому «нет класса, живущего вне народа, чем нынешние политиканы».

3. Не представляя реально народной воли, либеральная демократия вынуждена поддерживать фикцию о ней, убеждать народ в том, что виновата не система, а отдельные люди. Отсюда, систематическая критика старого правительства вновь образованным [9, с. 128–130].

Л.А. Тихомиров утверждал, что опыт европейских парламентарных стран XIX в. выявил множество недостатков этой политической системы. В то же время он видел узость социальной базы политического либерализма в России и заявлял, что либералы не имеют силы ни взять, ни удержать конституцию [8, с. 49, 63]. Начиная с 1906 г., он дополнил свое отношение к парламентаризму уже с учетом практического отечественного опыта. Манифест от 17 октября 1905 г. предоставлял населению некоторые гражданские и политические свободы, придал законосовещательной Булыгинской думе законодательные права и расширил несколько избирательные права населения² [8, с. 371]. Л. Тихомиров оставался сторонником Манифеста от 06 августа 1905 г., т.е. Булыгинской думы [8, с. 371]. Судя по третьему пункту Манифеста, речь шла об однопалатном выборном парламенте. Положения Манифеста были реализованы в законах от 20 февраля 1906 г. о Государственной Думе и реорганизации Госсовета в качестве верхней палаты парламента, не предусмотренного Манифестом. Данные положения о новых органах государственной власти и их взаимоотношениях с императорской властью и правительством были закреплены в новой редакции

¹ Свод законов Российской Империи / под ред. и с примеч. И.Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 1, т. 1, ч. 1. СПб: Русское Книжное Товарищество «Деятель»; 1912. С. 6–7.

² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. Санкт-Петербург: Гос. тип.; 1885–1916.

Основных законах от 23 апреля 1906 г. За императором сохранялась огромная власть, но ограничивалась его законодательные полномочия, которые он делил с парламентом. Оценивая деятельность российского парламента, Л. Тихомиров писал: «... Нас прямо губить парламентаризм, сменяющий принцип Единоличной Верховной власти. Парламентаризм основан на идее партий, он их порождает даже там, где их нет, а где они появились, он их развивает до разложения страны... Расшатав же принцип Единоличной Верховной власти, мы можем идти только к разброду, вражде, самоистреблению» [8, с. 260]. В другой статье он отмечал, что партии делают свое гибельное дело разъединения, потому что такова их природа. Поэтому, не следует отдавать в их руки государство, а чтобы выйти из состояния разобщенности следует упразднить партии [8, с. 264]. Деятельность Госдумы трех созывов он определяет как «форму должностных преступлений ... это государственное по закону учреждение позволяет себе быть явно или скрыто антигосударственным ... вступает в союз с ниспровергающей его революцией... Виновные в нарушении служебного долга не должны оставаться безнаказанными» [8, с. 380–382]. Распуск Думы он считал недостаточным видом наказания за все нарушения. Резкой критике им подверглись право запросов и бюджетные права парламента как формы борьбы за расширение влияния над правительством и верховной властью.

Уже подчинение правительства Думе является вторжением в область монархических прерогатив. Основные государственные законы 1906 г. ограничили власть монарха не только в законодательной сфере, но и в том, что в нем перечислялись его права и тем самым определялись их границы. В этом Л. Тихомиров усматривал фактическое разделение Верховной власти между монархом и законодательными палатами. Он определял возникшее положение, как «не доведенная до конца начала парламентарного построения Верховной власти, т.е. присвоения его палатам и монарху... что увлекает желающих доделать парламентаризм до конца» [8, с. 383–385]. Борьбу партий, не только социалистических, но также кадетов и октябристов, за Верховную власть, он считал самым опасным явлением практики. Он считал, что Россия идет к парламентаризму, к господству партий и управлению государством политиками [8, с. 431].

В парламенте Л. Тихомиров видел власть политических партий, которые привели «к конфликту с высшей государственной властью на почве борьбы за власть Верховную... Мы получили два противоположных начала – монархическое и парламентарное» [8, с. 376–377]. Во втором случае, по его мнению, имеет место свержение уже существующей Верховной власти монарха и утверждение ее парламентарского типа, что губительно для России. Создание Верховной власти из представителей народа, объединенного по партиям это обман народа, что известно не только науке, но и на практике всех парламентарных стран, кроме маленькой Швейцарии. Такое народное представительство «создает над народом политиканский класс» и такая система не объединяет народ с государством, а разъединяет посредством средостения партий. Он отстаивал идею внепартийного народного представительства от различных слоев населения при Верховной власти, означавшее единство монарха с народом не только в теории, но и на практике как представителя всей нации. Такое народное представительство имеет непосредственно доступ к Верховной власти, доводит до ее сведения мнения и нужды своих избирателей, контролирует правительственную власть не только с точки зрения закономерности действий (как у Думы), но также целесообразности и успешности деятельности. Такая система демократична, полезна для населения и прочности государства [8, с. 582–585]. Л. Тихомиров предлагал внести в новую редакцию Основных законов изменения как редакционного характера (статьи 7, 11, 84, 86, 87), чтобы исключить имеющиеся неясности, так и содержательные с целью восстановить неограниченную самодержавную Верховную власть. Он отмечал, что авторы Конституции 1906 г. ошиблись, ограничив власть царя, поскольку всякая верховная власть юридически не ограничена, в противном случае она таковой не является. Речь должна идти не об ограничении, а о самоограничении согласно концепции Г. Еллинека. Для других же властей она оставалась неограниченной. Эту мысль он, в частности, аргументирует характером Манифеста от 03 июня 1907 г., изменившего избирательный закон в Государственную Думу в нарушение ст. 86 Основных законов 1906 г. [8, с. 542–546]. Для него это было проявлением неограниченной власти императора и потому, что ни Сенат, ни собравшийся новый парламент не протестовали против способа издания закона о выборах. В то время как многие его современники, юристы государственного права оценивали этот документ как антиконституционный переворот. Он настаивал на: 1) возвращении в Основной закон термина «неограниченный» и прежнюю редакцию первой статьи; 2) изменении законодательства о Госдуме и Госсовете, придав им законосовещательные функции; 3) ясном отражении соотношения церковного и государственного управления в обновленном строе [8, с. 553, 555, 564].

Кроме того, Л. Тихомиров, видя большую загруженность Госдумы и Госсвета, что сказывалось на качестве их работы, предлагал рассмотрение законопроектов в административном и, собственно, в законодательном порядке. К первому он относил вопросы, связанные с финансированием различных учреждений на незначительные суммы. Наряду с этим, он расширял контроль народного представительства над исполнительной властью. С целью исключения злоупотребления парламентом своими полномочиями он исходил из необходимости устанавливать жесткие временные рамки для обсуждения бюджета и других законов. Нарушение сроков означало принятие решения единолично императором [8, с. 578–579]. Мы согласны с мнением А. Репникова, что его юридические предложения являются, наряду с религиозным, попыткой дать и правовое обоснование консерватизму [6, с. 106].

Однако предложения Л.А. Тихомирова не были восприняты государственной властью. Николай II, принимая депутатов от монархических партий и организаций 02 декабря 1905 г. заявил, что Манифест от 17 октября 1905 г. не подлежит изменению [5, с. 45–46]. Известно мнение П.А. Столыпина в виде пометки на письме Л.А. Тихомирова к нему от 09 июля 1911 г. В ней отмечалось: «Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции» [8, с. 602].

Л. Тихомиров был недоволен и с действовавшими монархическими партиями и указывал, что не все из них, находящиеся на правом фланге понимают и разделяют русские исторические идеалы. От таких партий мало добра, а усиление реакции принесет не меньше вреда, чем революция [8, с. 271]. Он высказал удивление вступлением 06 октября 1905 г. московского градоначальника П.Г. Медема в Русскую монархическую партию, возглавляемую В.А. Грингмутом [1, с. 92]. На некоторые из монархических партий пыталось опереться правительство. В частности, речь идет о Всероссийском национальном союзе, программа которой была близка и его воззрениям как внепартийного идеолога монархизма. Однако наиболее слабыми сторонами программы партии Л. Тихомиров считал положение о единении Самодержавного царя с законодательным народным представительством. Это, по его мнению, не соответствовало историческому политическому наследию. В русском историческом народном представительстве было совершенно другое. «Земско-сословное представительство не имело законодательных прав, но имело множество других (законосовещательное, контрольное, петиционное, право и обязанность связи с социальными слоями. Самодержавие царя всегда оставалось неограниченным», – писал Л. Тихомиров [8, с. 294–295]. Союз был создан в 1908 г. при непосредственном содействии П.А. Столыпина и правительства. Предполагалось сделать его основной правительственной партией, а для этого предпринимались шаги по ослаблению Союза русского народа (СРН)¹. То есть если представители государственного права, видели в новом государственном механизме и в политической системе России в целом начало перехода от абсолютной монархии к конституционной с элементами разделения властей и системы сдержек и противовесов по образцу австрийской модели, то Л. Тихомиров считал это забвением исторического опыта российской государственности. Выходом из сложившихся обстоятельств он считал возврат к неограниченной сословно-представительной монархии во главе с народным царем, единство которого с народом основано на общей религии. Позитивное законодательство определяется религиозной нравственностью, которая выше и сильнее юридического начала. «Великий русский идеал – это православное царство, венчающего православную жизнь народа и содержащего наибольшие залогов для развития личности и братского социального строя», – отмечал Л. Тихомиров [8, с. 276]. Вывод во многом напоминает рассуждения В.С. Соловьева о позитивном законодательстве как минимуме нравственности, а в идеале оно максимально должно соответствовать моральным нормам. Такой прогресс правового состояния в нравственном смысле В.С. Соловьев связывал наряду со свободой человека с христианской монархией, которую называл самодержавием совести [3, с. 91]. Отметим, что В. Соловьев имел в виду победу католической теократии.

Критиковал Л. Тихомиров и марксистскую теорию государства, исходившую из того, что государство есть результат классовых противоречий, где экономически господствующий (собственник средств производства) класс подчиняет себе класс не собственников. А с исчезновением общественных классов государство отомрет. Л. Тихомиров допускал отсутствие классового

¹ Правые партии: документы и материалы 1905–1917 гг. В 2 т. / сост., авт. предисл., введ. и коммент. Ю.И. Кирьянов. Москва: РОССПЭН; 1998. (Политические партии России: конец XIX – первая треть XX в.: документальное наследие / Ассоц. «Рос. полит. энцикл.» и др.). С. 9–10.

государства, но обосновывал сохранение государства как организованной власти целого общества над его частями и личностью, т.е. принудительная власть не уничтожалась. Социальная демократия ведет к устройству, в котором общество – все, личность – ничто. В социалистическом государстве права личности ее интересы определяются условиями производства. А оно обобществленное, где не требуется личной инициативы, а наоборот необходимо нивелирование и приспособление к потребностям экономического строя. Это связано с господством механических законов социальной жизни и отсутствием внутреннего духовного сознания, основанной на религии [8, с. 132, 134–135, 137]. По его мнению, итогом развития социально-демократического коммунизма будет социалистическое государство в форме аристократической республики с массой закрепощенного населения, а власть и богатство будет принадлежать партийным руководителям. Такова участь самодержавного народа, воспитанного на «научном» (марксистском – Л. К., О. М.) мирозерцании, заменяющего религию [8, с. 143, 145]. Гораздо серьезную социальную поддержку в России имели идеологии консерватизма, а также народнического социализма, которую изначально он исповедовал.

Итак, предлагаем ряд промежуточных выводов.

1. Критикуя существовавшую до 1906 г. монархию, он еще более негативно относился к ограниченной монархии Основных государственных законов 1906 г., где исчез носитель единоличной верховной власти.

2. Для России были не приемлемы ни либеральный парламентаризм, ни социалистическая демократия с господством партий.

3. Особое место его политического неоконсерватизма в том, что он, являясь противником принципа разделения властей, выступал сторонником разграничения верховной и управительной властей. В рамках последней имело место обособлений функций. Неделимая верховная власть представляла собой не классовое, а общенародное представительство с функционирующим при нем законосовещательным парламентом и базирующееся на корпоративной социальной структуре.

4. Специфическое понимание концепции самоограничения государственной власти. Особое внимание уделялось моральному облику государственных служащих

5. Призыв к восстановлению идеократической православной монархии, полного отказа от политических реформ был нереалистичным. Об этом говорили и высшие должностные лица (император и председатель правительства).

6. Заслуживают внимание ряд его положений о политических партиях.

Список использованной литературы:

1. Алмазов М. Действия московской власти в 1905 г. в интерпретации А.В. Островского. *Российская история*. 2022;(4):151–158. DOI: 10.31857/S0869568722040161.
2. Карапетян Л.А., Морозова О.Г. Концепция государства Л.А. Тихомирова в контексте политико-правовой реальности России на рубеже XIX–XX вв. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;(1):7–12. DOI: 10.31429/20785836-15-1-7-12.
3. Карапетян Л.А., Морозова О.Г. К вопросу о синтетической концепции правопонимания В.С. Соловьева в конце XIX в. *Евразийский юридический журнал*. 2017;5(108):89–91.
4. Кистяковский Б.А. Страницы прошлого: к истории конституционного движения в России. Москва, 1912.
5. Репников А.В. Дневник Л.А. Тихомирова (декабрь 1905 г.). *Социологическое обозрение*. 2013;12(1):86–120.
6. Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения. *Отечественная история*. 2001;(3):103–133.

References:

1. Almazov M. [The actions of the Moscow authorities in 1905 in the interpretation of A.V. Ostrovsky]. *Rossiiskaya istoriya = Russian history*. 2022;(4):151–158. DOI: 10.31857/S0869568722040161 (In Russ.)
2. Karapetyan L.A., Morozova O.G. [The concept of the state by L.A. Tikhomirov in the context of the political and legal reality of Russia at the turn of the XIX–XX centuries]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;(1):7–12. DOI: 10.31429/20785836-15-1-7-12 (In Russ.)
3. Karapetyan L.A., Morozova O.G. [On the question of V.S. Solovyov's Synthetic Concept of Legal Understanding at the end of the XIX century]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2017;5(108):89–91. (In Russ.)
4. Kistyakovskii B.A. [Pages of the Past: towards the History of the Constitutional Movement in Russia]. Moscow, 1912. (In Russ.)
5. Repnikov A.V. [Diary of L.A. Tikhomirov (December 1905)]. *Sotsiologicheskoe obozrenie = The Sociological Review*. 2013;12(1):86–120. (In Russ.)
6. [Russian conservatism: problems, approaches, opinions]. *Otechestvennaya istoriya = Domestic history*. 2001;(3):103–133. (In Russ.)

7. Тихомиров Л.А. О недостатках конституции 1906 года (монография). Москва, 1907.

8. Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни (монография). М.: Ин-т русской цивилизации; 2008.

9. Тихомиров Л.А. Демократия либеральная и социальная (монография). Москва, 1896.

7. Tikhomirov L.A. [*On the shortcomings of the Constitution of 1906*]. Moscow, 1907 (In Russ.)]

8. Tikhomirov L.A. [*The guiding ideas of Russian life*]. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2008. (In Russ.)]

9. Tikhomirov L.A. [*Liberal and social democracy*]. Moscow, 1896. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карапетян Лева Александрович*

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин СКФ ФГБОУ ВО «РГУП»

ORCID: 0000-0001-6141-4619

Морозова Оксана Геннадиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-4699-1976

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leva A. Karapetyan*

Doctor of History, Professor, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the SCF of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education of the Russian State University of Justice

ORCID: 0000-0001-6141-4619

Oksana G. Morozova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-4699-1976

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-15-24>



АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕСЕКАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Епифанова Е.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Епифанова Е.В. Административно-пресекательные меры в сфере охраны здоровья населения в Российской Федерации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(2):15–24. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-15-24>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Епифанова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 10.05.2023

Статья принята к печати: 13.06.2023

Дата публикации: 26.06.2023

Аннотация: Целью работы выступает анализ проблематики применения административно-пресекательных мер в сфере охраны здоровья населения в Российской Федерации.

Исходя из поставленной цели, в задачи исследования входит анализ классификации административно-пресекательных мер в сфере охраны здоровья населения в Российской Федерации.

В настоящее время наблюдается возрастание значения административно-пресекательных мер в сфере охраны здоровья населения, что обуславливает особое внимание к их классификации, способам применения.

Принципиальный вывод статьи состоит в том, что административно-пресекательные меры в сфере охраны здоровья могут применяться как в связи с совершением административного правонарушения, так и в связи с совершением иного противоправного деяния, а также реализовываться в рамках контрольно-надзорных мероприятий, как непосредственно связанных с охраной здоровья, так и связанных с данной сферой деятельности опосредованно. При этом ряд мер носит «парный», обеспечительный и пресекательный характер.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, государственно-управленческая деятельность, административно-пресекательные меры, охрана здоровья.

ADMINISTRATIVE AND PRECAUTIONAL MEASURES IN THE SPHERE OF POPULATION HEALTH PROTECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Elena V. Epifanova

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Epifanova E.V. Administrative and precautional measures in the sphere of population health protection in the Russian Federation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(2):15–24. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-15-24>

CONTACT INFORMATION:

Elena V. Epifanova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 10.05.2023

The article has been accepted for publication: 13.06.2023

Date of publication: 26.06.2023

Annotation: The aim of the work is to analyze the problems of applying administrative and preventive measures in the field of public health protection in the Russian Federation.

Based on the goal, the objectives of the study include an analysis of the classification of administrative and preventive measures in the field of public health in the Russian Federation.

Currently, there is an increase in the importance of administrative and preventive measures in the field of public health, which causes special attention to their classification, methods of application.

The fundamental conclusion of the article is that administrative and preventive measures in the field of health protection can be applied both in connection with the commission of an administrative offense and in connection with the commission of another illegal act, as well as implemented within the framework of control and supervisory measures, as directly related to health protection, and indirectly related to this field of activity. At the same time, a number of measures are of a “paired”, provisional and suppressive nature.

Keywords: administrative-legal regulation, state-administrative activity, administrative and preventive measures, health protection.

Введение

Административное пресечение в сфере охраны здоровья имеет своей целью прекращение противоправного или иного общественно опасного деяния и применяется с того момента, когда лицом уже начато совершение объективной стороны состава административного правонарушения, имеющего родовым объектом здоровье или санитарно-эпидемиологическое благополучие, как составной части охраны здоровья или в действиях лица усматривается иная форма общественной опасности¹.

Специфика применения мер административного пресечения в сфере охраны здоровья не всегда позволяет связать пресечение исключительно с административным правонарушением, но и с преступлением².

Кроме того, речь может идти и об иных случаях противоправного или общественно опасного поведения. В этом смысле мы говорим, в частности, о пресечении действий несовершеннолетних, не достигших возраста административной ответственности, например, в связи с употреблением наркотических и психотропных средств без назначения врача.

Административным пресечением так же является применение физической силы и средств сковывания движения в отношении к лицам с психическими расстройствами, представляющими опасность для окружающих или для себя самого при условии недобровольной госпитализации и недобровольного лечения в психиатрическом стационаре.

Административное пресечение в сфере охраны здоровья выступает элементом контрольно-надзорной деятельности в указанной сфере¹.

¹ Кокорев А.Н. Меры административного пресечения, применяемые органами внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 8.

² Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. С. 237.

Исходя из предлагаемой нами концепции административно-правового регулирования комплексной профилактики заболеваний, направленность пресекательных мер связана не только с теми административными правонарушениями, которые в своей объективной стороне содержат действия или бездействия, наносящие непосредственный вред здоровью человека. Не менее важно пресекать административные правонарушения, объектом которых выступают общественные отношения в сфере охраны здоровья, носящие предупредительно-профилактический характер. И это не только санитарно-эпидемиологическое благополучие, но и отношения, связанные с качеством питьевой воды, продуктов питания как для человека, так и для сельскохозяйственных животных, отношения, связанные с ограничением потребления табачных изделий, наркотических и психотропных средств, алкоголя. Каждый из указанных типов общественных отношений характеризуется спецификой неблагоприятных для здоровья человека действий и бездействий, степенью непосредственного воздействия на здоровье человека, степенью научной доказанности вреда здоровью с характером действий и бездействий, имеющих правовую регламентацию.

Соответственно, для каждого типа охраняемых административно-деликтным законодательством отношений существует специфика административного пресечения.

Методы исследования

Исследование проблематики административно-пресекательных мер в сфере охраны здоровья населения в Российской Федерации определяет методологию исследования, включающую в себя использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы, а также метода статистического анализа.

Результаты исследования

Полагаем необходимо указать не только на процессуальную цель, но и на иные, материально-правовые цели применения административно-обеспечительных мер. Примером тому может служить условия применения такой обеспечительной меры как временный запрет деятельности. Общее условие применения данной одновременно обеспечительной и пресекательной меры связано не только с возможной санкцией в виде административного приостановления деятельности, но и с непосредственной угрозой жизни или здоровью людей, возникновения эпидемии. Например, если в качестве субъекта, осуществляющего распространение информации, подпадающей под действие статьи 6.13 КоАП РФ о пропаганде наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ выступает юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, то к ним может в качестве административно-пресекательной меры может применяться временный запрет деятельности в порядке статьи 27.16 КоАП РФ.

Пресекательный характер административно-принудительных мер в сфере охраны здоровья характерен не только для деятельности органов, которые традиционно принято называть правоохранительными. В соответствии с законодательством о лицензировании, в частности пунктом 4 части 1 статьи 7 Федерального закона 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О лицензировании отдельных видов деятельности»² уполномоченные должностные лица лицензирующих органов вправе применять меры по пресечению административных правонарушений [3; 10].

При осуществлении контрольно-надзорных мероприятий соответствующий орган вправе выдать после оформления акта контрольного (надзорного) мероприятия контролируемому лицу предписание об устранении выявленных нарушений с указанием разумных сроков их устранения и (или) о проведении мероприятий по предотвращению причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, а также других мероприятий, предусмотренных федеральным законом о виде контроля. Так, даже в условиях некоторого послабления в части плановых проверок в 2022 году Правительством Российской Федерации было допущено проведение запланированных на 2022 год плановых контрольных (надзорных) мероприятий в рамках федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) в отношении объектов контроля, отнесенных к

¹ Старостин С.А. Административное право России. Общая часть: Учебник. М., 2010. С. 256–260.

² О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

категории чрезвычайно высокого риска, например, образовательных организаций, организаций по оказанию социальных услуг с проживанием, родильных домов и перинатальных центров¹.

Таким образом, анализ административно-пресекательных мер в сфере охраны здоровья позволил констатировать, что административно-пресекательные меры в сфере охраны здоровья могут применяться как в связи с совершением административного правонарушения, так и в связи с совершением иного противоправного деяния, а также реализовываться в рамках контрольно-надзорных мероприятий, как непосредственно связанных с охраной здоровья, так и связанных с данной сферой деятельности опосредованно. При этом ряд мер носит «парный», обеспечительный и пресекательный характер.

Научная дискуссия

Функции административного пресечения могут выполнять как специально предназначенные для этого меры пресечения типа применения физической силы, так и административно-обеспечительные меры в рамках производства по делам об административных правонарушениях. Ряд мер административного пресечения может носить комплексный характер, обладая и чертами предупреждения, и чертами пресечения. К таковым, в частности, ряд авторов относит официальное предостережение, вносимое органами внутренних дел в соответствии с пунктом 12 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» [4]. Кроме того, комплексным характером обладает большинство административно-обеспечительных мер в производстве по делам об административных правонарушениях.

Классификация мер административного пресечения в сфере охраны здоровья представляется исходя из критерия оснований применения мер пресечения.

Первая группа мер административного пресечения в сфере охраны здоровья связана непосредственно с административными правонарушениями в сфере охраны здоровья и вытекает из содержания Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также из законодательных актов, определяющих полномочия органов, уполномоченных составлять протоколы по делам об административных правонарушениях и применять меры пресечения. Оговоримся, что некоторые административно-пресекательные меры имеют одинаковые наименования, но применяются в соответствии с разными нормативными актами – в одних случаях, если речь идет о производстве по делу об административном правонарушении в порядке КоАП РФ, в других в порядке специального федерального законодательства, например Федерального закона «О полиции». Специфика производства по делу об административном правонарушении в сфере охраны здоровья связана со спецификой применения мер административного пресечения, определяемой характером состава административного правонарушения.

Прежде всего к традиционным мерам пресечения в сфере охраны здоровья следует отнести доставку лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке в специализированную медицинскую организацию, осуществляющую вытрезвление указанных категорий лиц в соответствии с пунктом 14 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции». То есть речь идет о пресечении административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.21 КоАП РФ. И хотя родовым объектом данного вида правонарушений выступает общественный порядок и общественная безопасность, дополнительным объектом, на наш взгляд выступает здоровье человека, которое страдает от явно чрезмерного употребления спиртных напитков, либо от незаконного употребления наркотических и иных психоактивных веществ. Кроме того, нахождение в общественных местах в состоянии опьянения может наносить вред нравственному здоровью окружающих, прежде всего, несовершеннолетних.

Возобновление в 2020 году функционирования медицинских вытрезвителей² играет, на наш взгляд, положительную роль в пресечении административных правонарушений, связанных с употреблением алкоголя, наркотиков и иных психоактивных веществ. Сама процедура доставления

¹ Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля: Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1715.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения: Федеральный закон от 29.12.2020 № 464-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 3.

урегулированная Приказом МВД России от 13.04.2021 № 212 «Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции»¹ оставляет за органами внутренних дел собственно право доставления, но сами медицинские вытрезвители выведены из подчинения МВД России, координацию их деятельности осуществляет федеральный орган государственного управления в сфере здравоохранения, а непосредственная организация деятельности возложена на органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления. Медицинские вытрезвители могут создаваться на условиях государственно-частного партнерства, что свидетельствует, с одной стороны, о недостаточности бюджетного финансирования указанной деятельности, а с другой о некоем неоднозначном отношении определенной части общества и законодателей к самой системе медицинских вытрезвителей.

Вполне очевидно, что та система медицинских вытрезвителей, которая существовала в России с досоветского периода и до 2011 года во многом изжила себя. В разные исторические периоды вытрезвители подчинялись как органам управления здравоохранением, так и органам внутренних дел. Предложенная в настоящее время модель организации вытрезвителей не в полной мере позволяет говорить о предпосылках эффективной работы такого рода медицинских организаций в исследуемый период. Получилось, что по образному выражению вытрезвители стали «у семи нянек дитя без глазу». Данный тезис обосновывается нами тем, что, во-первых, четко не определен вид органов публичной власти, который непосредственно осуществляет за финансирование и создание вытрезвителей. В настоящее время это и органы государственной власти субъекта РФ, и органы местного самоуправления, и частные организации в рамках государственно-частного или муниципально-частного партнерства. В то же время, с 2018 года муниципалитеты лишились практически всех медицинских организаций в своем подчинении, соответственно, наделение их правом создавать медицинские вытрезвители выглядит нелогичным. Во-вторых, порядок организации деятельности медицинских вытрезвителей определен совместным актом 3 федеральных органов исполнительной власти², но встает вопрос, а какой из них контролирует деятельность медицинских вытрезвителей?

Необходимо различать доставление как пресекательную меру, реализуемую сотрудниками органов внутренних дел и, собственно, сам процесс вытрезвления.

Наряду с доставлением в медицинский вытрезвитель одной из мер пресечения можно рассматривать официальное предостережение должностными лицами органов внутренних дел в отношении несовершеннолетних, потребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, либо употребляющих одурманивающие вещества, алкогольную и (или) спиртосодержащую продукцию³. Речь идет о пресечении административных правонарушений, предусмотренных статьей 6.9 КоАП РФ. Данная мера носит двойственный, предупредительный и пресекательный характер, и направлена на защиту здоровья несовершеннолетних [2]. Пресекательный характер данной меры административного принуждения в области охраны здоровья определяется пунктом 1.1 Приказа МВД России от 03 апреля 2020 № 119, где говорится не только о предупреждении условий, создающих угрозу совершения административных правонарушений, но и о недопустимости

¹ Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции: Приказ МВД России от 13.04.2021 № 212 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Правил организации деятельности специализированных организаций для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения: Приказ Минздрава России № 689 н, Минтруда России № 440 н, МВД России № 509 от 30.06.2021 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 13.09.2021 (дата обращения: 21.10.2022).

³ О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения: Приказ МВД России от 04.03.2020 № 119 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 23.06.2020 (дата обращения: 24.10.2022).

продолжения антиобщественного поведения. В юридической литературе отмечается никакая эффективность применения данной и подобных ей мер в силу специфики психики несовершеннолетних [7]. К вытекающим из содержания статьи 13 Федерального закона «О полиции» мерам пресечения, применяемым органами внутренних дел, относится требование о прекращении противоправных действий, которое имеет определенную схожесть с официальным предостережением, но формально не является таковым так как регулируется разными пунктами статьи 13 (1) и 12 соответственно.

От доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии опьянения следует отличать задержание такого рода лиц, хотя в судебной практике складывается неоднозначное понимание того, на что в данном случае направлено пресечение. Так, Первым кассационным судом общей юрисдикции 26.07.2021 по делу № 88а-17083/2021 подтверждена законность применения сотрудниками полиции административного задержания лица за нахождение в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения и указано, что целью административного задержания выступило лишь обеспечение производства по делу об административном правонарушении, но никак не забота о нравственном и психическом здоровье окружающих.

Прямое отношение к охране здоровья имеет задержание лиц в порядке пунктов 11 и 12 статьи 14 ФЗ «О полиции». Речь идет о лицах, предпринявших попытку самоубийства либо имеющих признаки выраженного психического расстройства и создающих своими действиями опасность для себя и окружающих, а также о лицах, совершивших побег¹ из психиатрического лечебного учреждения или скрывающихся от назначенной судом недобровольной госпитализации в такое учреждение [16]. В этом контексте следует различать так называемое «полицейское задержание» [15] не связанное с принудительными мерами медицинского характера в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством и задержание связанное с таковыми [8]. В контексте публичного управления нас, конечно же, интересует задержание вне связи с применением принудительных мер медицинского характера. На наш взгляд, установленное в части 11 статьи 14 ФЗ «О полиции» ограничение на совершение телефонного звонка и уведомление близких родственников о задержании лица совершившего побег из психиатрического лечебного учреждения или скрывающегося от назначенной судом недобровольной госпитализации в такое учреждение, не в полной мере учитывает законные интересы не столько самого лица с вменяемым ему психическим расстройством, сколько интересы его родственников и близких лиц. И если с ограничением права на телефонный звонок такого лица можно согласиться, то ограничение обязанности сотрудников органов внутренних дел об уведомлении близких родственников или близких лиц не имеет какого-либо внятного обоснования.

С охраной здоровья населения связано право сотрудников органов внутренних дел требовать от граждан покинуть место совершения административного правонарушения, если это необходимо для обеспечения безопасности граждан; в целях защиты жизни, здоровья, а также право обязывать граждан оставаться на соответствующих участках местности и объектах или покинуть их; обращаться к группам граждан, нахождение которых в общественных местах не связано с проводимыми на законных основаниях публичными и массовыми мероприятиями, с требованием разойтись или перейти в другое место, если возникшее скопление граждан создает угрозу их жизни и здоровью, жизни и здоровью других граждан.

С потреблением наркотических, психотропных и новых потенциально опасных психоактивных веществ связано пресечение пропаганды наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Важно понимать, что пресечение незаконного потребления и пропаганды наркосодержащих и психоактивных веществ не есть прерогатива исключительно органов внутренних дел и органов государственного управления в сфере здравоохранения. Практически в каждом правоохранительном органе предусмотрена система мер по выявлению и пресечению подобных действий. Так, например, в Вооруженных Силах Российской Федерации предусмотрена система мер как профилактики, так и пресечения потребления наркотических веществ, включающая в себя: обследование территорий

¹ Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан: Приказ МВД России от 30.04.2012 № 389 (ред. от 06.07.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

воинских частей на предмет обнаружения закладок с наркотиками с привлечением кинологов со служебными собаками; выявление и уничтожение незаконных посевов и очагов произрастания дикорастущих наркосодержащих растений на территории воинских частей; проведение обследований (включая внезапные) военнослужащих на предмет употребления наркотиков и иных психоактивных веществ¹. При этом функции административного пресечения возлагаются на органы военной полиции. Пунктом 5 статьи 21 Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации² предусмотрено право военной полиции производить личный досмотр военнослужащих на предмет обнаружения наркотиков, психотропных средств и их прекурсоров, а также изымать указанные вещества. Указанная мера административного пресечения распространяется не только на военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, но и на военнослужащих, проходящих военную службу в иных федеральных органах исполнительной власти [14].

Совершенно ясно, что с обеспечением права на жизнь связано обеспечение права на охрану здоровья – не оказание в чрезвычайной ситуации первой помощи или медицинской помощи влечет нарушение не только утрату здоровья, но и, возможно, жизни. В этом контексте прав Ю.П. Соловей, который анализируя содержание пункта 1 части 3 статьи 15 ФЗ «О полиции», которая регламентирует проникновение в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории, говорит о том, что «достаточными данными, свидетельствующими о наличии непосредственной угрозы жизни либо имуществу человека, могут служить, например, крики о помощи, стоны, доносящиеся из квартиры, демонстративная попытка какого-либо лица отравиться бытовым газом или совершить самоубийство иным общеопасным способом» [13, с. 21].

Неразделимость охраны жизни и охраны здоровья позволяет отнести к пресекательным мерам, применяемым органами внутренних дел в сфере охраны здоровья: вскрытие транспортного средства для спасения жизни граждан; оцепление (блокирование) территорий, жилых помещений, строений и других объектов при необходимости предотвращения угрозы жизни и здоровью граждан, которые не могут быть защищены иным способом.

Конечно же, невозможно оставить без внимания возможность применения физической силы и специальных средств в качестве методов пресечения административных правонарушений, включая правонарушения в сфере охраны здоровья. Одним из важных аспектов применения физической силы и специальных средств сотрудниками правоохранительных органов выступают связанные с охраной здоровья лица, в отношении которого применяются физическая сила или специальные средства ограничения связанные с состоянием здоровья данных лиц. В частности, ограничивается применение специальных средств в отношении лиц с явными признаками инвалидности. Вместе с тем, проведенный нами в 2022 году среди сотрудников органов внутренних дел Краснодарского края опрос 100 сотрудников органов внутренних дел показал, что 95% из опрошенных считают, что явными могут быть только признаки физической инвалидности и не знают, что инвалидность может быть и вследствие психического расстройства и также имеет явные признаки. Между тем, необходимость применения мер принуждения к лицам с психическими расстройствами не такая уж и редкость. На наш взгляд, необходимо дополнить содержание пункта 1 части 1 статьи 22 ФЗ «О полиции» изложив его следующим образом: «1. Сотруднику полиции запрещается применять специальные средства: 1) в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности, включая психическую инвалидность и малолетних лиц, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения группового либо иного нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции». Аналогичным образом предлагается отредактировать нормы о применении специальных средств в Законе РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О государственной границе», ФЗ от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране», ФЗ от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране», ФЗ от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные

¹ Об организации работы по противодействию незаконному потреблению и обороту наркотических средств и психотропных веществ в Вооруженных Силах Российской Федерации (вместе с «Порядком проведения Всеармейского месячника противодействия наркомании «Армия против наркотиков!»): Приказ Министра обороны РФ от 11.12.2017 № 764 (Официально не опубликован) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 25.03.2015 № 161 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 13. Ст. 1909.

законодательные акты Российской Федерации», ФЗ от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», ФЗ от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», ФЗ от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», ФЗ от 17.12.1994 № 67-ФЗ «О федеральной фельдъегерской связи».

В ряду мер административного пресечения в сфере охраны здоровья отдельного внимания заслуживают административно-обеспечительные меры в производстве по делам об административных правонарушениях, имеющие элементы пресечения.

Некоторые из обеспечительных мер являются разновидностью мер пресечения, применяемых уполномоченными правоохранительными органами, такие как, например, доставление, административное задержание, другие же меры поименованы в качестве обеспечительных, но носят дополнительный пресекающий характер. Другими словами, важна первичная и дополнительная цель применения той или иной меры, а именно что первично – пресечение или обеспечение производства по делу об административном правонарушении. Хотя, справедливости ради, в процессе применения соответствующей меры административного принуждения порой цель обеспечения и пресечения является двуединой.

Помимо доставления, административного задержания и досмотра транспортного средства пресекающим характером в целях обеспечения здоровья граждан обладает изъятие вещей и документов в порядке статьи 27.10 КоАП РФ. Для анализируемой сферы государственного управления значение имеют, прежде всего, части 12 и 13 статьи 27.10 КоАП РФ, где речь идет об изъятии наркотических средств и психотропных веществ [1], а также алкогольная и спиртосодержащая продукция. Уничтожение алкогольной и спиртосодержащей продукции, не отвечающей обязательным требованиям стандартов, санитарных правил и гигиенических нормативов, подлежит направлению на переработку или уничтожению даже без вынесения судебного акта. Конституционным Судом Российской Федерации подчеркнуто, что «право частной собственности, как вытекает из статей 55 (часть 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья...»¹.

Кроме того, к вещам, подлежащим изъятию и подвергаемым быстрой порче, а потому, подлежащих уничтожению, могут относиться лекарственные средства, требующие особых условий хранения, например настои трав, применяемые в народной (неконвенциональной) медицине.

Традиционно мерой административного пресечения выступает отстранение от управления транспортным средством лица, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения с последующим освидетельствованием на состояние алкогольного опьянения или медицинским освидетельствованием на состояние опьянения.

Этой проблематике посвящено достаточно много работ специалистов в области административного права и административного процесса [6; 9; 12]. Но для целей настоящего исследования важно расставить акценты применения данной меры. Для целей охраны здоровья значение имеет не столько медицинское освидетельствование, сколько отстранение лица от управления транспортным средством соответствующего вида. На наш взгляд данная мера пресечения по отношению к охране здоровья населения имеет сопряженное с процессуальными целями значение в силу того, что устраняется потенциальная опасность нанесения вреда здоровью как самого водителя соответствующего транспортного средства, так и здоровью иных лиц – пассажиров, иных участников дорожного движения.

В этом смысле интересна точка зрения Ю.И. Попугаева, который видит в качестве одной из проблем применения этой и иных мер обеспечительного характера «отсутствие единого подхода к определению конкретной процессуальной цели применения каждой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях» [11, с. 34].

¹ По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Бизнеслайн-Дальний Восток» на нарушение конституционных прав и свобод положением части 12 статьи 27.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 № 408-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 5.

Подобную позицию высказал В.Р. Кисин, отмечая, что «формулировки ч. 1 и ч. 1.1 ст. 27.12 КоАП РФ вполне позволяют уяснить цели отстранения от управления транспортным средством, освидетельствования и медицинского освидетельствования на состояние опьянения водителя транспортного средства и исключают их произвольное толкование. Однако этого нельзя сказать относительно правового регулирования направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения иных лиц» [5, с. 30].

Список использованной литературы:

1. Агапов А.Б. Имущественные споры в административном судопроизводстве. *Административное право и процесс*. 2019;(9):20–25.
2. Вальков А.П., Кочеров Ю.Н., Сотников С.С. О некоторых аспектах объявления сотрудниками полиции официального предостережения. *Российский следователь*. 2021;(8):61–64. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-8-61-64.
3. Джамирзе Б.Ю. Меры административного принуждения, применяемые к юридическим лицам в связи с нарушениями лицензионных требований: монография. Москва: Норма; 2021.
4. Кайнов В.И., Шеншин В.М. О правовой регламентации некоторых мер административного пресечения, применяемых правоохранительными органами: новации административного права. *Вестник Московского университета МВД России*. 2022;(5):145–153. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-5-145-153.
5. Кисин В.Р. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: юридическая природа и недостатки правового регулирования. *Административное право и процесс*. 2018;(1):29–33.
6. Костин С.Г. К вопросу о проблемах применения мер административного принуждения в виде направления правонарушителя на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. *Административное право и процесс*. 2018;(8):65–69.
7. Кострова О.В. Правовые нюансы применения института официального предостережения в отношении несовершеннолетних. *Административное право и процесс*. 2022;(7):50–53. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-7-50-53.
8. Лобачев Д.А. Закон «О полиции» «вторгся» в уголовно-процессуальную сферу. *Уголовное судопроизводство*. 2011;(3):8–11.
9. Минтягов С.А., Иванов П.М. Организационно-правовые основы деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации: изменения в законодательстве. *Право в Вооруженных Силах*. 2018;(3):4–9.
10. Полежаев Д.А. Актуальные проблемы, связанные с осуществлением лицензионного контроля. *Актуальные проблемы гармонизации судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора*. Сборник трудов конференции. М.: РГУП; 2018.
11. Попугаев Ю.И. Некоторые концептуальные положения по оптимизации процессуальной части

References:

1. Agapov A.B. [Property disputes in administrative proceedings]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2019;(9):20–25. (In Russ.)]
2. Val'kov A.P., Kocherov Yu.N., Sotnikov S.S. [About some aspects of the announcement of an official warning by police officers]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*. 2021;(8):61–64. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-8-61-64 (In Russ.)]
3. Dzhampirze B.Yu. [Measures of administrative coercion applied to legal entities in connection with violations of licensing requirements]. Moscow: Norma; 2021. (In Russ.)]
4. Kainov V.I., Shenshin V.M. [On the legal regulation of certain measures of administrative restraint applied by law enforcement agencies: innovations in administrative law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(5):145–153. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-5-145-153 (In Russ.)]
5. Kisin V.R. [Measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses: the legal nature and shortcomings of legal regulation]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2018;(1):29–33. (In Russ.)]
6. Kostin S.G. [On the issue of the problems of applying administrative coercion measures in the form of sending the offender for a medical examination for intoxication]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2018;(8):65–69. (In Russ.)]
7. Kostrova O.V. [Legal nuances of the application of the institution of official warning in relation to minors]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2022;(7):50–53. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-7-50-53 (In Russ.)]
8. Lobachev D.A. [The law "On Police" has "invaded" the criminal procedure sphere]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*. 2011;(3):8–11. (In Russ.)]
9. Mintyagov S.A., Ivanov P.M. [Organizational and legal bases of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation: changes in legislation]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh = Law in the Armed Forces*. 2018;(3):4–9. (In Russ.)]
10. Polezhaev D.A. [Actual problems related to the implementation of license control]. *Aktual'nye problemy garmonizatsii sudebnoi reformy s reformoi gosudarstvennogo kontrolya i nadzora = Actual problems of harmonization of judicial reform with the reform of state control and supervision*. Proceedings of the conference. Moscow: RGUP; 2018. (In Russ.)]
11. Popugaev Yu.I. [Some conceptual provisions on optimization of the procedural part of the Administrative

КоАП РФ. *Административное право и процесс*. 2019;(8):32–35.

12. Соколов А.Ю. Отстранение от управления транспортным средством как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. *Административное право и процесс*. 2012;(1):28–30.

13. Соловей Ю.П. Вхождение (проникновение) сотрудников полиции в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории как мера государственного принуждения, предусмотренная Федеральным законом «О полиции». *Административное право и процесс*. 2012;(3):17–25.

14. Туганов Ю.Н. Устав военной полиции и возможности его применения к военнослужащим других войск, воинских формирований и органов. *Право в Вооруженных Силах*. 2015;(9):2–7.

15. Чупилкин Ю.Б. О необходимости совершенствования порядка задержания, предусмотренного в проекте Федерального закона «О полиции». *Российская юстиция*. 2010;(12):62–64.

16. Шишков С.Н. Пробелы и противоречия в законодательстве о психиатрии. *Законность*. 2014;(9):27–32.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елифанова Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-6611-8031

Author ID: 57200340983

Code of the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i protsess* = *Administrative law and process*. 2019;(8):32–35. (In Russ.)]

12. Sokolov A.Yu. [Suspension from driving a vehicle as a measure to ensure the proceedings in cases of administrative offenses]. *Administrativnoe pravo i protsess* = *Administrative law and process*. 2012;(1):28–30. (In Russ.)]

13. Solovei Yu.P. [Entry (penetration) of police officers into residential and other premises, land plots and territories as a measure of state coercion provided for by the Federal Law "On Police"]. *Administrativnoe pravo i protsess* = *Administrative law and process*. 2012;(3):17–25. (In Russ.)]

14. Tuganov Yu.N. [Устав военной полиции и возможности его применения к военнослужащим других войск, воинских формирований и органов]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh* = *Law in the Armed Forces*. 2015;(9):2–7. (In Russ.)]

15. Chupilkin Yu.B. [On the need to improve the detention procedure provided for in the draft Federal Law "On Police"]. *Rossiiskaya yustitsiya* = *Russian Justice*. 2010;(12):62–64. (In Russ.)]

16. Shishkov S.N. [Gaps and contradictions in the legislation on psychiatry]. *Zakonnost'* = *Legality*. 2014;(9):27–32. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Epifanova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-6611-8031

Author ID: 57200340983



Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-25-31>

ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО С ЭЛЕМЕНТАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ПРЕДМЕТ СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Жеребцов А.Н.*, Лунев Д.О.

ФГБОУ ВО «Государственный морской университет им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова»
(Ленина проспект, д. 93, г. Новороссийск, Россия, 353924)

Ссылка для цитирования: Жеребцов А.Н., Лунев Д.О. Транспортное средство с элементами искусственного интеллекта как предмет состава административного правонарушения. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(2):25–31. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-25-31>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Жеребцов Алексей Николаевич*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Гражданское и международное право» ФГБОУ ВО «Государственный морской университет им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова»; профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ленина проспект, д. 93, г. Новороссийск, Россия, 353924

Тел.: +7 (918) 632-74-76

E-mail: admgan2066@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.04.2023

Статья принята к печати: 29.05.2023

Дата публикации: 26.06.2023

Аннотация: Целью исследования является обоснование транспортного средства с элементами искусственного интеллекта как предмета состава административного правонарушения, определение дефиниции данного предмета, выделение субъектов административной ответственности за правонарушения, совершенные с использованием транспортного средства с элементами искусственного интеллекта, потребность определения их административно-правового статуса как участника производства по делам об административных правонарушениях в сфере транспорта и дорожного движения.

В результате исследования проведен анализ существующих подходов по проблемам транспортного средства с элементами искусственного интеллекта и административной ответственности за правонарушения в сфере функционирования транспорта и дорожного движения с участием данного вида транспортных средств, предложены перспективы дальнейшего развития административно-деликтного законодательства.

Вывод: сформирована правовая дефиниция «транспортное средство с элементами искусственного интеллекта» как предмета состава административного правонарушения, предложены пути формирования в рамках действующего КоАП РФ или разрабатываемого проекта КоАП РФ, норм об административной ответственности транспортного средства с элементами искусственного интеллекта, с использованием которого совершено административное правонарушение в сфере функционирования транспорта и дорожного движения.

Ключевые слова: транспортное средство с элементами искусственного интеллекта, административное правонарушение, владелец или собственник ТС, изготовитель ТС, разработчик программного обеспечения, эксплуатанты транспортного пути, лица, осуществившие несанкционированное вмешательство в деятельности ТС ИИ, состав административного правонарушения.

A VEHICLE WITH ELEMENTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS THE SUBJECT OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE

Alexey N. Zherebtsov*, Dmitry O. Lunev
Admiral F.F. Ushakov State Maritime University
(Lenin Avenue, 93, Novorossiysk, Russia, 353924)

Link for citation: Zherebtsov A.N., Lunev D.O. A vehicle with elements of artificial intelligence as the subject of an administrative offense. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;15(2):25–31. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-25-31>

CONTACT INFORMATION:

Alexey N. Zherebtsov*, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil and International Law, Admiral F.F. Ushakov State Maritime University; Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Lenin Avenue, 93, Novorossiysk, Russia, 353924

Tel.: +7 (918) 632-74-76

E-mail: admgan2066@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 27.04.2023

The article has been accepted for publication: 29.05.2023

Date of publication: 26.06.2023

Annotation: The purpose of the study is to substantiate a vehicle with elements of artificial intelligence as a subject of an administrative offense, to determine the definition of this subject, to identify the subjects of administrative responsibility for offenses committed using a vehicle with elements of artificial intelligence, the need to determine their administrative and legal status as a participant in administrative proceedings offences in the field of transport and traffic.

As a result of the study, an analysis of existing approaches to the problems of a vehicle with elements of artificial intelligence and administrative responsibility for offenses in the field of functioning of transport and road traffic with the participation of this type of vehicle was carried out, and prospects for further development of administrative and tort legislation were proposed.

Conclusion: the legal definition of "vehicle with elements of artificial intelligence" as the subject of an administrative offense has been formed, ways of forming within the framework of the current Code of Administrative Offenses of the Russian Federation or the draft of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, norms on the administrative responsibility of a vehicle with elements of artificial intelligence, with the use of which an administrative offense was committed in the field of functioning of transport and road traffic, have been proposed.

Keywords: vehicle with elements of artificial intelligence, administrative offense, owner or owner of the vehicle, vehicle manufacturer, software developer, transport route operators, persons who have carried out unauthorized interference in the activities of the AI vehicle, administrative offense.

Введение

Происходящие процессы расширения использования технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в различных сферах социально-экономической деятельности общества является объективной закономерностью, обусловленной четвертой технологической революцией, происходящей в современном мире. Как метко заметил Ю.А. Тихомиров: «Достижения науки и техники, экономический рост и высокий уровень развития социальной сферы способствуют созданию необходимых для этого условий. Отсюда и прогресс культуры, и совершенствование информационных технологий, и появление новых технических устройств – все это меняет соотношение «человеческого» и «технического» в регулировании жизнедеятельности общества» [14, с. 5]. Все это актуализирует потребность научно-теоретического юридического обоснования целого комплекса вопросов правового обеспечения использования ИИ, выработку адекватных

инструментов позитивного и охранительного правового воздействия на активно развивающиеся социально-экономические отношения в информационном (цифровом) обществе с учетом баланса частных и публичных интересов, потребности защиты прав и свобод личности [14, с. 7]. Особенно актуальными является решение проблем поддержания баланса публичных и частных интересов, защиты прав и свобод человека в рамках охранительных отношений административной ответственности, где предметом административного правонарушения выступает транспортное средство с элементами ИИ (далее – ТС ИИ). Расширение видов транспортных средств требует серьезной корректировки действующего законодательства в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, что отражено, например, в Постановлении Правительства РФ от 06 октября 2022 № 1769 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»¹, которым было определено, что электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сегвеи, моноколеса и их аналоги получили особый статус – средств индивидуальной мобильности. Это позволило определить их режим как предмета правоотношений, возникающих в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Задача расширения использования ТС ИИ, по мнению некоторых экспертов, «будет решен на обычном для обывателя уровне через 1–2 года за рубежом и через 3–5 лет в России...» [11, с. 169] и эти процессы весьма активно реализуются как в Российской Федерации, так и зарубежом [8, с. 117–132]. Это обстоятельство объективно порождает потребность в расширении использования ТС ИИ как предмета указанных общественных отношений, а также охранительных правоотношений административной ответственности в сфере функционирования транспорта и дорожного движения.

Методы исследования

Исследование актуальных проблем ТС ИИ как предмета состава административного правонарушения основывается на диалектической мировоззренческой парадигме с использованием классических общенаучных методов анализа, синтеза, восхождения от общего к частному и специальных юридических методов различения сущего и должного в праве, сравнительно-правового анализа, правового моделирования.

Результаты исследования

Объективные процессы информатизации многих сторон жизни общества, обусловленные четвертой технологической революцией, ставит перед юридической наукой комплекс проблемных вопросов использования ИИ, в том числе, в сфере безопасного функционирования транспорта. Одной из таких правовых проблем выступает потребность дальнейшего совершенствования административной ответственности за правонарушения с использованием ТС ИИ в сфере функционирования транспорта и дорожного движения. Анализ существующих научных подходов вряд ли позволяет признать ТС ИИ субъектом административной ответственности. ТС ИИ выступает в качестве предмета состава административного правонарушения в сфере функционирования транспорта и дорожного движения. Субъектами такой ответственности должны выступать владелец или собственник ТС ИИ, изготовитель ТС ИИ, разработчик программного обеспечения, эксплуатанты транспортного пути, лица, осуществившие несанкционированное вмешательство в деятельности ТС ИИ. Это обстоятельство требует формирования административно-правового статуса указанных субъектов как субъектов производства по делам об административных правонарушениях.

ТС ИИ, как предмет состава административного правонарушения, следует определить как автономное транспортное средство, действующее на основе специального программного информационного продукта, способное выполнять комплекс функций и различные манипуляции, взаимодействующее с окружающей средой без помощи человека и осуществляющее его предназначение без воздействия на этот процесс водителя-человека.

Научная дискуссия

В настоящее время в современной юридической науке является дискуссионным вопрос об отнесении ТС ИИ к числу предмета или субъекта правонарушения. Как известно ТС в российском административно-деликтном законодательстве традиционно признается предметом или орудием совершения административного правонарушения. Традиционно в административно-правовой науке предметом административного правонарушения выступают вещи и иные блага и ценности материального и иного характера, по поводу которых возникают правоотношения, составляющие объект правонарушения, и воздействуя на которые правонарушитель причиняет вред этому

¹ Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 7100.

отношению¹ [7, с. 58]. ТС как предмет административного правонарушения в большей степени присущ составам административных правонарушений, закрепленных в гл. 11 и 12 КоАП РФ. Следует констатировать, что в настоящее время ТС ИИ специально не выделяются в качестве предмета административного правонарушения в области функционирования транспорта и дорожного движения. Между тем следует констатировать, что развитие IT-технологий все больше распространяется в сфере создания, так называемого, беспилотного транспорта. При этом следует признать, что степень использования ИИ в сфере функционирования транспортного комплекса и, в частности, ТС, различна. В настоящее время активно тестируются беспилотные ТС, такие компании как General Motors, Tesla, BMW и Ford планируют производить беспилотные машины различного вида и назначения, запускаются «умные» системы управления дорожным и иного вида движением [12, с. 48]. И эти процессы будут неуклонно расширяться и углубляться. Однако следует признать, что использование ИИ на ТС выполняет различные функции как по виду, так и содержанию. Если говорить о функциональном назначении ИИ ТС, то можно говорить о том, что ИИ выполняет лишь отдельные функции в процессе функционирования ТС. Что касается содержательного использования ИИ ТС может носить частичный и полный характер, т.е. используется частично на ТС или полностью подменяет водителя ТС, действуя как человек. В этой связи мы определяем ТС и элементами ИИ.

В науке ИИ интерпретируется как «способ сделать компьютер, компьютер-контролируемого робота или программу, способную так же разумно мыслить, как человек»². Из указанных положений видно, что формируется подход к созданию ИИ в техническом устройстве, сходного с человеческим. Данное обстоятельство предопределило вектор разработки ИИ, что требует исследования мыслительных способностей индивида и использование этих результатов для разработки различных информационных программ ИИ, способных мыслить и вести себя как человек, обладать способностью к самообучению. В этой связи стоит две серьезные проблемы этического и технического характера. Во-первых, сам человек весьма несовершенный и создание ИИ, копирующего человеческое поведение по образу и подобию человека, не всегда уместно. Во-вторых, ученые признают проблемность существующих технологических решений «считывания» информации об окружающей среде, где «наряду с высокой точностью распознавания образов в среднем, иногда нейросети делают неожиданные ошибки на примерах, которые никогда бы не допустил человек» [6, с. 52]. Все эти обстоятельства необходимо учитывать при формировании норм об административной ответственности за правонарушения в области транспорта и дорожного движения с использованием ТС ИИ.

В основе формирования нормативного административно-правового регулирования административной ответственности в сфере функционирования транспорта и дорожного движения ТС ИИ лежит вопрос определения предмета данного вида административного правонарушения, каковым выступает ТС ИИ. Здесь возникает вопрос о признании или непризнании ИИ субъектом или квазисубъектом права. Данная дискуссия весьма активно ведется в современной отечественной и зарубежной литературе [5, с. 303; 9]. Мы солидарны с позицией С.Е. Чаннова, который признает, что в настоящее время об ИИ как субъекте права говорить преждевременно, однако развитие ИИ может на определенном этапе быть введен в правовой оборот в качестве квазисубъекта [13]. Основным доводом, исключающим субъектность ИИ, по мнению данного автора выступает отсутствие у ИИ свободной воли. Это утверждение справедливо, но стоит добавить, что у ИИ отсутствует не только свободная воля, но и публичный или частный интерес как основание возникновения любого правоотношения. В настоящее время ряд ли уместно утверждать о какой-либо правосубъектности ТС ИИ. Его следует в рамках нашего исследования определять как предмет административного правонарушения в области транспорта и дорожного движения. В этом контексте целесообразно коснуться проблемы нормативного определения ТС ИИ.

Анализ зарубежного опыта определения ТС ИИ свидетельствует о синонимичности понятий «driverless car» (машина без водителя), «autonomous car» (автономная машина), «robotic car» (роботизированная машина) и «self-driving car» (самодвижущаяся машина или самоуправляемая машина). По мнению А.Ж. Степаняна эти термины при всей их синонимичности «отличаются по

¹ Макарейко Н.В. Административное право: конспект лекций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://textbook.news/pravo-administrativnoe/administrativnoe-pravo-konspekt.html> (дата обращения: 04.04.2023).

² Поспелов Д.А. Искусственный интеллект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 04.04.2023).

смыслу, по действиям, по возможностям ИИ и человека. Различие в стилистике словосочетания подчеркивает эти отличия. Само по себе слово «автономия» уже говорит о степени свободы «воли машины» (этот вопрос неоднократно поднимался и будет подниматься в литературе)» [11, с. 170]. Вполне справедливые утверждения данного автора, однако вызывает сомнение утверждение автора о том, что «автономия» ИИ не равна его «автономной воли» [10]. Никакой воли, а тем более автономной у ИИ быть не может. Воля ИИ есть воля, сформированная в рамках лежащего в его основе программного продукта, даже если этот программный продукт саморазвивающийся. Ведь саморазвитие весьма ограничено возможностями ИИ получать информацию от внешней среды. Поэтому утверждение, что существует автономная машина или самоуправляемая машина с точки зрения права является сомнительным. В этой связи является весьма справедливым определение ИИ, данное П.П. Барановым, который отмечает, что ИИ есть «программируемое автономное автоматическое устройство, способное выполнять различные манипуляции и взаимодействовать с окружающей средой без помощи человека и заменять его труд» [4, с. 41]. Ключевым здесь выступает программируемое устройство, т.е. созданное человеком. Опять же возникает проблема характеристики ИИ как саморазвивающейся и самообучающейся системы. ИИ все же является формальной программной системой и в рамках этой системы в любой момент может возникнуть вопрос, который не может быть разрешен в рамках данной формальной системы. Как и у людей возникают ситуации, когда человек себя ведет весьма не в соответствии с сформированным сознанием, комплексом идеологических, мировоззренческих и культурных установок.

Некоторые специалисты утверждают, что в целом «робот» можно определить как телесный искусственный объект или систему, обладающую способностью физически проявлять себя, в том числе чувствовать, обрабатывать и воздействовать на окружающий мир в некоторой степени [15; 16]. Да, безусловно, ИИ не может не обладать чувствами иначе, он бы не обладал свойствами саморазвития (самообразования). При этом справедливо отмечается, что существуют многообразные основания классификации систем с ИИ (роботов) по различным основаниям [10]. Важным, на наш взгляд, является дифференцировать ИИ по критерию функциональности его предназначения. Особенно это важно в контексте использования ИИ в ТС. Какова степень функциональности ИИ, используемого в ТС. Это с безусловностью должно влиять на характер совершенного административного правонарушения ТС ИИ [1, с. 31–32] и требует дифференциации составов административных правонарушений в административно-деликтном законодательстве.

ТС ИИ как предмет административного правонарушения может выполнять различные функции в процесс эксплуатации ТС. Во-первых, ИИ может выполнять функции контроля за работой отдельных или всех агрегатов ТС, но управление ТС осуществляет человек. Во-вторых, ИИ полностью самостоятельно осуществляет процесс эксплуатации ТС без участия человека. Хотя существуют и иные подходы к классификации уровней автоматизации ТС, они в настоящее время принципиально не несут ничего нового и отличного от предлагаемого нами [2, с. 63]. В этой связи ТС является автономным, является транспортным роботом. Если в первом случае административная ответственность за нарушение правил эксплуатации ТС и правил безопасности дорожного движения возлагается на водителя в соответствии с нормами действующих гл. 11 и 12 КоАП РФ, то во втором случае субъект административной ответственности конкретно не персонифицирован. Им может быть владелец или собственник ТС, изготовитель ТС, разработчик программного обеспечения, эксплуатанты транспортного пути, лица, осуществившие несанкционированное вмешательство в деятельности ТС ИИ. В науке справедливо признается, что эти виды субъектов нуждаются в нормативном определении их административно-правового статуса, в том числе в качестве субъектов административно-деликтного процесса [3; 9]. В этом случае предопределяющим в рамках данных составов может стать объективная сторона этих состава, т.е. содержание противоправного деяния (действия или бездействия) приведенных видов субъектов. Эти обстоятельства позволяют утверждать необходимость установления в действующем административном законодательстве Российской Федерации (либо в проекте законодательстве об административных правонарушениях, разрабатываемых в рамках административной реформы законодательства об административной ответственности). При этом необходимо дифференцировать нормы об административной ответственности за нарушения в области эксплуатации транспорта или правил дорожного движения с использованием ТС ИИ по субъектному признаку. При этом, лица, осуществившие несанкционированное вмешательство в деятельности ТС ИИ, должны нести как административную, так и уголовную ответственность, а разграничение составов административного правонарушения и

преступления могло бы осуществляться противоправных последствий, т.е. состав административного правонарушения должен быть формальным, а состав преступления материальным.

Определяя ТС ИИ как предмет административного правонарушения в области эксплуатации транспорта или правил дорожного движения, необходимо дать его правовую дефиницию: ТС ИИ есть автономное транспортное средство, действующее на основе специального программного информационного продукта, способное выполнять комплекс функций и различные манипуляции, взаимодействующее с окружающей средой без помощи человека и осуществляющее его предназначение без воздействия на этот процесс водителя-человека.

Список использованной литературы:

1. Александров О.П., Казахбаева Г.У. Роботы и искусственный интеллект. *Наука, техника и образование*. 2016;(12):31–32. DOI: 10.20861/2312-8267-2016-30-004.
2. Амеличкин А.В. К вопросу о правовых проблемах использования высокоавтоматизированных транспортных средств в дорожном движении. *Административное и муниципальное право*. 2021;(3):59–73. DOI: 10.7256/2454-0595.2021.3.35319.
3. Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2018;(1):39–45.
4. Беликов А.П. Применение беспилотных технологий как объект административно-правового регулирования. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2021;(4):198–206.
5. Добробаба М.Б. Искусственный интеллект: объект или субъект права? *Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки*. Материалы конференций в рамках X Московской юридической недели: в 5 ч. М., 2021.
6. Душкин Р.В., Андронов М.Г. Использование методов искусственного интеллекта для организации беспилотного движения. *Тренды и управление*. 2020;(1):51–58. DOI: 10.7256/2454-0730.2020.1.30722.
7. Жильцов А.В., Димитрова Е.А. К вопросу об объекте и предмете административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. *Вестник Сибирского юридического института ФСКН России*. 2016;(4(25)):55–62.
8. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства, оснащенные системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право*. 2018;(3):117–132. DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/117-132.
9. Любимов Л.В. К вопросу о возможности применения мер административного принуждения в отношении беспилотного автомобиля, его водителя и производителя. *Вестник Воронежского института МВД России*. 2019;(4):221–227.

References:

1. Aleksandrov O.P., Kazakhbaeva G.U. [Robots and artificial intelligence]. *Nauka, tekhnika i obrazovanie = Science, technology and education*. 2016;(12):31–32. DOI: 10.20861/2312-8267-2016-30-004 (In Russ.)]
2. Amelichkin A.V. [On the issue of legal problems of the use of highly automated vehicles in road traffic]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and municipal law*. 2021;(3):59–73. DOI: 10.7256/2454-0595.2021.3.35319 (In Russ.)]
3. Baranov P.P. [Legal regulation of robotics and artificial intelligence in Russia: some approaches to solving the problem]. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*. 2018;(1):39–45. (In Russ.)]
4. Belikov A.P. [The use of unmanned technologies as an object of administrative and legal regulation]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*. 2021;(4):198–206. (In Russ.)]
5. Dobrobaba M.B. [Artificial intelligence: an object or a subject of law?] *Novelly Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii i zadachi yuridicheskoi nauki = Novelties of the Constitution of the Russian Federation and the tasks of legal science*. Materials of conferences within the framework of the X Moscow Legal Week: at 5 a.m., 2021. (In Russ.)]
6. Dushkin R.V., Andronov M.G. [The use of artificial intelligence methods for the organization of unmanned traffic]. *Trendy i upravlenie = Trends and management*. 2020;(1):51–58. DOI: 10.7256/2454-0730.2020.1.30722 (In Russ.)]
7. Жильцов А.В., Димитрова Е.А. [To the question of the object and subject of an administrative offense provided for in Article 6.8 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia*. 2016;(4(25)):55–62. (In Russ.)]
8. Korobeev A.I., Chuchaev A.I. [Unmanned vehicles equipped with artificial intelligence systems: problems of legal regulation]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ehkonomika, politika i parvo = Asia-Pacific region: Economics, Politics and Law*. 2018;(3):117–132. DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/117-132 (In Russ.)]
9. Lyubimov L.V. [On the question of the possibility of applying administrative enforcement measures against an unmanned vehicle, its driver and manufacturer]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of*

10. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта (монография) / под ред. А.В. Незнамова. М.: Инфотропик Медиа; 2018.
11. Степанян А.Ж. Проблемы регулирования беспилотных транспортных средств. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. 2019;(4):169–174. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.169-174.
12. Солнцева О.Г. Аспекты применения технологий искусственного интеллекта. *E-Management*. 2018;1(1):43–51. DOI: 10.26425/2658-3445-2018-1-43-51.
13. Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;17(12(145)):94–109. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109.
14. Юридическая концепция роботизации (монография) / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект; 2019.
15. Calo R. Robotics and the New Cyberlaw. *Californian Law Review*. 2015;103(3):513-63.
16. Kok J.N., Boers E. J. W., Kusters W.A., Van der Putten P., Poel M. *Artificial intelligence: definition, trends, techniques, and cases. Encyclopedia of Life Support Systems, Artificial Intelligence*. Paris: Eolss Publishers; 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жеребцов Алексей Николаевич*

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Гражданское и международное право» ФГБОУ ВО «Государственный морской университет им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова»; профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-7392-279X

Author ID: 681537

Лунев Дмитрий Олегович

аспирант ФГБОУ ВО «Государственный морской университет им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова»

Russia. 2019;(4):221–227. (In Russ.)]

10. [Regulation of robotics: an introduction to "robopravo". Legal aspects of the development of robotics and artificial intelligence technologies] / edited by A.V. Neznamova. M.: Infotropik Media; 2018. (In Russ.)]

11. Stepanyan A.Zh. [Problems of regulation of unmanned vehicles]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Bulletin of the O.E. Kutafin University*. 2019;(4):169–174. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.56.4.169-174 (In Russ.)]

12. Solntseva O.G. [Aspects of the application of artificial intelligence technologies]. *E-Management = E-Management*. 2018;1(1):43–51. DOI: 10.26425/2658-3445-2018-1-43-51 (In Russ.)]

13. Channov S.E. [Robot (artificial intelligence system) as a subject (quasi-subject) of law]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2022;17(12(145)):94–109. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109 (In Russ.)]

14. [The legal concept of robotization] / N.V. Antonova, S.B. Balkhaeva, Zh.A. Glazunova et al.; ed. Yu.A. Tikhomirov, S.B. Nanba. M.: Prospect; 2019. (In Russ.)]

15. Calo R. Robotics and the New Cyberlaw. *Californian Law Review*. 2015;103(3):513-63.

16. Kok J.N., Boers E. J. W., Kusters W.A., Van der Putten P., Poel M. *Artificial intelligence: definition, trends, techniques, and cases. Encyclopedia of Life Support Systems, Artificial Intelligence*. Paris: Eolss Publishers; 2009.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexei N. Zherebtsov*

Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil and International Law, Admiral F.F. Ushakov State Maritime University; Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-7392-279X

Author ID: 681537

Dmitry O. Lunev

Postgraduate student of the Admiral F.F. Ushakov State Maritime University

ПРАВОВОЙ СТАТУС САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН КАК СУБЪЕКТОВ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Комарова Л.В.^{*1}, Фарикова Е.А.²

¹ ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

² СКФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

(Красных Партизан ул., д. 234, г. Краснодар, Россия, 350020)

Ссылка для цитирования: Комарова Л.В., Фарикова Е.А. Правовой статус самозанятых граждан как субъектов налоговых правоотношений. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(2):32–38. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-32-38>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Комарова Людмила Викторовна*, доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 453-34-25

E-mail: ludvik18@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 01.03.2023

Статья принята к печати: 03.04.2023

Дата публикации: 26.06.2023

Аннотация: Целью настоящей статьи является анализ правового статуса самозанятых граждан как субъектов налоговых правоотношений. В исследовании представлены основные предпосылки, причины и цели создания института самозанятых граждан для экономики России. Обозначенная цель предопределила решение задач научного исследования, которые состоят в теоретико-правовом анализе налогового правового статуса самозанятых граждан, его содержания; в изучении законодательной основы экономической деятельности самозанятых граждан; исследовании соотношения правового статуса самозанятых граждан в налоговом праве и других правовых отраслях.

Цель и задачи работы определили методологию настоящего исследования, в основу которой положен ряд методов, в частности: метод диалектического материализма как всеобщий метод научного познания; общенаучные методы (индукция, дедукция, анализ, синтез, моделирование и др.); системно-структурный, логический, статистический как частно-научные методы исследования; формально-юридический метод, занимающий центральное место в методологии настоящего исследования.

В результате проведенного исследования авторами сформулированы собственные выводы, а также некоторые проблемные аспекты теоретического и правоприменительного характера. Так, в статье оценены некоторые промежуточные результаты введения института самозанятых граждан. Рассмотрены особенности содержания правового положения самозанятых граждан с точки зрения налогового права. Показано, что на данном этапе отсутствует четкое представление о том, что представляет собой институт самозанятых граждан, несмотря на его стремительное развитие уже в течение нескольких лет. Налоговое законодательство содержит лишь разрозненные и несистематизированные нормы о правовом статусе самозанятых граждан, которые не согласуются с положениями других отраслей законодательства, определяющего место таких граждан в системе экономических и правовых отношений. Это свидетельствует о незрелости института самозанятых

граждан в России, что препятствует реализации его потенциала для экономики страны и не позволяет эффективно и массово внедрять новые меры налогообложения в отношении самозанятых граждан.

Ключевые слова: налоговое право, налоговые правоотношения, самозанятые граждане, специальный режим налогообложения, налог на профессиональный доход.

LEGAL STATUS OF SELF-EMPLOYED CITIZENS AS SUBJECTS OF TAX LEGAL RELATIONS

Ludmila V. Komarova *¹, Ekaterina A. Farikova²

¹ FGBOU VO "Kuban State University"

(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

² SKF FGBOU VO "Russian State University of Justice"

(Krasnykh Partizan str., 234, Krasnodar, Russia, 350020)

Link for citation: Komarova L.V., Farikova E.A. Legal status of self-employed citizens as subjects of tax legal relations. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(2):32–38. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-32-38>

CONTACT INFORMATION:

Ludmila V. Komarova*, Doctor of Philosophy, Cand. of Sci. (Law), Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 453-34-25

E-mail: ludvik18@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 01.03.2023

The article has been accepted for publication: 03.04.2023

Date of publication: 26.06.2023

Annotation: The purpose of this article is to analyze the legal status of self-employed citizens as subjects of tax legal relations. The study presents the main prerequisites, reasons and goals for the creation of the institute of self-employed citizens for the Russian economy. The designated goal predetermined the solution of the tasks of scientific research, which consist in the theoretical and legal analysis of the tax legal status of self-employed citizens, its content; in the study of the legislative basis of the economic activity of self-employed citizens; the study of the correlation of the legal status of self-employed citizens in tax law and other legal branches.

The purpose and objectives of the work determined the methodology of this study, which is based on a number of methods, in particular: the method of dialectical materialism as a universal method of scientific cognition; general scientific methods (induction, deduction, analysis, synthesis, modeling, etc.); system-structural, logical, statistical as private scientific research methods; formal legal the method that occupies a central place in the methodology of this study.

As a result of the conducted research, the author formulated his own conclusions, as well as some problematic aspects of a theoretical and law enforcement nature. Thus, the article evaluates some intermediate results of the introduction of the institute of self-employed citizens. The features of the content of the legal status of self-employed citizens from the point of view of tax law are considered. It is shown that at this stage there is no clear idea of what the institution of self-employed citizens is, despite its rapid development for several years. Tax legislation contains only scattered and unsystematic norms on the legal status of self-employed citizens, which are inconsistent with the provisions of other branches of legislation that determine the place of such citizens in the system of economic and legal relations. This indicates the immaturity of the institution of self-employed citizens in Russia, which hinders the realization of its potential for the country's economy and does not allow the effective and massive introduction of new taxation measures against self-employed citizens.

Keywords: tax law, tax legal relations, self-employed citizens, special taxation regime, tax on professional income.

Введение

Налоговые правоотношения находятся в постоянном развитии, а законодательство, регулирующее их, – в поисках оптимальной модели развития экономики страны за счет налогообложения. Одной из угроз для современной экономики России выступает ее «теневи́зация». Проблема теневой экономики не является новой для нашей страны или в мировом масштабе в целом. Указанное явление характерно для рыночной экономики любого современного государства, но в разной степени. Можно утверждать, что в России показатель теневого сектора экономики находится на достаточно высоком уровне. Такое положение усугубляется внешними факторами, имеющими место в последние годы, в том числе тяжелыми экономическими последствиями пандемии COVID-19 и геополитического конфликта, в который вовлечена Россия в настоящее время.

Методы исследования

Методология исследования, обусловленная целью и задачами работы, состоит из следующих методов: метод диалектического материализма как всеобщий метод научного познания; общенаучные методы (индукция, дедукция, анализ, синтез, моделирование и др.); системно-структурный, логический, статистический как частно-научные методы исследования; формально-юридический метод, занимающий центральное место в методологии настоящего исследования.

Результаты исследования

1. «Теневи́зация» экономики негативно влияет на налоговую составляющую, поскольку не подлежит какому-либо контролю или наблюдению со стороны государства, тем самым обуславливает невозможность поступления в государственный бюджет средств от субъектов, которые фактически осуществляют экономическую деятельность. Таким образом, теневая экономика в современной России – это серьезная проблема, которая препятствует экономическому развитию страны и требует скорейшего разрешения.

2. Учитывая значимость института самозанятых граждан в налоговой системе России, необходимо определить содержание их правового статуса. Для этого предлагается закрепить в НК РФ дефиницию понятия «самозанятый гражданин», чтобы придать таким субъектам налоговых правоотношений официальный статус. При этом нормы НК РФ должны быть согласованы с положениями гражданского законодательства, закрепляющего частноправовые аспекты экономической деятельности самозанятых граждан.

3. Представляется, что практика применения правового статуса самозанятых граждан существенно опережает налоговое законодательство, что негативно сказывается на полноте правового регулирования деятельности самозанятых граждан.

Научная дискуссия

Точное измерение теневой экономики в цифрах затруднительно, поскольку отсутствует конкретный перечень критериев такой оценки. Несмотря на это, можно привести некоторые статистические сведения. Так, по аналитическим данным, представленным в научной литературе, в 2021 г. доля теневого сектора в ВВП нашей страны составила 17 % (22,3 трлн руб.) [10, с. 201]. Другие авторы на основе проведенных ими исследований утверждают, что в 2018 г. в России доля теневой экономики от ВВП составила 38,42 % и имеет тенденцию к увеличению [6].

Теневой сектор негативно сказывается на многих экономических процессах в государстве и является серьезным препятствием для развития рыночной экономики в целом и функционирования ее отдельных институциональных основ. Согласимся с замечанием М.И. Беркович и А.А. Шурыгина о том, что теневая экономика отрицательно воздействует на общую структуру производства и потребления, конкурентную среду, существующие условия воспроизводства рабочей силы, распределение налогового бремени, бюджетный процесс, биосферу, деформирует социально-психологические отношения [2, с. 71]. Теневой сектор охватывает в том числе ненаблюдаемую часть экономической деятельности в сфере оказания услуг, которая не поддается какому-либо налоговому регулированию и налогообложению (например, частное репетиторство, уборка жилых помещений, присмотр и уход за детьми и др.).

Основной причиной «теневи́зации» оказания услуг выступает стремление граждан избежать высоких налогов и избыточного государственного регулирования, обеспечивая для себя приемлемый уровень дохода.

Таким образом, теневая экономика в современной России – это серьезная проблема, которая препятствует экономическому развитию страны и требует скорейшего разрешения, отмечают некоторые авторы [5].

В целях противодействия теневой экономике и оптимизации налоговой системы страны в 2017–2018 гг. в качестве масштабного эксперимента был разработан институт самозанятых граждан, который предполагает специальный режим налогообложения для соответствующей категории субъектов налоговых правоотношений. Порядок и условия применения такого налогового режима регулируются положениями специального Федерального закона от 27.11.2008 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»¹ (далее – Закон № 422-ФЗ).

Специальный налоговый режим в отношении самозанятых граждан сначала был введен в нескольких регионах, а в 2020 г. распространил свое действие на территорию всей страны. По данным ФНС России, в 2022 г. число зарегистрированных в качестве самозанятых граждан в России достигло 4 млн человек, которые оказывают услуги такси, ремонта и маркетинга, доставки товаров и аренды квартир². При этом увеличение числа зарегистрированных самозанятых граждан продолжилось даже в период пандемии COVID-19, когда действовали жесткие карантинные меры.

Отличительной особенностью налогового правового статуса самозанятых граждан выступает то, что они становятся субъектами специального режима налогообложения «Налог на профессиональный доход» (далее – НПД). При этом они освобождаются от обложения налогом на доходы физических лиц в отношении доходов, являющихся объектом налогообложения НПД, и взносов. Таким образом, НПД имеет льготный характер в сравнении с применимыми к сфере оказания услуг режимами налогообложения (упрощенная система налогообложения, режим патента и т.д.) и обладает рядом преимуществ для налогоплательщика.

Как пишет М.С. Сапрыкина, НПД лишен таких недостатков для налогоплательщиков, как экономическая невыгодность, необходимость предоставления налоговых деклараций и посещения налоговых органов, оплаты страховых взносов при отсутствии доходов [9, с. 58]. Также согласимся с мнением Д.Р. Ахматовой и В.М. Кабаковой о том, что государству тоже выгодно внедрение такой системы налогообложения, т.к. это способствует общему увеличению суммы налогов, поступающих в бюджет [1, с. 29].

Создание льготных условий налогообложения для самозанятых граждан положительно оценивается в науке. По мнению Д.С. Пустынниковой, такая мера дает возможность создать конкурентную среду, улучшить деловую активность, а также стимулирует граждан «выйти из тени» [8, с. 86]. Кроме того, как отмечает В.В. Варакосова, статус самозанятого гражданина удобен для старта бизнес-проекта с точки зрения выгодной налоговой ставки, отсутствия отчетов и деклараций, отсутствия обязанности по уплате фиксированных взносов на пенсионное страхование [3, с. 370]. Основным ожидаемым результатом реформы представляется то, что в дальнейшем посредством распространения практики налогообложения в форме НПД «произойдет легализация большей части теневого бизнеса» [4, с. 39]. Таким образом, преимущества статуса самозанятых граждан касаются, в первую очередь, налоговых льгот таких субъектов, позволяя им легализовать доход от экономической деятельности и тем самым исключить ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах.

На практике рассмотренные преимущества уже почувствовали на себе многие граждане, о чем свидетельствует положительная динамика регистрации физических лиц, занимающихся собственным делом, в качестве самозанятых. Однако, как известно, любые новые значимые правоотношения, возникающие в обществе, подлежат четкому и недвусмысленному законодательному регулированию. Определение статуса новых субъектов правоотношений в законе имеет важное значение, поскольку минимизирует противоречия, которые могут негативно влиять на осуществление ими прав и обязанностей. Ввиду того, что практика рассмотрения и разрешения правовых споров, участниками которых являются самозанятые граждане, сформирована в недостаточной мере, в настоящий момент сложно сделать какие-либо однозначные выводы о степени

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² [сайт]. Официальный сайт ФНС России; 2023 [процитировано 20 февраля 2023]. Доступно: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11816919/.

защищенности самозанятых граждан как субъектов налоговых и иных правоотношений, о гарантиях реализации их прав и обязанностей при взаимодействии с другими субъектами правоотношений, в том числе с контролирующими налоговыми органами.

Несмотря на уже сформированную законодательную основу налогообложения самозанятых граждан, остаются вопросы правового регулирования их статуса. Правовой базой деятельности самозанятых граждан выступают нормы гражданского и налогового законодательства, которые устанавливают частноправовые и публично-правовые требования к ведению такими лицами экономической деятельности. Часть 1 ст. 23 ГК РФ¹ допускает осуществление гражданином предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. При этом в ст. 23 ГК РФ не упоминается понятие «самозанятый гражданин», а отражена бланкетная норма, отсылающая к нормам специального Закона № 422-ФЗ. Часть 7.3 ст. 83 НК РФ², в свою очередь, допускает оказание услуг физическим лицом, не являющимся индивидуальным предпринимателем и не имеющим наемных работников, физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд. При этом НК РФ также не содержит понятия «самозанятый гражданин», несмотря на то, что НПД действует во всех субъектах Российской Федерации уже с 01 октября 2020 г. Представляется, отсутствие упоминания самозанятых граждан как отдельной категории субъектов гражданских и налоговых правоотношений объясняется тем, что установление специального налогового режима НПД все же остается экспериментом, который планируется завершить только в 2028 г., а до тех пор законодатель решил не вносить изменения, касающиеся упоминания самозанятых граждан в качестве конкретной особой категории налогоплательщиков. В то же время отсутствие в том числе в НК РФ понятия «самозанятый гражданин» выводит соответствующую группу налогоплательщиков из поля действия налогового законодательства, превращая «самозанятость» в неофициальный статус, не имеющий конкретного законодательного основания.

Если все же опираться на положения ч. 7.3 ст. 83 НК РФ, в которой речь идет о тех физических лицах, которых теперь принято называть самозанятыми гражданами, то их определяющими признаками как субъектов налоговых правоотношений выступают: отсутствие государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя; отсутствие наемных работников; оказание услуг физическим лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд.

При этом в рассматриваемой норме НК РФ отражено ограничение статуса получателя услуг, оказываемых самозанятым гражданином, который может быть только физическим лицом. В указанной части налоговое законодательство не согласуется с нормами гражданского права, которое не устанавливает для самозанятых граждан подобного ограничения. Следует отметить, что ни НК РФ, ни Закон № 422-ФЗ не регулируют гражданские правоотношения, однако установление ограничений в отношении получателя услуг от самозанятых граждан в НК РФ имеет прямые последствия для последних в области определения их налогового правового статуса. На практике договоры оказания услуг между самозанятыми гражданами и юридическими лицами все же заключаются, а вопрос правомерности их заключения именно в таком субъектном составе в судебной практике, как правило, не ставится³.

Кроме того, отметим, что одним из специфических признаков статуса самозанятых граждан является отсутствие ограничений по заключению с ними трудовых договоров или регистрации их одновременно в качестве индивидуального предпринимателя. Отсутствие таких ограничений связано с предоставлением самозанятым гражданам возможности получать дополнительный легальный доход и разнообразить свою деятельность в нескольких направлениях. При этом пробелы в законодательном регулировании статуса самозанятых граждан потенциально содержат в себе угрозу возникновения конфликта между элементами правового положения самозанятого гражданина, наемного работника или индивидуального предпринимателя, учитывая возможный множественный статус одного и того же физического лица. Для исключения такого конфликта в науке предлагается

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 16.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.05.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2021 № 10АП-24559/21 по делу № А41-34831/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

закрепить в законодательстве несколько ограничений, связанных со статусом самозанятого гражданина: НПД нельзя совмещать с другими специальными налоговыми режимами; гражданско-правовой договор с самозанятым лицом не должен иметь признаков трудового договора; бывший работодатель и действующий заказчик у самозанятого лица совпадать не могут; лица, зарегистрированные в качестве самозанятых, не могут быть признаны безработными.

Подводя итог сказанному, отметим, что создание благоприятных условий для осуществления экономической деятельности самозанятыми гражданами играет важную роль в развитии экономики России и постепенном выведении теневого сектора из ее структуры. Налоговое правовое содержание института самозанятых граждан выражается в их особом статусе как налогоплательщиков. Льготный режим налогообложения НПД имеет множество преимуществ, что безусловно стимулирует граждан легализовать свою деятельность и вступить в честные финансовые взаимоотношения с государством и контрагентами.

Между тем законодательная основа правового статуса самозанятых граждан нуждается в совершенствовании, поскольку представляет собой разрозненную систему норм и требований различной отраслевой принадлежности, которые не согласуются друг с другом. В научной литературе справедливо отмечается, что правовой статус самозанятых граждан представляет собой сложную совокупность прав и обязанностей, переплетенных с целью создания принципиально нового для российского права экономического субъекта [7, с. 56]. Поэтому в целях придания самозанятым гражданам полноценного официального статуса должна быть проделана тщательная законодательная работа, направленная на создание правовой основы деятельности самозанятых граждан в налоговых и других правоотношениях.

Налоговое законодательство, составляющее основу правового статуса самозанятых граждан, вообще не упоминает термин «самозанятость» и его производные. Указанный правовой пробел не восполняется и нормами ГК РФ, который также не содержит понятия «самозанятый гражданин». Кроме того, в НК РФ отражены основные признаки самозанятых граждан, которые содержат ограничения к осуществлению ими экономической деятельности, что противоречит нормам гражданского законодательства, не устанавливающего подобных правил и требований. В целом можно констатировать, что самозанятость как межотраслевой институт, имеющий налоговую правовую составляющую, нуждается в совершенствовании для конечного и конкретного определения правового статуса самозанятых граждан как официальных субъектов налоговых правоотношений.

В указанных целях предлагается закрепить в НК РФ дефиницию понятия «самозанятый гражданин», чтобы придать таким субъектам налоговых правоотношений официальный статус. При этом нормы НК РФ должны быть согласованы с положениями гражданского законодательства, закрепляющего частноправовые аспекты экономической деятельности самозанятых граждан. Таким образом, создание совершенно новых для экономики нашей страны субъектов правоотношений, которыми являются самозанятые граждане, предполагает тщательную проработку законодательной основы их деятельности сразу в нескольких областях правового регулирования для исключения противоречий между отдельными составляющими правового статуса самозанятых граждан.

Список использованной литературы:

1. Ахматова Д.Р., Кабакова В.М. Анализ последствий введения специального налогового режима для самозанятых граждан. *Плекхановский барометр*. 2019;(3):29–32.
2. Беркович М.И., Шурыгин А.А. Теневая экономика в России: экономико-статистическая оценка масштаба и меры по его сокращению в стране и регионах. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021;14(5):70–84. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.4.
3. Варакосова В.В. Правовой статус самозанятых граждан. *Матрица научного познания*. 2023;(4–2):363–368.
4. Киришева А.В., Киселица Е.П. Специальный налоговый режим для самозанятых граждан: практика и перспективы развития. *Основы экономики,*

References:

1. Akhmatova D.R., Kabakova V.M. [Analysis of the consequences of the introduction of a special tax regime for self-employed citizens]. *Plekhanovskii barometr = Plekhanov Barometer*. 2019;(3):29–32. (In Russ.)]
2. Berkovich M.I., Shurygin A.A. [Shadow economy in Russia: economic and statistical assessment of the scale and measures to reduce it in the country and regions]. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2021;14(5):70–84. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.4 (In Russ.)]
3. Varakosova V.V. [Legal status of self-employed citizens]. *Matriitsa nauchnogo poznaniya = The matrix of scientific knowledge*. 2023;(4–2):363–368. (In Russ.)]
4. Kirisheva A.V., Kiselitsa E.P. [Special tax regime for self-employed citizens: practice and development prospects]. *Osnovy ehkonomiki, upravleniya i prava =*

управления и права. 2022;(1(32)):36–41.
DOI: 10.51608/23058641_2022_1_36.

5. Комарова Л.В. К вопросу о правовом статусе работника. *Достойный труд в социальном государстве. Материалы круглого стола*. Краснодар: ООО «Копи-Принт»; 2012.

6. Крушинская О.И., Шмакова А.Н. Теневая экономика России в цифрах. *Молодая наука Сибири: электронный научный журнал*. 2021;(1(11)):720–727.

7. Малышева Н.А., Мотова Н.Н. Правовой статус самозанятых граждан. *Инновационные технологии управления и права*. 2021;(2(31)):52–56.

8. Пустынникова Д.С. Анализ налогового режима для самозанятых граждан. *Юридический факт*. 2019;(77):85–88.

9. Сапрыкина М.С. Специальный налоговый режим для самозанятых граждан: анализ, тенденции развития. *Аспирант*. 2019;(8(50)):56–59.

10. Чуйков А.С., Ревун И.В. Влияние теневой экономики на экономическую систему Российской Федерации. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022;(5–3):200–203. DOI:10.24412/2411-0450-2022-5-3-200-203.

Fundamentals of Economics, Management and Law. 2022;(1(32)):36–41.

DOI: 10.51608/23058641_2022_1_36 (In Russ.)]

5. Komarova L.V. [To the question of the legal status of the employee]. *Dostoinyi trud v sotsial'nom gosudarstve. Materialy kruglogo stola = Decent work in a social state. Materials of the round table*. Krasnodar: Copy-Print; 2012. (In Russ.)]

6. Krushinskaya O.I., Shmakova A.N. [The shadow economy of Russia in numbers]. *Molodaya nauka Sibiri: ehlektronnyi nauchnyi zhurnal = Young Science of Siberia: an electronic scientific journal*. 2021;(1(11)):720–727. (In Russ.)]

7. Malysheva N.A., Motova N.N. [The legal status of self-employed citizens]. *Innovatsionnye tekhnologii upravleniya i prava = Innovative technologies of management and law*. 2021;(2(31)):52–56. (In Russ.)]

8. Pustynnikova D.S. [Analysis of the tax regime for self-employed citizens]. *Yuridicheskii fakt = Legal fact*. 2019;(77):85–88. (In Russ.)]

9. Saprykina M.S. [Special tax regime for self-employed citizens: analysis, development trends]. *Aspirant = Graduate student*. 2019;(8(50)):56–59. (In Russ.)]

10. Chuikov A.S., Revun I.V. [The influence of the shadow economy on the economic system of the Russian Federation]. *Ehkonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: theory and practice*. 2022;(5–3):200–203. DOI:10.24412/2411-0450-2022-5-3-200-203 (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комарова Людмила Викторовна*

доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-7442-512X

Фарикова Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права СКФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
ORCID: 0000-0002-6862-7745

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila V. Komarova*

Doctor of Philosophy, Cand. of Sci. (Law), Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-7442-512X

Ekaterina A. Farikova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law the SKF FGBOU VO "Russian State University of Justice"

ORCID: 0000-0002-6862-7745

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-39-48>



РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Кушхов Х.Л.

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
(Чернышевского ул., д. 173, г. Нальчик, Россия, 360004)

Ссылка для цитирования: Кушхов Х.Л. Религиозная деятельность как предмет административно-правового регулирования. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(2):39–48. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-39-48>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Кушхов Хажмурат Лионович, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Адрес: Чернышевского ул., д. 173, г. Нальчик, Россия, 360004

Тел.: +7 (938) 077-77-60

E-mail: khajmurat@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 24.04.2023

Статья принята к печати: 29.05.2023

Дата публикации: 26.06.2023

Аннотация: Целью представленного исследования является обоснование религиозной деятельности как предмета административно-правового регулирования общественных отношений, определение сферы общественных отношений, подлежащих публично-управленческому воздействию, определение понятия и видов публично-управленческих религиозных (конфессиональных) правоотношений.

В результате исследования было выявлено терминологическое многообразие понятий религиозных отношений и научных подходов к их определению, отсутствие системного анализа правового регулирования многоаспектных отношений, возникающих в процессе взаимодействия государства и религиозных объединений.

Вывод: предложены авторские дефиниции государственно-религиозных отношений и публично-управленческих религиозных (конфессиональных) правоотношений, предложена система видов публично-управленческих религиозных (конфессиональных) правоотношений, подлежащих административно-правовому регулированию и охране.

Ключевые слова: религиозное объединение, религиозная деятельность, публично-управленческие религиозные (конфессиональные) правоотношения, государственно-религиозные отношения.

RELIGIOUS ACTIVITY AS A SUBJECT ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION

Khazhmurat L. Kushkhov

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
(Chernyshevsky str., 173, Nalchik, Russia, 360004)

Link for citation: Kushkhov Kh.L. Religious activity as a subject administrative and legal regulation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(2):39–48. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-39-48>

CONTACT INFORMATION:

Khazhmurat L. Kushkhov, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Address: Chernyshevsky str., 173, Nalchik, Russia, 360004

Tel.: +7 (938) 077-77-60

E-mail: khajmurat@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 24.04.2023

The article has been accepted for publication: 29.05.2023

Date of publication: 26.06.2023

Annotation: The purpose of the presented research is to substantiate religious activity as a subject of administrative and legal regulation of public relations, to determine the scope of public relations subject to public-managerial influence, to define the concept and types of public-managerial religious (confessional) legal relations.

The study revealed the terminological diversity of the concepts of religious relations and scientific approaches to their definition, the lack of a systematic analysis of the legal regulation of multidimensional relations arising in the process of interaction between the state and religious associations.

Conclusion: the author's definitions of state-religious relations and public-administrative religious (confessional) legal relations are proposed, a system of types of public-administrative religious (confessional) legal relations subject to administrative and legal regulation and protection is proposed.

Keywords: religious association, religious activity, public-administrative religious (confessional) legal relations, state-religious relations.

Введение

В основе функционирования любого религиозного объединения лежат его уставные цели деятельности. Достижения этих целей осуществляется посредством религиозной деятельности как самого объединения, так и его служителей. Определение понятия «религиозная деятельность» приобретает важное значение для понимания того, какими видами деятельности могут заниматься религиозные организации. По смыслу ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹ (далее – Федеральный закон от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ) религиозная деятельность осуществляется в целях совместного исповедания и распространения веры, а субъекты, осуществляющие эту деятельность (религиозные объединения), должны совершать: деятельность по вероисповеданию; совершать богослужение и другие религиозные обряды и церемонии; проводить обучение религии и религиозное воспитание своих последователей. Данная деятельность осуществляется с одной стороны в соответствии с российским законодательством и иными нормативно-правовыми актами, принятыми в пределах предоставленных органу полномочий, а с другой стороны – на основании уставных документов религиозного объединения и иных внутриконфессиональных установлений (автономного внутриорганизационного регулирования отношений). Данная деятельность не может осуществляться вне общественных отношений, которые регламентируются как нормами права, так и автономными (локальными) нормами самого религиозного объединения. Деятельность религиозных объединений является деятельностью многоаспектной и многочисленной, затрагивающей различные стороны существования как самого религиозного объединения, институтов гражданского общества [6], так и государства, иных религиозных объединений, институтов гражданского общества и общества в целом. Все эти обстоятельства актуализируют исследование проблем религиозной деятельности как предмета административно-правового регулирования. Согласно данным Росстата на 1 января 2010 года было зарегистрировано 23494 религиозные организации, в том числе 433 центральные религиозные организации, 22176 местных религиозных организаций, 193 духовных образовательных

¹ О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

учреждений, 434 монастыря и подворья, 258 религиозных учреждений¹. На 1 января 2015 года число религиозных организаций, зарегистрированных в РФ, по данным Росстата было отражено соответственно следующими цифрами: 27496 – 542 – 25839 – 185 – 536 – 394²; на 1 января 2016 года: 28465 – 568 – 26789 – 170 – 481 – 457³; на 1 января 2018 года: 30896 – 610 – 28992 – 180 – 515 – 599⁴. Многообразие религиозных конфессий требует развития межконфессионального взаимодействия. Так, в настоящее время в России из числа зарегистрированных религиозных организаций 18550 представляют РПЦ; 5954 – ислам; 1034 – христиан веры евангельской – пятидесятников; 889 – евангельских христиан – баптистов; 878 – христиан веры евангельской; 683 – евангельских христиан; 567 – адвентистов седьмого дня; 387 – старообрядцев; 269 – буддизм; 268 – иудаизм; 245 – греческо-католические церкви; 222 – лютеран; 194 – пресвитерианскую церковь; 106 – армянскую православную церковь; от нескольких единиц до нескольких десятков – новоапостольскую церковь, индуистов, сикхов, караимов, молокан, ассирийскую церковь шаманизма, церкви Последнего завета, церкви Христа и др. Религиозный состав населения России также подтверждает потребность развития межконфессиональных связей между религиозными объединения, созданными и осуществляющими деятельность на территории Российской Федерации. Так, в конце 2019 – начале 2020 годов религиозная принадлежность населения России характеризуется следующим образом: 41 % – православные, 25 % – верующие, не идентифицирующие себя с определенной религиозной принадлежностью, 13 % – атеисты, 4,7 % – мусульмане, 4,1 % – христиане, 1,7 % – мусульмане сунниты, 1,5 % – православные вне определенной церкви, 1,5 % – иудаисты, 1,2 % – язычники, 0,5 % – буддисты, 0,5 % – староверы, 0,5 % – мусульмане шииты, 0,5 % – индуисты, 0,5 % – пятидесятники⁵.

Методы исследования

Представленное научное исследование основывается на диалектической методологии, позволившей использовать систему диалектических методов и рассмотреть религиозную деятельность в эволюции ее развития и функционирования. В представленном исследовании использовались как многообразные общенаучные диалектические методы исследования (анализа, синтеза, системности, индукции и дедукции и т.п.), так и специально-юридические методы юридического моделирования, которые позволили сформулировать и обосновать комплекс юридических дефиниций, возникающих в процессе административно-правового регулирования публично-управленческих религиозных (конфессиональных) правоотношений.

Результаты исследования

Вся существующая система общественных отношений, возникающих в связи с взаимодействием государства и религиозных объединений, возникает и реализуется в процессе осуществления конституционного права человека на свободу совести и деятельности религиозных объединений, осуществления принципа светскости государства и его механизма. Система общественных отношений, возникающих в процессе взаимодействия государства и религиозных объединений, интерпретируется в широком (социально-политическом) и узком (формально-юридическом) смыслах, что имеет важное инструментальное значение для осуществления комплексных научных исследований данного вопроса. Общественные отношения, возникающие в процессе взаимодействия государства и религиозных объединений, носят позитивный и охранительный характер, что свидетельствует о многоаспектности указанного взаимодействия.

¹ Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на 1 января 2010 г. [сайт]. Федеральная служба государственной статистики; 2023 [процитировано 14 февраля 2023]. Доступно: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_11/IssWWW.exe/Stg/d1/02-08.htm.

² Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на 1 января 2015 г. [сайт]. Федеральная служба государственной статистики; 2023 [процитировано 14 февраля 2023]. Доступно: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b15_11/isswww.exe/stg/d01/11-03.htm.

³ Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на 1 января 2016 г. [сайт]. Федеральная служба государственной статистики; 2023 [процитировано 14 февраля 2023]. Доступно: <https://zemfort1983.livejournal.com/866171.html>.

⁴ Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на 1 января 2018 г. [сайт]. Федеральная служба государственной статистики; 2023 [процитировано 14 февраля 2023]. Доступно: <https://rosstat.gov.ru/>.

⁵ Религиозные организации в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/religioznye-organizatsii/> (дата обращения: 14.02.2023).

Представляется необходимым признать, что деятельность религиозных объединений, в рамках которых они участвуют в общественных отношениях, могут быть дифференцированы на:

- внутриорганизационную деятельность по достижению цели религиозного объединения;
- международную и межконфессиональную деятельность религиозных объединений;
- взаимодействие (деятельность) религиозных объединений с иными институтами гражданского общества;
- взаимодействие (деятельность) религиозных объединений с государством (органами государственной власти и местного самоуправления).

Следует констатировать, что религиозная деятельность религиозных объединений, выражающаяся во взаимодействии государства и религиозных объединений, осуществляется в рамках конституционно-правовых, административно-правовых, гражданско-правовых, уголовно-правовых и процессуально-правовых отношений, где одно из значимых мест занимают административно-правовые отношения, которые мы определяем как *публично-управленческие религиозные (конфессиональные) правоотношения*, которые следует понимать как ключевой вид государственно-религиозных правоотношений, возникающих между органом исполнительной власти РФ, субъекта РФ, органа местного самоуправления и иного государственного органа и учреждения, наделенного государственно-властными, исполнительно-распорядительными полномочиями, и религиозным объединением в различных его формах или его уполномоченным представителем, возникающее и осуществляемое в процессе решения задач, реализации функций для достижения целей публичного управления по реализации конституционных свобод совести и деятельности религиозных объединений, а также воплощения в жизнь принципа светскости российского государства.

Публично-управленческие религиозные (конфессиональные) правоотношения выступают ключевым видом *государственно-религиозных отношений* в сфере деятельности религиозных объединений, которые необходимо понимать как регулируемые правовыми нормами различных отраслей российского права общественные отношения, связанные с религиозной деятельностью, возникающие между государством, в лице его органов, и религиозным объединением, в лице его институтов и уполномоченных лиц, отражающих функциональную направленность деятельности религиозного объединения для достижения стоящих перед ним целей реализации конституционных свобод совести и деятельности религиозных объединений, а также воплощения в жизнь принципа светскости российского государства.

Исследование многообразной системы государственно-религиозных отношений и их нормативно-правового регулирования позволило сформировать систему публично-управленческих религиозных (конфессиональных) правоотношений:

1) правоотношения, возникающие в связи с определением правового статуса религиозных объединений (включая представительство иностранных религиозных организаций) в качестве юридического лица, в процессе их государственной регистрации, перерегистрации, реорганизации, приостановлении деятельности, ликвидации или запрета деятельности;

2) правоотношения, возникающие в связи с учреждением религиозной организацией учреждений (организаций), действующих в рамках уставной деятельности религиозной организации (паломничество, благотворительная, культурно-просветительская и т.п. деятельности);

3) правоотношения, возникающие в процессе государственного контроля за деятельностью религиозных объединений;

4) правоотношения, возникающие в связи с наделением религиозных объединений правом собственности на культовые здания и сооружения, определением государственными органами статуса имущества религиозного назначения;

5) правоотношения, возникающие в связи с безвозмездной передачей в собственность или безвозмездное пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности, собственности субъектов РФ или муниципальной собственности;

6) правоотношения, возникающие в связи с оказанием финансовой, материальной и иной помощи религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры;

7) правоотношения, возникающие в связи с лицензированием отдельных видов уставной деятельности религиозных объединений;

8) правоотношения, возникающие в связи с реализацией священнослужителями установленной в Российской Федерации воинской обязанности;

9) правоотношения, возникающие в связи с осуществлением религиозных обрядов и церемоний на территории государственных учреждений, таких как пенитенциарные учреждения, Вооруженные силы Российской Федерации и ведомственные воинские формирования и т.п.;

10) правоотношения, возникающие в связи с особым порядком налогообложения религиозных объединений и реализации налоговых и иных льгот;

11) правоотношения, возникающие в связи с взаимодействием государства и религиозных объединений в области культуры и социального служения;

12) правоотношения, возникающие в связи с взаимодействием государства и религиозными организациями по обеспечению преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных организациях, созданных религиозными организациями и обучением детей религии в государственных и муниципальных образовательных учреждениях вне рамок образовательной программы и в порядке, определенном российским законодательством;

13) правоотношения, возникающие в связи осуществлением религиозным объединением публичных мероприятий (публичные богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, включая молитвенные и религиозные собрания);

14) правоотношения, возникающие в связи с осуществлением религиозным объединением миссионерской деятельности;

15) правоотношения, возникающие в связи с обжалованием религиозными объединениями неправомерных действий (бездействия) и решений органов исполнительной власти;

16) правоотношения, возникающие в связи с сотрудничеством государства с религиозными объединениями в противодействии терроризму, экстремизму и религиозной ксенофобии;

17) административно-юрисдикционные правоотношения, возникающие в связи с привлечением к административной ответственности за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях.

Научная дискуссия

Система моделей общественных отношений, в рамках которых религиозные объединения осуществляют свою религиозную деятельность, может быть определена как складывающаяся из:

- внутриорганизационной деятельности религиозного объединения по достижению его цели;
- международной и межконфессиональной деятельности религиозного объединения;
- взаимодействия (деятельности) религиозных объединений с иными институтами гражданского общества;
- взаимодействия (деятельности) религиозных объединений с государством (органами государственной власти и местного самоуправления или публичной администрацией).

Внутриорганизационная деятельность по достижению цели религиозного объединения основывается на автономных (локальных) нормах самого объединения, которые в соответствии с принципом светскости, формируются на основе уважения и не вмешательства государства во внутренние установления церкви, а последняя, в свою очередь, не претендует на политическую власть, отказываясь от политической деятельности, и не нарушает действующее в государстве законодательство [2, с. 35–36]. В соответствии с ч. 5 ст. 4 Федерального закона от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ религиозное объединение самостоятельно создает и осуществляет свою деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институциональной структурой, выбирает, назначает и заменяет свой персонал согласно соответствующим условиям и требованиям и в порядке, предусмотренном своими внутренними установлениями. Содержание внутриорганизационной деятельности, также раскрывается в ст. 15 приведенного Федерального закона. Эта сфера религиозной деятельности является автономной и находится в сфере религиозной деятельности самих религиозных объединений, основывается на так называемых религиозных нормах. Отдельные эксперты обоснованно считают, что понятие религиозной нормы сводится к ее определению как установленного религиозным объединением дозволением, предписанием и запретом, которое выступает в качестве одной из подсистем в широкой системе социального регулирования общественных отношений¹.

¹ Антоненко Т.А. Религиозные нормы и система социально-правового регулирования общественных отношений: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999. С. 7.

Международная и межконфессиональная деятельность религиозных объединений является своего рода производной от предыдущей сферы религиозной деятельности и направлена на формирование и воплощение в деятельности религиозного объединения определенных межгосударственных стандартов реализации свободы совести, сформулированных в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.¹, ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.², ст. 9 и 11 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.³, ст. 10 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.⁴ и др. Международная деятельность религиозных объединений может, например, осуществляться в виде паломнической деятельности (ст. 17.1 Федерального закона от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ), осуществлять иные направления международного религиозного сотрудничества (ст. 20 Федерального закона от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ).

Россия является поликонфессиональным государством, в котором на протяжении нескольких столетий доминирующее положение занимала Российская Православная Церковь (далее – РПЦ). Учитывая многонациональный состав России существенное место занимали и другие конфессии, прежде всего, ислам, а также иудаизм и буддизм. Именно между этими основными для нашей страны конфессиями происходит взаимодействие в целях сохранения конфессионального мира и согласия, предотвращения религиозных конфликтов, проявления экстремизма и ксенофобии. Вместе с тем палитра религиозных организаций в современной России не ограничивается только вышеперечисленными традиционными конфессиями. Именно поэтому в преамбуле к Федеральному закону от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ наряду с признанием особой роли в истории России, в формировании ее культуры и духовности, подчеркивается уважение к христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям.

Деятельность религиозных объединений в рамках взаимодействия с иными институтами гражданского общества опосредуется как нормами права, так и иными видами социальных норм. Так, ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁵ и ст. 2 Федерального закона от 06 марта 2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁶ закрепляют принцип сотрудничества государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности и терроризму. Из данных законодательных положений очевидна заинтересованность государства в необходимости взаимодействия религиозных объединений с иными институтами гражданского общества для решения значимых общественных задач обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

В рамках политических исследований взаимодействия религиозных объединений и иных институтов общества отмечается, что «... любое воздействие конфессий на социально-политический процесс, может главным образом осуществляться через моральную сферу жизни общества». В указанном смысле Н.В. Филина обоснованно пишет: «Социально-политическое партнерство между политическими акторами и религиозными организациями должно базироваться на: равенстве участников партнерских отношений; установлении обязательств сторон; юридической ответственности за неисполнение обязательств; законности; добровольном свободном диалоге по приоритетным вопросам; плюрализме точек зрения, признании взглядов, мнений, убеждений участников партнерских отношений»⁷.

Выступая значимым субъектом политической системы общества, религиозные объединения осуществляют религиозную деятельность по взаимодействию с иными институтами политической системы для достижения стоящих перед ними целей. Это взаимодействия регламентируется, с одной

¹ Российская газета. 1998. 10 декабря.

² Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

³ Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴ Собрание законодательства РФ. 1999. № 13. Ст. 1489.

⁵ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Филина Н.В. Участие религиозных организаций в социально-политической жизни современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015. С. 14, 15.

стороны, автономными (локальными) нормами институтов политической системы, а с другой стороны, нормами конституционного права обеспечивающие светский характер российского государства. Это обуславливается тем обстоятельством, что «светское государство остается гарантом сбалансированности интересов различных социальных групп, и, соответственно, по-настоящему светское государство стоит на страже интересов этих групп (только при условии, что данные интересы не направлены против самого государства) и не только провозглашает конституционно свободу совести, но и принимает соответствующие меры для ее реализации» [8, с. 88]. Следует констатировать, что религиозная деятельность в рамках рассматриваемого взаимодействия религиозных объединений и иных институтов гражданского общества регламентируется как автономными (локальными) нормами институтов гражданского общества, так и нормами конституционного права.

Четвертой группой видов религиозной деятельности является деятельность, выражающаяся во взаимодействии религиозных объединений с государством (органами государственной власти и местного самоуправления). В современной отечественной юридической науке отмечается, что взаимодействие религиозных объединений с государством и элементами его механизма регламентируется несистематизированным комплексом правовых норм различной отраслевой принадлежности¹. Это свидетельствует о том, что общественные отношения, возникающие между государством и религиозными объединениями, могут опосредоваться и опосредуются нормами конституционного, административного, гражданского, уголовного и даже процессуальных отраслей российского права. В этой связи возникает потребность, в контексте нашего исследования, выделить те виды правоотношений, которые регламентируются нормами административного права, т.е. административно-правовые отношения, возникающие в рамках религиозной деятельности конфессиональных объединений в Российской Федерации.

В своем исследовании проблем административно-правового регулирования взаимоотношений государства и религиозных объединений в Российской Федерации, К.А. Писенко отмечает, что в основе взаимодействия государства и религиозного объединения в процессе их религиозной деятельности выступают государственно-управленческие или иначе административно-правовые отношения². При всей справедливости данного утверждения следует, однако, признать, что в данном смысле следует говорить о публично-управленческом характере этих отношений. Традиционно публично-управленческие отношения понимаются как отношения с участием федеральных и региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Хотя в последствии данный автор справедливо отмечает, что публичное управление могут осуществлять и негосударственные и немунципальные субъекты, которым государство или муниципальное образование целенаправленно и ограничено делегирует публично-властные отношения³. Такой подход к пониманию публичного управления можно признать доктринальным, что в конечном счете отражает концепцию широкого подхода к интерпретации предмета административного права как основной отрасли российского права.

Таким образом, следует признать, что религиозная деятельность религиозных объединений, выражающаяся во взаимодействии государства и религиозных объединений, осуществляется в рамках конституционно-правовых, административно-правовых, гражданско-правовых, уголовно-правовых и процессуально-правовых отношений, где одно из значимых мест занимают административно-правовые отношения, которые мы определяем как *публично-управленческие религиозные (конфессиональные) правоотношения*.

Все приведенные выше авторы отмечают одну и ту же проблему, которая вытекает из терминологического многообразия характеристики правоотношений с участием религиозного объединения. Это многообразие не может отражать положительные тенденции, направленные на совершенствование правового регулирования религиозной деятельности в Российской Федерации, и нуждается не только в научно-теоретическом, но и законодательном разрешении. Так, выделяются следующие виды категорий, раскрывающих взаимодействие государства и религиозных

¹ Живулин В.А. Теоретико-правовые основы регулирования современных государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 20.

² Писенко К.А. Административно-правовые аспекты взаимоотношений государства и религиозных объединений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 12.

³ Понкин И.В. Теория публичного управления: учебник. М.: Буки Веди; 2017. С. 44.

объединений: государственно-конфессиональные отношения, государственно-церковные отношения, государственно-религиозные отношения, отношения государства и религиозного объединения, государственные вероисповедные отношения, отношения государства и церкви, отношения между государством и религией и т.п.¹ [1, с. 5–12; 3, с. 15–17]. К.А. Багаев справедливо пишет: «Например, термин «государственно-церковные отношения», ранее часто использовавшийся в научной религиоведческой литературе, сегодня теряет свою актуальность в связи с тем, что имеет ограниченные рамки, т.к. в основном используется для изучения отношений государства и Русской православной церкви. Тогда как для ислама и иудаизма (традиционных религий России), не имеющих церкви как социального института, использование такого термина будет неправомерным» [1, с. 8]. В этой связи нам представляется, что термин «церковь», в различных формах, в рамках характеристики рассматриваемых нами отношений, не могут быть применимы для целей правовой их регламентации. Для целей правового регулирования вряд ли применимы термины «отношения между государством и религией» и «государственно вероисповедные отношения», так как отношения возникают между субъектами, а не системой взглядов и представлений о сверхъестественном, как религия чаще всего определяется. Между тем категория «государственно-религиозные отношения» вполне может применяться, так как отражает отношения между государством и религиозными институтами, сформированными в обществе². Что касается категории «государственно-конфессиональные отношения», то их следует, по нашему мнению, признать синонимом государственно-религиозным отношениям. Конфессия понимается как совокупность религиозных объединений, объединенных единством вероисповедания³.

В целом большинство исследователей проблем взаимодействия государства и религиозных объединений склонны применять категорию «государственно-религиозные (конфессиональные) отношения». Кроме этого, нет единства мнений и при определении понятия данного вида правоотношений. Так, Р.В. Носырев считает, что государственно-конфессиональные отношения представляют собой «совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений институтов государства с одной стороны, и религиозных объединений, с другой стороны» [7, с. 475–482]. Н.В. Филина государственно-конфессиональные отношения определяет как «взаимодействие государственных органов власти и религиозных организаций, направленное на достижение целей участников этих отношений и реализацию их интересов»⁴. Н.В. Володина государственно-конфессиональные отношения определяет как «отношения между государственными органами и конфессиями, представляющее совокупность всех форм взаимосвязей государства и религиозных институтов в политической, юридической, хозяйственно-экономической и социально-культурных сферах деятельности» [3, с. 14]. Все эти определения едины в одном. Государственно-конфессиональные отношения – это отношения между религиозной организацией и органами государственной власти. Ошибочность данных подходов заключается, по нашему мнению, во-первых, в том, что в этих отношениях могут участвовать не только органы государственной власти (федеральные и субъектов Российской Федерации), но и иные государственные органы и учреждения, наделенные государственно-властными и управленческими полномочиями. Во-вторых, религиозные объединения в ходе религиозной деятельности могут вступать в правоотношения с органами местного самоуправления. К.А. Багаева, в сущности, дает аналогичное приведенным понятие государственно-религиозного отношения, но акцентирует внимание на то, что «основу данных отношений составляют исторически сложившееся понимание религии, ее месте и функциях в обществе, значении религиозных организаций, их деятельности» [1, с. 13]. Группа ученых-правоведов РАГС подчеркивают, что государственно-религиозные отношения – это «складывающиеся и изменяющиеся формы взаимосвязей между институтами государства и институционализированными религиозными образованиями, в основе которых лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и церкви в жизни общества» [5, с. 4]. Н.В. Филина акцентирует внимание при определении государственно-конфессиональных отношений

¹ Живулин В.А. Указ. соч. С. 14.

² Зеленков М.Ю. Государственно-религиозные отношения: правовой аспект: учебное пособие. М.: Юридический институт МИИТа; 2004. С. 11.

³ Концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями Российской Федерации от 27 июля 2001 г. (проект) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atheism.ru/archive/text/77.phtml> (дата обращения: 18.02.2023).

⁴ Филина Н.В. Указ. соч. С. 14.

на их возникновение для достижения целей участников этих отношений и реализацию их интересов¹. М.Ю. Зеленков считает, что «государственно-религиозные отношения заключаются в отношениях, возникающих между государством и религиозными институтами и неинституциональными субъектами религиозной деятельности, включая отдельных людей»². Каждое из приведенных определений вводит в научный оборот ту или иную качественную характеристику рассматриваемого явления, каковым является *государственно-религиозное (государственно-конфессиональное) отношение* (далее – государственные-религиозные отношения). Это требует выделения качественных характеристик и специфических свойств присущие данным видам отношений:

1) государственные-религиозные отношения возникают в процессе осуществления религиозным объединением или его представителем религиозной деятельности;

2) они возникают в связи с реализацией конституционной свободы совести и свободы деятельности религиозных объединений, а также воплощения в жизнь принципа светскости российского государства. В конечном счете данные отношения целевым образом реализуют приведенные требования Конституции РФ;

3) данные отношения выступают исключительно в качестве правовых отношений, регламентируемых нормами различных отраслей российского права. При этом центральное место в системе государственно-религиозных правоотношений занимают именно *публично-управленческие религиозные (конфессиональные) правоотношения*;

4) эти отношения осложнены религиозным элементом или иначе обязательным участником данных отношений является религиозное объединение в различных его формах или его уполномоченный представитель;

5) данные правоотношения отражают функциональную направленность деятельности религиозного объединения для достижения стоящих перед ним целей;

6) определяют место религиозного объединения и сформированных им институтов в системе существующих правоотношений, т.е. предопределяют статусное состояние религиозного объединения.

Приведенные положения позволяют сформулировать авторскую дефиницию «государственно-религиозное отношение». Как ранее нами отмечалось, эти правоотношения регулируются нормами различных отраслей российского права, где, по нашему мнению, ключевую роль играют нормы административного права. В этой связи значимым видом государственно-религиозных отношений выступают *публично-управленческие религиозные (конфессиональные) правоотношения*. Особенности данных правоотношений являются:

1) они регулируются нормами административного права как основной отрасли российского права и основываются на конституционных нормах, провозглашающих свободу совести, деятельности религиозных объединений и соблюдении принципа светскости российского государства;

2) возникают в процессе осуществления государством публичного управления религиозной деятельностью религиозных объединений;

3) обязательным субъектом этих отношений выступает не только религиозное объединение в различных его формах или его уполномоченный представитель, но и органы исполнительной власти РФ, субъектов РФ, местного самоуправления и иные государственные органы и учреждения, наделенные государственно-властными, исполнительно-распорядительными полномочиями;

4) эти отношения носят позитивный управленческий и административный охранительный, прежде всего, административно-юрисдикционный характер.

Понимая публично-управленческие религиозные (конфессиональные) правоотношения указанным выше образом, позволяет нам сформулировать систему видов данных правоотношений, основываясь на анализе действующего законодательства в сфере религиозной деятельности религиозных объединений. Представляется, что предложенная нами система публично-управленческих религиозных (конфессиональных) правоотношений является наиболее полной, чем предлагаемые ранее иными авторами.

¹ Филина Н.В. Указ. соч. С. 13.

² Зеленков М.Ю. Указ. соч. С. 12.

Список использованной литературы:

1. Багаева К.А. Государственно-религиозные отношения в российском обществе (монография). Улан-Удэ: Бурятский госуниверситет; 2018.
2. Багдасарян С.Д. Место церкви в государственно-правовой системе России. *Актуальные вопросы развития современного российского публичного права: материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Ростов н/Д, 2020.
3. Володина Н.В. Государственно-конфессиональные отношения: теоретико-правовой анализ (монография) М.: Щит-М; 2005.
4. Голоскубов И.Н. Методологический подход к определению роли церкви в государстве. *Российское право онлайн*. 2022;(2):34–37. DOI: 10.17803/2542-2472.2022.22.2.034-037.
5. Государственно-церковные отношения в России (Опыт прошлого и современное состояние) (монография) / Л.А. Баширов, Ю.Е. Григорьева, Ю.М. Дегтярев; отв. ред. Ф.Г. Овсиенко. М.: Изд-во РАГС; 1996.
6. Никитина Е.Е., Помазанский А.Е., Нанба С.А. Религиозные объединения как институты гражданского общества: в поисках правовой модели взаимодействия с государством. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2021;(1):49–58.
7. Носырев Р.В. Особенности правового взаимодействия государства и религиозных объединений в России. *Церковь, государство и общество: исторические, политико-правовые и идеологические аспекты взаимодействия. Материалы Международной научно-практической конференции* / Научн. ред. И.А. Арзуманов, С.А. Комаров, А.Е. Смирнов. М., 2020. DOI: 10.25839/w2345-8093-8127-m.
8. Шандыбина М. Современное понимание сущности светского государства. *Право и управление. XXI век*. 2013;(4(29)):87–93.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кушхов Хажмурат Лионович

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

References:

1. Bagaeva K.A. [State-religious relations in Russian society]. Ulan-Ude: Buryat State University; 2018. (In Russ.).
2. Bagdasaryan S.D. [The place of the church in the state-legal system of Russia]. *Aktual'nye voprosy razvitiya sovremennogo rossiiskogo publichnogo prava: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Actual issues of development of modern Russian public law: materials of the All-Russian scientific-practical conference. Rostov n/D, 2020. (In Russ.).
3. Volodina N.V. [State-confessional State-religious relations: theoretical and legal analysis]. M.: Shchit-M; 2005. (In Russ.).
4. Goloskubov I.N. [A methodological approach to defining the role of the church in the state]. *Rossiiskoe pravo onlain = Russian Law Online*. 2022;(2):34–37. DOI: 10.17803/2542-2472.2022.22.2.034-037. (In Russ.).
5. [State-Church Relations in Russia (Past and Present Experience)] / L.A. Bashirov, Yu.E. Grigoryeva, Yu.M. Degtyarev; ed. by F.G. Ovsienko. Moscow: RAGS Publishing House; 1996. (In Russ.).
6. Nikitina E.E., Pomazanskii A.E., Nanba S.A. [Religious associations as institutions of civil society: in search of a legal model of interaction with the state]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Journal of the Belarusian State University. Law*. 2021;(1):49–58. (In Russ.).
7. Nosyrev R.V. [Peculiarities of the legal interaction between the state and religious associations in Russia]. *Tserkov', gosudarstvo i obshchestvo: istoricheskie, politiko-pravovye i ideologicheskie aspekty vzaimodeistviya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Church, State, and Society: Historical, Political, and Legal, and Ideological Aspects of Interaction. Materials of the International Scientific and Practical Conference / Ed. by I.A. Arzumanov, S.A. Komarov, A.E. Smirnov. M., 2020. DOI: 10.25839/w2345-8093-8127-m. (In Russ.).
8. Shandybina M. [Modern understanding of the essence of the secular state]. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Law and Administration. XXI century*. 2013;(4(29)):87–93. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khazhmurat L. Kushkhov

Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-49-54>



АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ: К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ И ДОСТАТОЧНОСТИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР

Полтавцева А.В.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
(Максима Горького ул., д. 166, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002)

Ссылка для цитирования: Полтавцева А.В. Альтернативные способы разрешения административно-правовых споров: к вопросу о необходимости и достаточности примирительных процедур. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(2):49–54. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-49-54>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Полтавцева Алина Владимировна, старший преподаватель кафедры процессуального права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
Адрес: Максима Горького ул., д. 166, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002
Тел.: +7 (918) 522-66-68
E-mail: alisa55@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.04.2023

Статья принята к печати: 29.05.2023

Дата публикации: 26.06.2023

Аннотация: Цель работы заключается в выявлении особенностей публично-правового регулирования альтернативных способов разрешения административно-правовых споров. Поставленная цель конкретизирована в *задачах*: сравнительно-правового анализа действующего законодательства, регулирующего применение альтернативных способов разрешения споров; изучения современной практики применения примирительных процедур при разрешении административно-правовых споров.

Общим итогом исследования являются *выводы* о необходимости повышения доверия к альтернативным способам разрешения административно-правовых споров, унификации их нормативно-правового регулирования с целью единообразного применения в судебном и внесудебном порядке разрешения административно-правовых споров.

Ключевые слова: публично-правовое регулирование, альтернативные процедуры и способы разрешения административно-правовых споров, административно-правовые споры.

ALTERNATIVE WAYS OF RESOLVING ADMINISTRATIVE AND LEGAL DISPUTES: ON THE NEED AND SUFFICIENCY OF CONCILIATION PROCEDURES

Alina V. Poltavtseva

FGBOU VO " Rostov State University of Economics (RINH)"
(Maksim Gorky str., 166, Rostov-on-Don, Russia, 344002)

Link for citation: Poltavtseva A.V. Alternative ways of resolving administrative and legal disputes: on the need and sufficiency of conciliation procedures. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(2):49–54. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-49-54>

CONTACT INFORMATION:

Alina V. Poltavtseva, Senior Lecturer Department of Procedural Law FGBOU VO " Rostov State University of Economics (RINH)"

Address: Maksim Gorky str., 166, Rostov-on-Don, Russia, 344002

Tel.: +7 (918) 522-66-68

E-mail: alisa55@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 27.04.2023

The article has been accepted for publication: 29.05.2023

Date of publication: 26.06.2023

Annotation: The purpose of the work is to identify the features of public law regulation of alternative methods of resolving administrative and legal disputes. The set goal is specified in the tasks: comparative legal analysis of the current legislation governing the use of alternative methods of dispute resolution; studying the modern practice of using conciliation procedures in resolving administrative and legal disputes.

The overall result of the study is the conclusions about the need to increase confidence in alternative methods of resolving administrative and legal disputes, unify their legal regulation in order to uniformly apply the resolution of administrative and legal disputes in court and out of court.

Keywords: public law regulation, alternative procedures and methods for resolving administrative and legal disputes, administrative and legal disputes.

Введение

Обращение к проблеме альтернативных способов разрешения административно-правовых споров определяется обстоятельствами, имеющими научно-практическое значение. Время, прошедшее со дня введения в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации поправок, регулирующих порядок применения примирительных процедур в разрешении споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, позволяет обратиться к изучению практики реализации существующего правового механизма, дать предварительную оценку его эффективности, а также выявить основные направления совершенствования.

Методы исследования

Избранная тема предполагает использование общенаучных и специальных юридических методов. Изучение современного процессуального законодательства проведено на основе системного и сравнительно-правового анализа. В рассмотрении правоприменительной практики использовались методы статистической обработки данных.

Результаты исследования

Выявлен ряд обстоятельств, позволяющих критически оценить современную практику применения примирительных процедур в разрешении административно-правовых споров. Учитывая, что в настоящее время такая возможность предусмотрена законом, полученные статистические данные интерпретированы в контексте того, что эффективность реализации потенциала примирительных процедур, сдерживается недостаточной заинтересованностью сторон административно-правовых споров, где обязательным участником является орган (организация) или должностное лицо, наделенные публично-властными управленческими полномочиями, их психологической неготовностью выбирать альтернативные процедуры разрешения споров.

Научная дискуссия

Единый для административного, гражданского и арбитражного судопроизводства процессуальный порядок применения примирительных процедур при разрешении всех видов споров (если иное не предусмотрено законом) установлен Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ (далее – ФЗ

от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ).¹ При разработке изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации Верховный суд РФ акцентировал внимание на значительный потенциал примирительных процедур в нахождении сторонами взаимоприемлемого результата разрешения спора, либо сближению позиций сторон, в том числе и по спорам, где одной из сторон является государственный орган, орган местного самоуправления»². Такие действия могут совершаться судом в процессе рассмотрения дел об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственного или муниципального служащего, а также о взыскании обязательных платежей и санкций, только если стороны не использовали досудебное урегулирование спора и при наличии согласия организации, индивидуального предпринимателя или гражданина.

Обобщая законодательное регулирование процессуального института примирительных процедур следует обратить внимание на то, что в современном своем состоянии Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ)³, Гражданский процессуальный кодекс (ГПК РФ)⁴ и Арбитражный процессуальный кодекс (АПК РФ)⁵ единообразно закрепляют «Примирительные процедуры. Мирное соглашение». Единообразие достигнуто: фиксацией понятия мирного разрешения споров (пункт 5 статьи 3 КАС РФ, статья 2 ГПК РФ; пункт 6 статьи 2 АПК РФ); закреплением права сторон после обращения в суд использовать примирительные процедуры для разрешения спора (часть 3¹ статьи 4 КАС РФ, часть 8 статьи 4 АПК РФ, часть 5 статьи 3 ГПК РФ); обязанностью суда принимать меры для примирения сторон, содействовать им в урегулировании спора, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства (пункт 10 части 3 статьи 135 КАС РФ, часть 1 статьи 138 АПК РФ, часть 1 статьи 153.1 ГПК РФ); определением единых принципов проведения примирительных процедур, а именно принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности (часть 1¹ статьи 137 КАС РФ, часть 2 статьи 138 АПК РФ, часть 2 статьи 153¹ ГПК РФ); установлением равенства прав сторон на выбор примирительной процедуры, определение условий ее проведения, а также кандидатуры посредника, в том числе медиатора или судебного примирителя (часть 2¹ статьи 137 КАС РФ, часть 3 статьи 138 АПК РФ, часть 3 статьи 153¹ ГПК РФ); возможностью примирения сторон на любой стадии судопроизводства и при исполнении судебного акта, если иное не предусмотрено соответствующим Кодексом, другими законами и не вытекает из существа соответствующих правоотношений (часть 2¹ статьи 137 КАС РФ, часть 4 статьи 138 АПК РФ; часть 4 статьи 153¹ ГПК РФ); определением порядка и сроков проведения примирительной процедуры (статья 137² КАС РФ, статья 138¹ АПК РФ, статья 153² ГПК РФ); установлением основных видов (переговоры, посредничество, в том числе медиация, судебное примирение, другие примирительные процедуры, если это не противоречит федеральному закону) примирительных процедур (статья 137³ КАС РФ; статья 153³ ГПК РФ; статья 138² АПК РФ; единством процессуальных требований к переговорам (статья 137⁴ КАС РФ; статья 153⁴ ГПК РФ; статья 138³ АПК РФ), медиации (статья 137⁵ КАС РФ; статья 153⁵ ГПК РФ; статья 138⁴ АПК РФ) и судебному примирению (статья 137⁶ КАС РФ; статья 153⁶ ГПК РФ; статья 138⁵ АПК РФ); едиными требованиями к форме и содержанию мирного соглашения (часть 10 статьи 137 КАС РФ; статья 153⁸, статья 153⁹ ГПК РФ; части 2¹ и 2² статьи 140 АПК РФ), а также порядком утверждения мирного соглашения (статья 137¹ КАС РФ; статья 153¹⁰ ГПК РФ; статья 138⁶ АПК РФ), перечнем

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.12.2019 № 197-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.01.2018 № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/document/adjudication/365782/> (дата обращения: 09.11.2022)

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

результатов примирительных процедур (статья 137⁷ КАС РФ; статья 153⁷ ГПК РФ; статья 138⁶ АПК РФ) и т.д.

Между тем, обеспечивая правовое поле, установленные нормы права, не приводят к их автоматической реализации. В этой связи особенный интерес вызывает судебная практика применения примирительных процедур, т.е. вопрос практической реализации существующего правового механизма. С этой целью нами проанализирована правоприменительная практика судов общей юрисдикции Российской Федерации за период предшествовавший принятию ФЗ от 26 июля 2019 № 197-ФЗ и последовавший за ним¹.

Согласно статье 194 КАС РФ результаты примирения входят в число оснований прекращения административного производства. К ним относятся: принятый судом отказ истца от иска (п. 3 ст. 194 КАС РФ) и утвержденное судом мировое соглашение сторон (п. 4 ч. 1 ст. 194 КАС РФ) в результате проведения процедуры медиации (ст. 137.5 КАС РФ) или судебного примирения (ст. 137.6 КАС РФ). На этом основании практика применения примирительных процедур оценивалась нами по таким показателям судебной статистики как количество споров, по которым прекращено производство и по основаниям прекращения производства. Согласно полученным результатам следует констатировать практически двукратный рост количества административно-правовых споров, производство по которым прекращено: с 61605 в 2017 г. до 114099 в 2022 г. Вместе с тем в абсолютном выражении анализируемый показатель может отражать общий рост числа административных споров. В этой связи была определена доля прекращенных административно-правовых споров от общего числа, принятых к производству. В среднем за пять лет эта доля остается стабильной и не превышает 2 %, однако ее значение определяется предметом спора.

Так, процент вынесенных решений по административным делам о взыскании обязательных платежей и санкций составляет 99 %, а по делам, связанным с осуществлением обязательного судебного контроля – 90 %. В административных делах о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, предмет спора может содержать как юридический компонент (факты действительного нарушения прав), так и более широкого характера противоречия между субъектами спора (психологический компонент). По этой категории дел в среднем за пять лет процентное соотношение вынесенных решений и прекращенных дел составляет: 79 % и 18 % соответственно.

Среди оснований прекращения административных дел превалирует отказ истца от иска. Напомним, что согласно законодательству, частичный или полный отказ от иска, относится к результатам примирительных процедур. В этой связи логично было ожидать роста доли указанного основания, свидетельствующего о росте числа примирительных процедур в разрешении споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Однако результаты анализа судебной практики этого не подтверждают. Средняя доля отказа истца от иска в числе других оснований стабильно сохраняет ведущее значение и в среднем за пять лет составляет 84%. Для сравнения – в процентном соотношении оснований прекращения гражданских дел доля отказов от иска составляет 67 %.

В объяснении обозначенной ситуации мы видим две возможные причины. Первая из них может быть связана с недостаточным использованием имеющегося правового механизма разрешения административно-правовых споров с применением примирительных процедур, что может быть верным в виду относительно непродолжительного периода действия ФЗ от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ. Вторая причина может указывать на то, что правоприменительная практика успешно использовала примирительный потенциал и до официального утверждения правового механизма, что непосредственно подтверждается стабильно высоким значением доли отказа истца от иска.

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 г.; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г.; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 г.; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 г.; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г.; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.cdep.ru/index.php?id=5](http://www.cdep.ru/index.php?id=5) (дата обращения: 23.03.2022).

Вне перечисления причин можно было бы допустить и изначально допущенную переоценку примирительных процедур. Так, в 2022 г. мировое соглашение было заключено всего в 171 случае, что составляет 0,14 % от числа прекращенных административных дел. Из них стороны заключили мировое соглашение в результате судебного примирения только в 8 случаях, и ни в одном – в результате проведения процедуры медиации. В 2021 году из 213 мировых соглашений 3 заключены в результате судебного примирения, 1 – в результате проведения процедуры медиации. Более того в заключении сторонами мирового соглашения следует констатировать отрицательную динамику: 2017 г. – 263; 2018 г. – 246 (-6,5 %); 2019 г. – 200 (-19 %); 2020 г. – 177 (-11,5 %); 2021 г. – 213 (+20 %); 2022 г. – 171 (-20 %). В сравнении с 2017 количество мировых соглашений, заключенных в 2022 г., снизилось на 30 %. В гражданском судопроизводстве, для сравнения, процент снижения составляет 23 %: с 94249 (2017 г.) до 72502 (2022 г.).

Однако мы бы поставили этот вопрос в иной плоскости, а именно в аспекте волеизъявления сторон спора. Как известно процедура примирения не является обязательной и имеет добровольный характер. Возможность заинтересованной стороны выбирать организационную и процессуальную формы предусмотрена законом, что определяет альтернативную природу правового механизма разрешения административно-правовых споров. Специфика административно-правовых споров, где обязательным участником является орган (организация) или должностное лицо, наделенные государственно-властными управленческими полномочиями, устанавливает обособленность государственной формы защиты, определяющей порядок и судебного, и внесудебного разрешения административно-правовых споров. Действующее законодательство устанавливает порядок, т.е. обеспечивает возможность применения альтернативных способов разрешения административно-правовых споров. Между тем, как показывает изучение современной практики реализации правового механизма, имеющаяся возможность не подтверждается фактическими результатами.

На наш взгляд, это связано с психологической неготовностью, а возможно и незаинтересованностью сторон административно-правовых споров, где обязательным участником является орган (организация) или должностное лицо, наделенные государственно-властными управленческими полномочиями, переосмыслить систему властно-принудительного разрешения споров и выбирать примирительные процедуры.

Не удивляет в этой связи, что несмотря на имеющиеся предложения [1; 2; 3; 4; 5], процедуры примирения во внесудебном порядке до сих пор остаются вне нормативно-правового регулирования. Особое место занимает процедура досудебного примирения, которая не носит характера обязательного досудебного порядка, но декларируется как одна из задач, связанных с административным судопроизводством.

Изложенная проблематика позволяет прийти к выводу о том, что импульсом к внедрению примирительных процедур в административный процесс послужило развитие отечественного законодательства. Эффективность реализации действующего правового механизма разрешения административно-правовых споров с использованием потенциала примирительных процедур связана с популяризацией института примирительных процедур, повышением доверия и готовности сторон спора к примирению.

Перспективным направлением развития является универсализация альтернативных способов разрешения административно-правовых споров. Административно-правовые споры, разрешаемые в разных организационных и процессуальных формах (государственной судебной защиты и/или государственной внесудебной защиты), сохраняют сущность и специфику, что исключает отнесение альтернативных способов только к одной из форм. При известном обособлении юрисдикционных форм, порядка и процедур альтернативные способы следует рассматривать как универсальные, применимые в разных организационно-процессуальных формах разрешения административно-правовых споров.

Публично-правовое регулирование альтернативных способов разрешения административно-правовых споров требует своей унификации. Развитие отечественного законодательства, правовое обеспечение применения примирительных процедур в государственной судебной форме в порядке административного судопроизводства задает вектор на нормативно-правовое закрепление примирительных процедур в Федеральном законе от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹. Сравнительный анализ действующих в

¹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

процессуальном законодательстве Российской Федерации норм, регулирующих примирительные процедуры, позволяет в основу дополнений положить обобщенную систему изменений и дополнений процессуального законодательства, внесенных ФЗ от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ.

Список использованной литературы:

1. Арзуманова Л.Л. Онлайн-медиация как одна из альтернативных форм урегулирования публично-правового спора. *Право и цифровая экономика*. 2021;(4(14)):45–49. DOI: 10.17803/2618-8198.2021.14.4.045-049.
2. Зеленцов А.Б. Альтернативные средства разрешения административных споров в зарубежных странах. *Актуальные проблемы публичного права в России и за рубежом. Сборник научных трудов* / Под ред. А.Б. Зеленцова. М.: Изд-во РУДН; 2005.
3. Кощеева Е.С., Петрунева А.Н. К вопросу об альтернативных формах прекращения публичного спора. *Актуальные проблемы российского права*. 2021;16(12):69–78. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.069-078.
4. Рысай Б.Г. Медиация как форма разрешения административного спора. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2018;(2):123–128. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-2-313-318.
5. Шевчук П.П. Медиация в административных спорах. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2011;(4):242–246.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полтавцева Алина Владимировна

старший преподаватель кафедры процессуального права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

References:

1. Arzumanova L.L. [Online mediation as one of the alternative forms of settlement of a public-law dispute]. *Pravo i tsifrovaya ehkonomika = Law and Digital Economy*. 2021;(4(14)):45–49. DOI: 10.17803/2618-8198.2021.14.4.045-049. (In Russ.)]
2. Zelentsov A.B. [Alternative means of resolving administrative disputes in foreign countries]. *Aktual'nye problemy publichnogo prava v Rossii i za rubezhom. Sbornik nauchnykh trudov = Actual problems of public law in Russia and abroad. Collection of scientific papers* / Edited by A.B. Zelentsova. M.: RUDN Publishing House; 2005. (In Russ.)]
3. Koshcheeva E.S., Petruneva A.N. [To the question of alternative forms of termination of a public dispute]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2021;16(12):69–78. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.069-078. (In Russ.)]
4. Rysai B.G. [Mediation as a form of administrative dispute resolution]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific bulletin of Belgorod State University*. 2018;(2):123–128. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-2-313-318. (In Russ.)]
5. Shevchuk P.P. [Mediation in administrative disputes]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual problems of humanities and natural sciences*. 2011;(4):242–246. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alina V. Poltavtseva

Senior Lecturer Department of Procedural Law FGBOU VO " Rostov State University of Economics (RINH)"

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-55-60>



ФОРМИРОВАНИЕ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Потапенко С.В.*, Третьяков В.И.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Потапенко С.В., Третьяков В.И. Формирование судейского корпуса в Российской Федерации и в Китайской народной республике. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(2):55–60. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-55-60>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Потапенко Сергей Викторович*, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 262-46-50

E-mail: potapenkosv@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 24.04.2023

Статья принята к печати: 29.05.2023

Дата публикации: 26.06.2023

Аннотация: Решение проблем формирования судейского корпуса, его качество актуально не только для России, но и для других развитых стран, включая, в первую очередь, такого важного стратегического партнера и соседа РФ как Китай, относящегося, как и Россия, к романо-германской системе права, распространенной, в частности, в Континентальном Китае.

Несмотря на то, что судебные системы России и Китая обладают своими особенностями, связанными с историческим развитием каждого из этих государств, для России весьма важен и интересен правотворческий и правоприменительный опыт Китая в сфере назначения судей и прекращения их полномочий.

Ключевые слова: судебная система, судейский корпус, КНР, Россия, судебная власть, судоустройство, сравнительный анализ.

FORMATION OF THE JUDICIAL CORPS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Sergey V. Potapenko*, Vladimir I. Tretyakov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Potapenko S.V., Tretyakov V.I. Formation of the judicial corps in the Russian Federation and in the People's Republic of China. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(2):55–60. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-55-60>

CONTACT INFORMATION:

Sergey V. Potapenko*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov faculty of Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 262-46-50

E-mail: potapenkosc@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 24.04.2023

The article has been accepted for publication: 29.05.2023

Date of publication: 26.06.2023

Annotation: Solving the problems of the formation of the judiciary, its quality is relevant not only for Russia, but also for other developed countries, including, first of all, such an important strategic partner and neighbor of the Russian Federation as China, which, like Russia, belongs to the Romano-Germanic system of law, widespread, in particular, in Mainland China.

Despite the fact that the judicial systems of Russia and China have their own peculiarities related to the historical development of each of these states, China's law-making and law enforcement experience in the field of appointing judges and terminating their powers is very important and interesting for Russia.

Keywords: judicial system, judicial corps, China, Russia, judicial power, judicial system, comparative analysis.

Введение

Формирование судейского корпуса является важным процессом, обеспечивающим правильное функционирование любой судебной системы. Вопросы назначения судей и прекращения их полномочий активно становятся предметом научных дискуссий юристов во многих странах мира. Российская Федерация и Китайская Народная Республика не стали исключением, и указанные процессы имеют свои особенности в каждой из этих стран. В данной научной статье рассмотрены основные аспекты формирования судейского корпуса в этих двух государствах, а также проведен сравнительный анализ механизмов отбора и назначения судей. Цель исследования – выявить сильные и слабые стороны российского и китайского подхода и предложить возможные пути совершенствования отечественного законодательства с учетом требований независимости, беспристрастности и компетентности судебных органов.

Методы исследования

Методология исследования состоит в использовании комплекса общенаучных методов познания, среди которых системный анализ, диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

Результаты исследования

1) Формирование судейского корпуса не сводится только к назначению судей на должности, оно охватывает весь период их деятельности от назначения на должность до прекращения полномочий и ухода в отставку.

2) Поскольку Комиссия при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов по результатам рассмотрения этих кандидатур всего лишь готовит рекомендации Президенту РФ по представлению их для дальнейшего назначения, то есть не принимает юридически значимых решений, то нет необходимости вводить процедуру судебного обжалования решений данной комиссии.

3) Представляется обоснованным установленный в Китае принцип пожизненной ответственности судей за дела, которые они рассматривали в рамках своих обязанностей и полномочий, если судьи допустили судебные ошибки, повлекшие существенные отрицательные последствия для участников судебного разбирательства.

Научная дискуссия

В.В. Момотов обоснованно отмечает, что «формирование судейского корпуса – важнейшее условие эффективности судебной системы и ее самостоятельности. Ведь судебная система – это прежде всего конкретные люди, которые составляют судейский корпус» [7].

Превалирующим в российской судоустройственной науке является мнение о том, что судейский корпус – это действующие судьи, что же касается судей в отставке, то это – члены судейского сообщества [6, с. 7].

Т.Г. Ермошин, рассматривает «формирование судейского корпуса в РФ» как процедуру из четырех этапов:

1) сбор документов для подтверждения права сдать квалификационный экзамен на должность судьи;

2) процедуры отбора претендентов на судейскую должность как контроль профессиональной подготовленности претендентов;

3) конкурсный отбор в квалификационной коллегии судей;

4) процедура отбора кандидатов на судейские должности – Кадровая комиссия при Президенте РФ [4].

В целом соглашаясь с приведенной правовой позицией отметим, что она не учитывает особенности формирования судейского корпуса, зависящие от уровня суда и должности судьи, а также, что наиболее важно, необходимость еще одного пятого этапа – указа Президента РФ или постановления Совета Федерации о назначении конкретного судьи, поскольку только с этого момента кандидат на должность судьи приобретает статус судьи или председателя того или иного суда.

Так, согласно п. 1 ст. 128 Конституции РФ Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судьи Конституционного Суда Российской Федерации, Председатель Верховного Суда Российской Федерации, заместители Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судьи Верховного Суда Российской Федерации назначаются Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации.

Иными словами, руководство и судьи высших российских судов назначаются Советом Федерации РФ, но только из числа кандидатов, представленных Президентом РФ.

В силу п. 2 ст. 128 Конституции РФ председатели, заместители председателей и судьи других федеральных судов назначаются Президентом Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом.

В данном случае речь идет, с одной стороны, о руководителях и судьях районных (городских) судов, Верховных судов республик, краевых (областных) судов, апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции. С другой же стороны, в таком же порядке назначаются руководители и судьи арбитражных судов субъектов РФ, апелляционных и кассационных арбитражных судов.

Процедура назначения названных судей федеральных судов закреплена в Законе от 26.06.1992 «О статусе судей в Российской Федерации» и Федеральном конституционном законе от 31.12.1996 «О судебной системе Российской Федерации».

Что же касается мировых судей, то они в соответствии с п. 1 ст. 6 Федерального закона от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О мировых судьях в Российской Федерации» назначаются (избираются) на должность законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации либо избираются на должность населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации.

Так, например, п. 1 ст. 6 Закона Краснодарского края от 11.05.2000 № 265-КЗ «О мировых судьях Краснодарского края» установлено, что кандидат, успешно сдавший квалификационный экзамен и получивший рекомендацию квалификационной коллегии судей Краснодарского края, назначается на должность мирового судьи Законодательным Собранием Краснодарского края по письменному представлению председателя Краснодарского краевого суда.

Кроме того, формирование судейского корпуса не сводится только к назначению судей на должности, оно охватывает весь период их деятельности от назначения на должность до прекращения полномочий и ухода в отставку. Такой подход сформирован Конституционным Судом РФ еще в постановлении от 24.03.2009 № 6-П, в котором указано: «Наделяя квалификационные коллегии судей публично-правовыми полномочиями, осуществляя которые они участвуют в формировании судейского корпуса, федеральный законодатель преследовал цель обеспечения конституционно-правового статуса судей и выполнения задач, стоящих перед судебной властью. Тем самым предполагается, что квалификационные коллегии судей должны принимать законные, обоснованные и справедливые решения, которые соответствуют публичным интересам формирования судейского

корпуса, отвечающего высоким профессиональным и нравственным требованиям, и что их неподотчетность в связи с принимаемыми решениями, включая заключения относительно рекомендации на должность судьи, не означает, что эти решения могут быть произвольными»¹.

Действительно, квалификационные коллегии судей до настоящего времени реально участвуют в формировании судейского корпуса, проверяют их квалификацию, привлекают в необходимых случаях к дисциплинарной ответственности. Поэтому мы поддерживаем мнение И.И. Кирюшенко о том, что «формирование судейского корпуса включает в себя не только этап пополнения судейского корпуса, но и пребывание судьи в должности, приостановление (прекращение) их полномочий» [5].

Немаловажная роль в формировании российского судейского корпуса принадлежит Комиссии при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению вопросов назначения судей и прекращения их полномочий. Целью деятельности этой комиссии является обеспечение реализации конституционных полномочий Президента Российской Федерации по назначению судей федеральных судов и по внесению в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации представления о прекращении полномочий отдельных категорий судей².

Как следует из п. 1 Положения о названной комиссии она является консультативным органом (подчеркнуто нами) при Президенте Российской Федерации по обеспечению реализации конституционных полномочий Президента Российской Федерации по назначению судей федеральных судов и по внесению в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации представления о прекращении полномочий судей.

С учетом того, что Комиссия при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов по результатам рассмотрения этих кандидатур всего лишь готовит рекомендации Президенту РФ по представлению их для дальнейшего назначения (п. 4 Положения о комиссии), то есть никаких юридически значимых решений эта комиссия не принимает, то, на наш взгляд, нецелесообразно вводить процедуру судебного обжалования решений данной комиссии, как это иногда предлагается в юридической литературе [5].

Судебная система КНР, с одной стороны, имеет много сходств с российской, но с другой стороны, судебная система Китая по-своему уникальна.

Действующая Конституция Китайской Народной Республики была принята 04 декабря 1982 года Пятым Всекитайским собранием народных представителей³. С тех пор в нее несколько раз вносились поправки, последняя из них – в 2018 году.

В соответствии с Конституцией КНР в целях нормативно-правового регулирования создания, организации и полномочий народных судов и обеспечения законного исполнения полномочий народными судами, в Китае принят и действует Закон КНР «Об организации народных судов (в редакции 2018 г.)»⁴. Этот закон регулирует структуру, юрисдикцию и функционирование судебной системы в Китае. Закон определяет обязанности и полномочия народных судов различных уровней, включая Верховный народный суд, народные суды промежуточной инстанции и народные суды базового уровня. В нем также устанавливаются процедуры отбора и назначения судей.

В Китае, как и в России, судьей может стать гражданин этой страны, соответствующий установленным квалификационным требованиям. Однако, если в России обязательным требованием к судье является наличие базового юридического образования, то в Китае в соответствии с его

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 8 статьи 5, пункта 6 статьи 6 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и пункта 1 статьи 23 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина В.Н. Рагозина: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2009 № 6-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О Комиссии при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению вопросов назначения судей и прекращения их полномочий» (вместе с «Положением о Комиссии при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению вопросов назначения судей и прекращения их полномочий»): Указ Президента РФ от 17.02.2021 № 97 (ред. от 25.10.2021) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ [сайт]. Официальный сайт Всекитайского собрания народных представителей; 2023 [процитировано 03 марта 2023]. Доступно: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Law/2008-01/02/content_1387986.htm

⁴ Там же.

Судебным законом 2019 г.¹ для назначения судьей достаточно иметь степень бакалавра или другие высшие степени не по специальности юриспруденции в высших учебных заведениях, но со степенью магистра юриспруденции (JM), степенью магистра права (LL.M.) или других высших степеней.

Иными словами, применительно к системе российского образования, выпускник экономического факультета, закончивший после этого магистратуру юридического факультета, вправе претендовать на должность судьи. Думается такой подход, вполне можно было бы использовать и в Российской Федерации для назначения на должности мировых судей.

Закон КНР о судьях требует, чтобы кандидат на должность судьи сдал национальный единый экзамен на профессиональную юридическую квалификацию, чтобы получить такую квалификацию. Это, по сути, соответствует российскому подходу к назначению судей. После этого Комиссия по выборам судей провинциального уровня Китая (эквивалент квалификационной коллегии судей России) сначала оценивает профессиональную компетентность кандидатов, не являющихся судьями, для назначения на должности судей, а затем лучшие кандидаты будут назначены судьями Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей соответствующего уровня.

Как в Китае, так и в России судьи регулярно должны повышать свою квалификацию. При этом в КНР в силу ст. 26 его Судебного закона результаты обучения судей и оценки, полученные ими в ходе обучения, служат в качестве одного из критериев для продвижения по службе» [1]. Думается, что такой подход в значении для судей профессионального дополнительного обучения следует применять и при решении вопросов кадрового продвижения российских судей.

Наконец, измененный Закон КНР о судьях от 2019 года требует, чтобы судьи несли ответственность за дела, которые они рассматривают в рамках своих обязанностей и полномочий, что отражает китайскую систему судебной ответственности судей, то есть судьи должны нести ответственность за свою работу, если допустили судебные ошибки, повлекшие существенные отрицательные последствия для участников судебного разбирательства. При этом судьи несут ответственность за принятые ими судебные постановления пожизненно. Например, согласно ст. 30 указанного закона КНР о судьях они не имеют права пренебрегать своими обязанностями, принимая неправильное решение по делу или нанося тяжелый ущерб заинтересованной стороне.

В Китае с 2014 г. действует принцип «аналогичные решения по аналогичным делам». По сути, это аналог судебного прецедента. Этот принцип является частью «системы судебной ответственности», введенной в 2015 г. и предусматривающей, что в случае принятия судьей решения, противоречащего решению по аналогичному делу, вынесенному ранее судом того же или более высокого уровня, председатель суда инициирует механизм проверки для выяснения причин принятия такого акта.

Китай – один из мировых лидеров в области информатизации правосудия [2]. В Китае с 2021 г. созданы и действуют на базе специальных интернет-судебных платформ (например, платформа «China Judgments Online») интернет-суды, именуемые еще как «умные суды», рассматривающие частно-правовые споры и публично-правовые споры в гражданском и административном судопроизводстве посредством видеосвязи в режиме онлайн с широким использованием цифровых судебных платформ.

Кроме этого, такие цифровые суды призваны, в частности, противодействовать коррупции в китайском судебном сообществе путем прогнозирования и надзора за судьями с помощью систем искусственного интеллекта.

Таким образом, как в России, так и в Китае, судебный корпус формируется в строгом соответствии с конституциями и судеустройственным законодательством этих стран, имеет много общего, в связи с чем есть все основания заимствовать опыт формирования судебного корпуса в каждой из названных стран.

Список использованной литературы:

1. Бевеликова Н.М. Конституционные основы судебной власти в Китае, Южной Корее и Японии. *Журнал зарубежного законодательства и*

References:

1. Bevelikova N.M. [Constitutional foundations of the judiciary in China, South Korea and Japan]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo*

¹ Судебный закон Китая (2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/judges-law-20190423> (дата обращения: 03.03.2023).

сравнительного правоведения. 2011;(2(27)):95–102.

2. Драгилев Е.В., Драгилева Л.Л., Дровалева Л.С., Паламарчук С.А. Информатизация судебной системы Китая. *Юридическая наука*. 2022;(8):54–59.

3. Ермакова Е.П. Опыт КНР в области внедрения технологий искусственного интеллекта в практику деятельности государственных судов. *Экономическое правосудие в Уральском округе*. 2022;(4):94–102.

4. Ермошин Г.Т. Проблемы формирования судейского корпуса в Российской Федерации. *Российский судья*. 2018;(1):51–57.

5. Кирющенко И.И. Открытость и прозрачность информации о судебной деятельности в аспекте формирования судейского корпуса. *Российский судья*. 2022;(7):53–56. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-7-53-56.

6. Клеандров М.И. Судейское сообщество: структура, организационно-правовое развитие (монография). М.: Норма: ИНФРА-М; 2014.

7. Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание. *Журнал российского права*. 2019;(12): 68–89. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Потапенко Сергей Викторович*

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0003-3013-5072

Author ID: 57200339768

Researcher ID: AAB-5391-2021

Третьяков Владимир Иванович

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

AuthorID: 453765

pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2011;(2(27)):95–102. (In Russ.)]

2. Dragilev E.V., Dragileva L.L., Drovaleva L.S., Palamarchuk S.A. [Informatization of the judicial system of China]. *Yuridicheskaya nauka = Legal science*. 2022;(8):54–59. (In Russ.)]

3. Ermakova E.P. [The experience of the PRC in the field of the introduction of artificial intelligence technologies into the practice of state courts]. *Ehkonomicheskoe pravosudie v Ural'skom okruge = Economic justice in the Ural District*. 2022;(4):94–102. (In Russ.)]

4. Ermoshin G.T. [Problems of the formation of the judicial corps in the Russian Federation]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2018;(1):51–57. (In Russ.)]

5. Kiryushchenko I.I. [Openness and transparency of information about judicial activity in the aspect of the formation of the judiciary]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2022;(7):53–56. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-7-53-56. (In Russ.)]

6. Kleandrov M.I. [Judicial community: structure, organizational and legal development]. Moscow: Norma: INFRA-M; 2014. (In Russ.)]

7. Momotov V.V. [Judicial reform of 2018 in the Russian Federation: concept, goals, content]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2019;(12): 68–89. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.6. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Potapenko*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov faculty of Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0003-3013-5072

Author ID: 57200339768

Researcher ID: AAB-5391-2021

Vladimir I. Tretyakov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

AuthorID: 453765

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-61-66>



О ПРИРОДЕ СПОРТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Лупарев Е.Б.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Лупарев Е.Б. О природе спортивной ответственности: цивилистические и публично-правовые аспекты. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(2):61–66. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-61-66>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Лупарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик Евразийской академии административных наук, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 10.05.2023

Статья принята к печати: 13.06.2023

Дата публикации: 26.06.2023

Аннотация: Целью работы выступает освещение малоизученного вопроса о спортивной ответственности, а точнее о природе этого вида ответственности, имеющей в целом ряде случаев юридический характер. Нельзя сказать, что это абсолютно новое явление в отечественной юриспруденции, но оно настолько малоизучено, что порой трудно дать ему должную теоретическую и практическую оценки. Сделана попытка показать место спортивной ответственности в ее соотношении с ответственностью в спорте.

Задачи работы включают в себя иллюстрацию и анализ теоретических исследований, использующих нестандартную терминологию «спортивная ответственность».

В силу того, что ответственность в спорте может иметь свою специфику в различных отраслях права использованы достижения различных отраслевых теорий публичного и частного права.

Доказывается тезис о том, что следует в целом ряде случаев разделять понятия «спортивная ответственность», носящая корпоративный характер и «ответственность в спорте», которая может носить классический отраслевой характер.

Ключевые слова: спортивное право, спортивная ответственность, ответственность в спорте, профессиональный спорт.

ON THE NATURE OF SPORTS RESPONSIBILITY: CIVIL AND PUBLIC LAW ASPECTS

Evgeniy B. Luparev

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Luparev E.B. On the nature of sports responsibility: civil and public law aspects. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(2):61–66. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-61-66>

CONTACT INFORMATION:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 10.05.2023

The article has been accepted for publication: 13.06.2023

Date of publication: 26.06.2023

Annotation: The aim of the work is to highlight the little-studied issue of sports liability, or rather, the nature of this type of liability, which, of course, is of a legal nature. It cannot be said that this is an absolutely new phenomenon in domestic jurisprudence, but it is so little studied that it is sometimes difficult to give it a proper theoretical and practical assessment. An attempt has been made to show the place of sports responsibility in its relation to responsibility in sports.

The objectives of the work include illustration and analysis of theoretical studies using non-standard terminology "sports responsibility".

Due to the fact that responsibility in sports can have its own specifics in various branches of law, the achievements of various branch theories of public and private law are used.

The thesis is proved that in a number of cases it is necessary to separate the concepts of "sports responsibility", which is of a corporate nature" and "responsibility in sports", which can be of a classic industry nature.

Keywords: sports law, sports liability, liability in sports, professional sports.

Введение

Становление спорта как общественно-политического, профессионально-ориентированного, отчасти оздоровительного явления вывело данную сферу общественных отношений на такой уровень значимости, которая требует отнюдь не фрагментарных исследований в контексте отраслевых юридических наук, а системных подходов, в том числе по такому фундаментальному вопросу, как спортивная ответственность. Наличие в административно-деликтном и уголовном законодательстве составов соответственно административных правонарушений и преступлений не ограничивает круг спортивных отношений, подлежащих юридической защите. Как минимум мы можем говорить об ответственности на уровне трудовых отношений профессиональных спортсменов, а также об ответственности на уровне спортивных объединений, включая международные. Соответственно, целью исследования выступает определение природы спортивной ответственности как синтетического явления, которое прямо или косвенно обеспечивается принудительной силой государства. Задачи исследования: дать понятие, охарактеризовать признаки спортивной ответственности, а также определить ее место в системе иных видов юридической ответственности.

Методы исследования

Российская юридическая наука базируется на фундаментальном теоретическом обосновании механизма правового регулирования различных видов юридической ответственности с учетом

диалектики его развития. Данный посыл предопределяет использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы, а также методов сравнительного правоведения в контексте изучения опыта иностранных государств в сфере реализации ответственности в спорте.

Результаты исследования

Результатом исследования является сопоставительный анализ использования терминологии, связанной с ответственностью в сфере спортивной деятельности. Выявлен ряд обстоятельств, позволяющих сомневаться в абсолютизации использования термина «спортивная ответственность» в юридическом смысле. Основным обстоятельством, требующим дифференциации спортивной ответственности, является обеспеченность принудительной силой государства. Многочисленные спортивные споры выходят на уровень юридического разрешения только в профессиональном спорте, а также в рамках официальной соревновательной деятельности. Сама сущность ответственности в юридическом смысле коррелируется с характером судейства в спорте и того, в какой степени государство регулирует деятельность спортивных ассоциаций с одной стороны, и любительского спорта – с другой.

Принципиальным выводом статьи выступает мысль о том, что само существование термина «спортивная ответственность» может носить юридизированный характер только если спортивные санкции создают неблагоприятные последствия для спортсменов не в контексте конкретных правил вида спорта, а в связи с нарушением законодательно закрепленных прав и свобод человека.

Предлагается определение спортивной ответственности в субъективном юридическом смысле как обязанности спортсмена претерпеть неблагоприятные последствия, выраженные в спортивных санкциях, установленных формально закрепленными правилами вида спорта и ограничивающих их права и свободы.

Научная дискуссия

Реализация правоотношений в сфере спорта невозможна без юридически обязывающих норм спортивного поведения, в которых выражены принципы спортивной деятельности. Юридически обязывающие нормы реально работают в условиях наличия мер ответственности за их нарушение. Нельзя сказать, что сфера спортивной деятельности не содержит в себе общественных отношений, на которые распространяется охранительная функция административной, уголовной, гражданско-правовой ответственности. Соответствующие нормы представлены, например, статьями 6.18, 20.31 КоАП РФ, 230.1, 230.2 УК РФ.

Однако, легализован и термин «спортивные санкции», употребляемый, в частности, в п. 3 части 1 статьи 36.3 Федерального закона от 14.12.2007 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹. Исходя из содержания п. 19.1 статьи 2 названного федерального закона, спортивная санкция – мера ответственности за нарушение субъектом физической культуры и спорта правил вида спорта, положений (регламентов) спортивных соревнований, антидопинговых правил, норм и требований, утвержденных международными спортивными организациями, общероссийскими спортивными федерациями, профессиональными спортивными лигами, иными организаторами спортивных соревнований. Спортивные санкции определяются правилами проведения соответствующих спортивных соревнований.

Встает вопрос о том, относится ли спортивная ответственность, связанная с применением спортивных санкций к юридической ответственности вообще. Ответ на него лежит в плоскости общетеоретического понимания юридической ответственности. О.Ю. Кокурина приводит определение юридической ответственности как «негативных последствий, наступающих в результате несоблюдения личностью существующих в обществе правовых установлений, как обязанности претерпеть меры государственно-правового принуждения за совершение правонарушения» [5, с. 32]. Наряду с пониманием юридической ответственности в объективном смысле под юридической ответственностью в субъективном смысле мы понимаем обязанность лица претерпеть неблагоприятные последствия в виде обеспечиваемых принудительной силой государства юридических санкций различной отраслевой природы. Прямое обеспечение принудительной силой государства – один из основополагающих признаков юридической ответственности. Но когда мы говорим о правилах вида спорта и о соответствующих санкциях за их нарушение, то принудительная

¹ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242; 2023. № 1 (часть I). Ст. 15.

сила государства реализуется в данном случае весьма дифференцированно. Если речь идет о нарушающем правила вида спорта применении допингов или о «договорных матчах», то это деликтные отношения, влекущие за собой административную или уголовную ответственность. То же самое можно говорить о вариантах дисквалификации профессиональных спортсменов, лишаящих их, по сути, права на осуществление профессиональной трудовой деятельности. Но как расценивать санкции в виде разного рода «штрафных ударов (пенальти, буллитов и т.д.), временных дисквалификаций, штрафов в отношении спортивных организаций? Для понимания этого следует обратиться к природе актов международных спортивных организаций, спортивных федераций, профессиональных спортивных лиг и иных организаторов спортивных соревнований.

Р.Р. Байбеков называет такого рода акты корпоративными актами спортивных организаций, «которые образуют самостоятельные системы регулирования в определенном виде спорта. Другим источником, упорядочивающим правоотношения внутри спортивных организаций, являются локальные нормативные акты» [2, с. 134]. В свою очередь, Л.И. Захарова говорит об этой системе источников как о «*lex sportiva*», то есть о совокупности корпоративных правил поведения, выработанных национальными и международными неправительственными организациями Олимпийского движения, которые получают широкое признание, по крайней мере, среди тех, кто демонстрирует намерение участвовать в спортивной деятельности [3, с. 73–74]. Р.Р. Байбеков считает такие источники внеправовыми конструкциями [2, с. 135]. Подобной позиции придерживается С.В. Алексеев¹. В.Н. Мельник, подводя промежуточный итог дискуссии о понимании *lex sportiva*, пишет: «данные определения *lex sportiva* сходятся в самой важной характеристике: *lex sportiva* – это прежде всего не нормативные правовые акты, а нормативные акты, выработанные негосударственными спортивными организациями» [7].

Действительно, судя по решению № 47 Коллегии Евразийской экономической комиссии «О выполнении государствами – членами Евразийского экономического союза обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Евразийского экономического союза» (Принято в г. Москве 11.05.2017)² и Консультативному заключению Суда Евразийского экономического союза от 07.12.2018 «О разъяснении применения пункта 2 статьи 97 Договора о ЕАЭС в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств – членов ЕАЭС, и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений к данной категории лиц при осуществлении трудовой деятельности»³ акты законодательства и акты спортивных федераций, в том числе устанавливающие спортивную ответственность, – это разные понятия.

Встает вопрос о том, в какой степени акты спортивных федераций, устанавливающие спортивную ответственность обеспечены принудительной силой государства? Если исходить из того, что акты, по крайней мере, национальных федераций санкционированы государством, то и установленная в них ответственность является результатом своего рода публичного аутсорсинга, то есть государство отдает спортивным федерациям право применять соответствующие санкции. Но могут ли быть применены меры государственного принуждения в случаях неисполнения участниками соревнований актов о спортивных санкциях? По мнению Е.Ю. Коваленко и Н.В. Тадыковой правила вида спорта представляют собой разновидность санкционированных государством нормативно-правовых актов, применяемых не от имени государства [4]. Есть мнение о существовании корпоративной спортивно-соревновательной ответственности [1, с. 62]. Существует и множество иных подобных точек зрения общим лейтмотивом которых выступает характеристика спортивной ответственности как юридической корпоративной ответственности [6; 8].

Возвращаясь к общетеоретическому пониманию ответственности, заметим, что есть тенденция отхода от понимания юридической ответственности исключительно как меры государственного принуждения. Так, К.Е. Шилехин, исследуя генезис ответственности пишет: «Таким образом, юридическая ответственность может существовать вне рамок государственного

¹ Алексеев С.В. Спортивное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Физическая культура и спорт» / под ред. П.В. Крашенинникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана; Закон и право; 2018. С. 181.

² [сайт]. Евразийский экономический союз (ЕАЭС); 2023 [процитировано 06 марта 2023]. Доступно: <http://www.eaeunion.org>.

³ Там же.

принуждения. Использование государственного принуждения не является обязательным условием ее существования» [9, с. 21].

Принципиальным представляется тезис о том, что государство прямо или косвенно обеспечивает реализацию юридической ответственности. Прямо – в случаях применения санкций от имени государства специально уполномоченными органами, косвенно – если в конечном итоге государство в лице уполномоченных органов выступит арбитром даже в случаях, когда на уровне спортивных объединений в соответствии с правилами вида спорта право применения санкций возложено на спортивного судью или спортивную федерацию.

Хотя глава 5.1. Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» относит разрешение споров в профессиональном спорте к компетенции спортивных арбитражей, это не исключает из данных правоотношений судов судебной системы Российской Федерации. Это связано с тем, что Кодекс административного судопроизводства РФ в качестве актов, подлежащих оспариванию, называет и акты некоммерческих организаций, наделенных государственными или иными публичными полномочиями. Анализ содержания статьи 16 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» позволяет говорить о том, что общероссийские спортивные федерации наделены рядом публично-властных полномочий. В частности, на наш взгляд, речь идет о таких как: осуществление аттестации тренеров, проводимую по представлению федерального органа исполнительной власти в области физической культуры и спорта; устанавливать ограничения на участие во всероссийских официальных спортивных соревнованиях по соответствующим видам спорта спортсменов, не имеющих права выступать за спортивные сборные команды Российской Федерации в соответствии с нормами международных спортивных организаций, проводящих соответствующие международные соревнования; инициировать предложения (заявки) о проведении на территории Российской Федерации международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий, в том числе о выдвижении Российской Федерации, городов Российской Федерации в качестве кандидатов на право проведения таких мероприятий, направлять предложения (заявки) в соответствующие международные спортивные организации, а также участвовать в их реализации и некоторые иные полномочия.

Вместе с тем, отдельные спортсмены и тренеры могут не быть членами той или иной спортивной федерации, не участвовать в соревнованиях по правилам федерации, не признавать таких правил, соответственно, любая ответственность, установленная нормами федераций, будет носить локальный характер. Но локальный характер такой ответственности еще не говорит о ее неюридической природе. Принципиальным посылом нашего исследования является тезис о том, что юридический характер спортивная ответственность приобретает только в тех случаях, когда неблагоприятные последствия не просто санкционированы государством, а в случае с любой аккредитованной федерацией это так, а ограничивают закрепленные законодательством Российской Федерации права и свободы человека. Например, отстранение от участия в соревнованиях профессионального спортсмена ограничивает его право на осуществление трудовой деятельности.

Таким образом, стоит задача не просто назвать все санкции в спорте спортивной ответственностью, а вычленив те из них, которые носят юридически властный характер и применяются к лицу помимо его воли. Ведь если лицо в ходе проведения спортивных соревнований претерпевает неблагоприятные последствия исхода соревнований для себя конкретно, это не ограничивает его субъективного права или порядка реализации субъективных обязанностей, не лишает его права продолжить занятия спортом. Косвенно это может повлиять на его отбор на соревнования вышестоящего уровня, но такого рода полномочия должны быть государственными, например, когда идет речь об отборе в олимпийскую сборную по виду спорта. Кроме того, отсутствует непосредственная причинно-следственная связь между исходом конкретного соревнования и реализацией спортивной федерацией государственно-властных или иных публичных полномочий.

Список использованной литературы:

1. Амиров И.М. Меры государственно-правового принуждения в сфере спорта: постановка проблемы. *Вестник Владимирского юридического института*. 2012;(3(24)):58–62.

References:

1. Amirov I.M. [State-legal coercive measures in the field of sports: statement of the problem]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2012;(3(24)):58–62. (In Russ.)]

2. Байбеков Р.Р. Корпоративные акты спортивных организаций и локальные нормативные акты: понятие, признаки и соотношение. *Российский юридический журнал*. 2021;(5(14)):134–141. DOI: 10.34076/20713797_2021_5_134.
3. Захарова Л.И. Lex mercatoria и lex sportiva: особенности, сходства и различия. *Lex Russica (Русский закон)*. 2019;(11(156)):70–78.
4. Коваленко Н.Ю, Тадыкова Н.В. Ответственность в сфере физической культуры и спорта. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: гуманитарные и общественные науки*. 2022;6(3(23)):249–254. DOI: 10.21603/2542-1840-2022-6-3-249-254.
5. Кокурина О.Ю. Дискуссионные проблемы наградного права: «позитивная ответственность» и «позитивные санкции» как юридические понятия. *Административное право и процесс*. 2020;(6):32–44. DOI: 10.18572/2071-1166-2020-6-32-44.
6. Кузьмин Е.Л., Куш А.А. Юридическая ответственность в сфере спортивных правоотношений. *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2021;(5–6(73)):118–121.
7. Мельник В.Н. Гармонизация структуры lex sportiva. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;17(11(44)):100–110. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.144.11.100-110.
8. Стрекалова Ю.Э. Юридическая ответственность в сфере спорта. *Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. Материалы III Международной научно-практической конференции*. В 2-х томах. Том 1. Отв. ред. В.Ю. Стромов. Тамбов: Издательство: Издательский дом «Державинский»; 2019.
9. Шилехин К.Е. Подход к классификации видов юридической ответственности. *Административное и муниципальное право*. 2021;(3):21–31. DOI: 10.7256/2454-0595.2021.3.35436.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лупарев Евгений Борисович

доктор юридических наук, профессор, академик Евразийской академии административных наук, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-4336-9495

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

2. Baibekov R.R. [Corporate acts of sports organizations and local normative acts: the concept, characteristics and relationship]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*. 2021;(5(14)):134–141. DOI: 10.34076/20713797_2021_5_134. (In Russ.)]
3. Zakharova L.I. [Lex mercatoria and lex sportiva: features, similarities and differences]. *Lex Russica (Русский закон) = Lex Russica (Russian Law)*. 2019;(11(156)):70–78. (In Russ.)]
4. Kovalenko N.Yu, Tadykova N.V. [Responsibility in the field of physical culture and sports]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2022;6(3(23)):249–254. DOI: 10.21603/2542-1840-2022-6-3-249-254. (In Russ.)]
5. Kokurina O.Yu. [Debatable problems of award law: "positive responsibility" and "positive sanctions" as legal concepts]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2020;(6):32–44. DOI: 10.18572/2071-1166-2020-6-32-44. (In Russ.)]
6. Kuz'min E.L., Kushch A.A. [Legal responsibility in the sphere of sports legal relations]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire = Current scientific research in the modern world*. 2021;(5–6(73)):118–121. (In Russ.)]
7. Mel'nik V.N. [Harmonizing the structure of lex sportiva]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.144.11.100-110. (In Russ.)]
8. Strekalova Yu.Eh. [Legal responsibility in the field of sports]. *Tambovskie pravovye chteniya imeni F.N. Plevako. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Tambov legal readings named after F.N. Plevako. Materials of the III International Scientific and Practical Conference*. In 2 volumes. Volume 1. Ed. V.Yu. Strom. Tambov: Publishing House: Derzhavinsky Publishing House; 2019. (In Russ.)]
9. Shilekhin K.E. [Approach to the classification of types of legal responsibility]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and municipal law*. 2021;(3):21–31. DOI: 10.7256/2454-0595.2021.3.35436. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy B. Luparev

Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-4336-9495

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ОКОНЧАНИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА: СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА

Гладышева О.В.*, Семенцов В.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Гладышева О.В., Семенцов В.А. Ознакомление с материалами уголовного дела по окончании досудебного производства: содержание и форма. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(2):67–77. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-67-77>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Гладышева Ольга Владимировна*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 03.04.2023

Статья принята к печати: 12.05.2023

Дата публикации: 26.06.2023

Аннотация: Информация является важным инструментом в определении возможностей человека в любой сфере его деятельности. Получение информации, равно как и ее обработка происходит постоянно. Доступ к информации в уголовном судопроизводстве может рассматриваться в весьма широком ракурсе: от полномочий следователя на получение сведений в ходе процессуальной деятельности, до присяжных заседателей, получающих информацию от сторон в ходе судебного разбирательства.

Отдельную форму имеет доступ и получение информации участниками уголовного судопроизводства, прямо либо косвенно заинтересованных в его исходе. Правила этой процедуры не всегда отвечают их потребностям и в ряде случаев становятся препятствием в реализации процессуальных прав и в защите законных интересов. Обращает на себя внимание масштабность ошибочного правоприменения, приводящее к нарушениям прав заинтересованных лиц¹. Не менее важно и то, что в отдельных случаях и граждане пытаются злоупотреблять своими процессуальными возможностями, создавая препятствия в законной деятельности органов уголовного преследования. Наиболее часто такого рода проблемы возникают на этапе ознакомления с материалами уголовного

¹ Например: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.03.2016 № 5-УД16-12. Приговор: по ч. 4 ст. 159 УК РФ за мошенничество. Определение ВС РФ: приговор оставлен без изменения // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Президиума Московского областного суда от 01.07.2015 № 290 по делу № 44у-139/2015. Приговор: ст. ст. 30, 228.1 УК РФ (приготовление / покушение; незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...). Постановление: акт отменен, дело направлено в суд первой инстанции для выполнения требований ст. ст. 389.3–389.8 УПК РФ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дела по окончании предварительного расследования, хотя отдельные трудности сопряжены с ознакомлением и в его процессе.

Как представляется, неудовлетворительная ситуация в сфере ознакомления в уголовном судопроизводстве выступает следствием неразрешенных до настоящего времени проблем, как фундаментального (в том числе, понятийного), так и прикладного (процедурного) характера.

В совокупности приведенные обстоятельства обусловили актуальность, теоретическую и практическую значимость данного исследования.

Цель настоящего исследования – формирование авторской позиции о понятии ознакомления с материалами уголовного дела, определении его сущностных признаков.

Задачи исследования: теоретический анализ признаков ознакомления с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве; выявление существенных признаков ознакомления; эмпирическое исследование проблем ознакомления с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования; формирование видов ознакомления; предложение авторского видения сущности ознакомления с материалами уголовного дела и способов решения отдельных проблем ознакомления с материалами оконченного уголовного дела.

Методы исследования: диалектический, системный, формально-юридический, логический, аналитический, синтетический, обобщение, гипотетический.

Результаты: основным результатом предпринятого исследования стало авторское определение понятия ознакомления с материалами уголовного дела на основании дополнения перечня его существенных признаков и его формы.

Ключевые слова: уголовное дело, предварительное расследование, окончание, информация, право, участники, ознакомление, форма.

FAMILIARIZATION WITH THE MATERIALS OF THE CRIMINAL CASE AT THE END OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS: CONTENT AND FORM

Olga V. Gladysheva*, Vladimir A. Sementsov
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Gladysheva O.V., Sementsov V.A. Familiarization with the materials of the criminal case at the end of pre-trial proceedings: content and form. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(2):67–77. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-67-77>

CONTACT INFORMATION:

Olga V. Gladysheva*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Head of the Department of Criminal Procedure FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 03.04.2023

The article has been accepted for publication: 12.05.2023

Date of publication: 26.06.2023

Annotation: Information is an important tool in determining the capabilities of a person in any field of his activity. The receipt of information, as well as its processing, occurs constantly. Access to information in criminal proceedings can be viewed from a very broad perspective: from the powers of the investigator to obtain information in the course of procedural activities, to jurors receiving information from the parties during the trial.

A separate form has access to and receipt of information by participants in criminal proceedings who are directly or indirectly interested in its outcome. The rules of this procedure do not always meet their needs

and in some cases become an obstacle in the exercise of procedural rights and in the protection of legitimate interests. Attention is drawn to the scale of erroneous law enforcement, which leads to violations of the rights of interested persons. No less important is the fact that in some cases, citizens also try to abuse their procedural capabilities, creating obstacles in the legitimate activities of criminal prosecution bodies. Most often, such problems arise at the stage of familiarization with the materials of a criminal case at the end of the preliminary investigation, although some difficulties are associated with familiarization in its process.

It seems that the unsatisfactory situation in the field of knowledge in criminal proceedings is a consequence of unresolved problems, both fundamental (including conceptual) and applied (procedural) nature.

Taken together, these circumstances determined the relevance, theoretical and practical significance of this study.

The purpose of this study is to form the author's position on the concept of familiarization with the materials of a criminal case, the definition of its essential features. Research objectives: theoretical analysis of the grounds for familiarization with the materials of a criminal case in criminal proceedings; identification of essential signs of familiarization; empirical study of the problems of familiarization with the materials of a criminal case at the end of the preliminary investigation; formation of types of awareness; the proposal of the author's vision of the essence of familiarization with the materials of the criminal case and ways to solve individual problems of familiarization with the materials of the completed criminal case. Research methods: dialectical, systemic, formal-legal, logical, analytical, synthetic, generalization, hypothetical. Results: the main result of the undertaken research was the author's definition of the concept of familiarization with the materials of a criminal case based on the addition of a list of its essential features and its form.

Keywords: criminal case, preliminary investigation, termination, information, law, participants, familiarization, form.

Введение

Ознакомление с материалами уголовного дела предназначено для доведения до сведения заинтересованных лиц информации о сущности выдвинутого обвинения и совокупности имеющихся у стороны обвинения доказательств. Ознакомление имеет масштабный и практически перманентный характер: осуществляется, как в ходе производства предварительного расследования (с отдельными материалами), так и по его завершении (со всеми собранными материалами). Отдельные материалы предъявляются участникам уголовного судопроизводства в ходе стадии возбуждения уголовного дела и по ее завершении. Любое ознакомление в уголовном судопроизводстве имеет свою процессуальную форму: совокупность специальных правил, которые предусматривают, в частности, инициатора ознакомления, порядок предъявления материалов, сроки ознакомления, порядок оформления результатов и т.д. Отметим, что ознакомление с материалами уголовного дела сопровождается существенными ограничениями, связанными с многочисленными факторами, требующими ограждения собранных сведений как от широкого распространения (например, тайна следствия), так и соблюдения этических норм (например, запрет на предъявление отдельных материалов несовершеннолетним участникам).

С ознакомлением связаны многие проблемы [6, с. 281, 290, 364; 7; 9], от способа решения которых зависит иногда судьба участников уголовного судопроизводства (например, в случае неполучения необходимой информации участник лишается практической возможности заявить жалобу, подать ходатайство, построить линию своего процессуального поведения, исходя из реальных, а не предполагаемых обстоятельств и т.д.).

Значимость ознакомления подтверждается не единичными случаями проведения в его отношении конституционного контроля¹.

¹ По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина: Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 № 14-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 4; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав пунктом 12 части четвертой статьи 47 и частью третьей статьи 227 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23.05.2006 № 189-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 5; По делу о проверке конституционности пункта 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина И.Н. Фролова: Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2022 № 21-П // Собрание законодательства РФ. 2022. № 23. Ст. 3913.

Масштабность уголовно-процессуального ознакомления обусловила разнообразие его видов [4; 15; 17, с. 114], исходя из такого признака, как содержание и объем. Можно указать на основное, дополнительное, частичное или выборочное, полное ознакомление. Имеются упоминания о формах ознакомления, «привязанных» к совершению отдельных процессуальных действий, например, учеными предлагается изменить форму ознакомления с материалами уголовного дела при избрании заключения под стражу [14]. Интересен и правоприменительный опыт, направленный на уточнение форм ознакомления. Например, Ф.Н. Багаутдинов указывает на разработку специальной формы протокола, исключающей случаи возвращения уголовных дел прокурору ввиду отсутствия в протоколах ознакомления обвиняемых с материалами уголовного дела записей о разъяснении им особенностей рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей и неотражения позиции обвиняемых по указанному вопросу [2].

В то же время в досудебном производстве предусматриваются только две основные формы ознакомления: *по ходу процессуальной деятельности и по ее окончании*. Соответственно тот факт, что могут иметь место различные виды ознакомления, отличающиеся по объему, по масштабам предъявляемого материала, законодателем при формировании процедурных правил никак не учитывается. Имеются и иные позиции относительно форм ознакомления, применяемые в отношении иных участников уголовного судопроизводства, в частности экспертов [16].

В процедуре ознакомления задействуются практически все субъекты уголовно-процессуальных отношений, заинтересованные в исходе дела. При этом содержание права на ознакомление и способы его процессуальной реализации для потерпевших, обвиняемых и др. лиц, а также их представителей и защитников, существенно различаются.

Ознакомление с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования имеет собственную структуру, каждый элемент которой обладает правовым значением, а несоблюдение правил ознакомления приводит к негативным юридическим последствиям, например, к возвращению прокурором уголовного дела на дополнительное расследование, либо к отмене постановленного приговора, если дело было рассмотрено судом по существу предъявленного обвинения.

Ознакомление с материалами уголовного дела по завершении предварительного расследования в соответствии с положениями УПК РФ имеет не только информативную, но и формальную значимость, предусматривая совершение действий сторонами обвинения (потерпевшим) и защиты, имеющих юридические последствия. Так, обвиняемый вправе заявить ряд ходатайств, которые определяют форму дальнейшего судебного разбирательства (например, о рассмотрении уголовного дела судом присяжных).

Совокупность указанных обстоятельств призвана продемонстрировать, как объемность содержания уголовно-процессуального ознакомления, так и правовую значимость его процедуры. Именно большое значение процессуальной формы ознакомления, по достоинству оцениваемое учеными, привело к тому, что в науке уголовного процесса стали уделять большее внимание именно форме [5], в ущерб разработкам содержательного аспекта.

Помимо проблемных аспектов научного характера, выявляются масштабно распространившиеся случаи необоснованных решений должностных лиц органов предварительного расследования по обращению к суду с ходатайством об ограничении сроков ознакомления, в основном затрагивающих интересы стороны защиты¹. Но следует учитывать, что при обобщении судебной практики выявлены случаи затягивания ознакомления с материалами уголовного дела

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 15.02.2021 по делу № 22-303/2021 об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела, когда решение суда первой инстанции отменено; Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 09.02.2022 по делу № 22-760/2022 об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела, с отменой решения суда первой инстанции; Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 30.03.2022 № 22-1878/2022 об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела и решение суда первой инстанции отменено; Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 14.04.2022 по делу № 22-2232/2022 об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела, когда решение суда первой инстанции отменено; Апелляционное постановление Калужского областного суда от 22.04.2022 по делу № 22-481/2022 об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела, с отменой постановления суда первой инстанции отменено // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

также со стороны потерпевших¹. Нельзя обойти вниманием и отдельные факты ненадлежащего процессуального поведения при ознакомлении с уголовным делом самого следователя², а также необоснованные решения суда по вопросам входящим в его компетенцию на этапе окончания предварительного расследования [1].

Методы исследования

Диалектический метод исследования позволил получить ценную информацию, касающуюся наличия противоречий в уголовно-процессуальном законодательстве, в части регулирования отношений по ознакомлению с материалами уголовного дела, определить их (противоречий) значимость для обеспечения прав и законных интересов участников, в частности со стороны защиты.

Системный метод обеспечил применение в исследовании специального подхода, основанному на учете многоцелевого значения ознакомления в уголовном судопроизводстве, дал возможность выявить его межинституциональные связи, определить способы взаимодействия и корреляционные соответствия/несоответствия в законодательном регулировании соответствующих уголовно-процессуальных отношений (в том числе при установлении взаимоотношений между стороной защиты и должностными лицами органов досудебного производства).

Посредством использования формально-юридического метода определены необходимые правовые основы ознакомления и предприняты шаги по уяснению смысла содержания уголовно-процессуального закона в указанной сфере. Формально-юридический метод позволил опираться на правила ознакомления в их типичном, нередко ошибочном, восприятии должностными лицами и участниками уголовного судопроизводства, буквальном истолковании этих правил в правоприменительной практике и, в сочетании с диалектическим методом, стал основанием для выявления существенных проблем правоприменения.

Применение логического метода было необходимо для определения закономерных связей отдельных элементов уголовно-процессуального регулирования, не связанных непосредственно с институтом ознакомления с материалами уголовного дела (права обвиняемого, полномочия защитника, доказательства и доказывание и т.д.).

Анализ и синтез стали способами выявления как важных деталей в процедуре ознакомления, так и средством объединения разрозненных правил в единое целое для формирования авторского подхода и конкретных предложений по решению существующих проблем в сфере ознакомления с материалами уголовного дела стороной защиты по окончании предварительного расследования.

Обобщение стало необходимым способом выявления и последующего описания сложившихся в правоприменительной практике тенденций, в том числе негативного характера, продемонстрировавших потребность в проведении данного исследования, и позволивший доказать его актуальность.

Использование гипотетического метода позволило сформулировать ряд предположений прогностического характера по определению направлений дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства и тенденций правоприменения в части ознакомления с материалами уголовного дела, включая развитие и процессуальное использование современных технических средств и цифровых технологий.

Результаты исследования

1. Ознакомление с материалами уголовного дела представляет собой процессуальную, юридически значимую деятельность заинтересованных участников, их представителей и защитников по получению информации, содержащейся в материалах дела, а также ее уяснению, анализу и иной

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 15.02.2021 по делу № 22-303/2021 об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела, с отменой решения суда первой инстанции; Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 15.04.2021 № 3/14-20/2021 об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Например: в кассационной жалобе адвоката изложены следующие факты: «следователь в нарушение положений ч. 3 ст. 217 УПК РФ, ограничил (ФИО) во времени, необходимом для ознакомления с материалами уголовного дела, потребовав от него ознакомиться с четырьмя томами уголовного дела в течение одного дня. В связи с невозможностью ознакомления с четырьмя томами уголовного дела в течении одного дня, (ФИО) отказался знакомиться с материалами уголовного дела, и тогда следователь огласил вслух четыре тома материалов уголовного дела и указал в протоколе ознакомления о том, что (ФИО) ознакомлен с материалами уголовного дела путем личного прочтения следователем вслух» (Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.03.2022 № 77-1008/2022. Акты оставлены без изменения) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обработке, а также последующему использованию в направлении и рамках установленных законом. Основным и единственным способом получения информации (ознакомления в непосредственном буквальном смысле) является прочтение материалов, визуальный осмотр предметов, документов, видеозаписей и иных вещественных доказательств, прослушивание аудиоматериалов, приложенных к материалам уголовного дела.

2. Важным признаком в раскрытии сущности *ознакомления на этапе окончания предварительного расследования* является тот факт, что уяснение, анализ и иная обработка информации, полученной в ходе прочтения материалов уголовного дела, предпринимаются *не для выработки позиции защиты в целом, а исключительно для выполнения действий по заявлению ходатайств и иных заявлений, предусмотренных для этапа окончания предварительного расследования*. Выработка позиции стороной защиты для участия в предстоящем судебном разбирательстве не может охватываться ознакомлением с материалами уголовного дела на этапе завершения предварительного расследования.

3. Комплексный характер ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования обеспечивается правилами доступа к информации и ее последующей реализацией для заявления ходатайств и иных заявлений в пределах, установленных законом.

4. Формой ознакомления с материалами уголовного дела выступает отдельная самостоятельная процедура, обеспечивающая участникам доступ к информации, ее обработку и использование в целях, установленных уголовно-процессуальным законом.

Научная дискуссия

Наибольшее внимание в науке уголовного процесса традиционно уделяется форме ознакомления с материалами уголовного дела по окончании досудебного производства. Такие акценты обусловлены значимостью этой формы для участников уголовного судопроизводства, обеспечению их прав, а также для последующего судебного разбирательства.

В этой части имеется ряд важных правил:

1) ознакомление осуществляется после принятия следователем решения об окончании всех следственных действий и признании достаточными собранных доказательств для составления обвинительного заключения;

2) правом на ознакомление обладают все заинтересованные лица (в разном объеме), а также их представители и защитник;

3) уголовное дело предъявляется полностью, включая вещественные доказательства, имеющиеся аудио-, видео- и иные материалы;

4) материалы уголовного дела предъявляются в прошитом и пронумерованном виде;

5) срок ознакомления не ограничен;

6) если дело имеет несколько томов, то участники в процессе ознакомления могут повторно возвращаться к любому из томов;

7) по окончании ознакомления участники могут заявить ходатайства, указанные в ст. 217 УПК РФ, рассмотрение и разрешение которых осуществляется в порядке, установленном ст. 219 УПК РФ;

8) об окончании ознакомления составляется протокол (ст. 218 УПК РФ).

Установление правил позволяет упорядочить проведение соответствующей процедуры, создать предсказуемость ее результатов, определенность последствий. Однако нельзя не учитывать тот факт, что наиболее благоприятным обстоятельством для урегулирования деятельности, для создания ее правил (формы), выступает четкое осознание ее сущности, а не только возможных последствий. Иными словами, необходимо четкое понимание сущности ознакомления, которое в уголовном судопроизводстве представляет собой не только и не просто доступ к материалам уголовного дела. Без уяснения смысла ознакомления невозможно сделать вывод о том, в какую именно форму должна быть облечена эта деятельность.

Форма предназначена для создания оптимальных условий достижения цели и решения задач процессуальной деятельности, в том числе и в части ознакомления с материалами уголовного дела. Изменения в содержании неизбежно и обязательно приводят к корректировке формы. А в этой части наблюдается достаточно непростая ситуация. В тексте УПК РФ не раскрывается понятие «ознакомление с материалами уголовного дела», отсутствуют даже отрывочные предпосылки к тому, что именно рассматривать в качестве его признаков.

В то же время весьма часто приходится видеть предложения о совершенствовании формы ознакомления [3; 13] без «привязки» предлагаемых изменений к содержанию этой деятельности. Особенно часто встречаются предложения о совершенствовании процедуры ознакомления с материалами уголовного дела по завершении досудебного производства, связанные с внедрением цифровых технологий. Однако эти научные результаты не всегда учитывают специфику как цифровых технологий и соответствующих им технических средств, так и возможность их эффективного применения в ходе указанной сферы уголовно-процессуальной деятельности [11; 12].

Без четкого же представления о том, что из себя представляет ознакомление делать какие-либо прогнозы и практические рекомендации по оптимизации указанных правил весьма затруднительно.

Приведем ряд научных позиций о сущности ознакомления с материалами дела:

- сторона защиты получает информацию [5, с. 22];
- обеспечивается право изучить материалы уголовного дела, выписать любые сведения в любом полном объеме, копировать материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств [7, с. 156];
- сторона изучает и исследует материалы, которые она может заявить, как доказательства, подтверждающие ее позицию либо которые ей придется опровергать в ходе судебного следствия как доказательства, подтверждающие позицию другой стороны [18, с. 1110];
- это процесс изучения материалов в целях получения объема сведений, необходимых для реализации прав и законных интересов участников судопроизводства¹;
- это не столько чтение текста или изготовление копий, сколько, прежде всего, познание смысла и правового значения содержания каждого документа [19, с. 42].

Адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации даются разъяснения: ознакомление с материалами уголовного дела представляет собой трудоемкую интеллектуальную деятельность, состоящую из детального изучения, анализа, сопоставления и оценки, имеющихся в материалах дела документов и сведений и требующую от защитника восприятия, понимания и осмысления информации, собранной по делу, применительно к задачам, стоящим перед стороной защиты. При этом процесс ознакомления защитника с материалами уголовного дела включает в себя, как минимум, следующие элементы: установление смысла представленных документов и доказательств; конструирование моделей объяснения и опровержения представленных доказательств, их обсуждение и согласование с подзащитным; формирование согласованной с подзащитным и основанной на изученных материалах дела позиции стороны защиты; процессуальное оформление позиции стороны защиты (подготовка соответствующих заявлений, ходатайств, жалоб и др.).

Соответственно ознакомление с материалами уголовного дела по мнению адвокатского сообщества представляет собой деятельность по анализу, оценке, сопоставлению и преобразованию информации для выстраивания к ней отношения и формирования позиции защиты, требующей значительных временных затрат².

В научной доктрине для раскрытия содержания ознакомления наиболее часто используется выражение – получение информации, ее изучение. Практическая его интерпретация шире – анализ, оценка, сопоставление и преобразование информации.

Как представляется, для анализа и последующих форм обработки информации ее нужно сначала получить. Соответственно получение информации является первоначальным этапом и основной целью ознакомления. Последующая обработка, в том числе анализ информации, ее сопоставление, оценка, систематизация и др., включая формирование позиции по уголовному делу и решение иных процессуальных задач выстраивается индивидуально, в зависимости от усмотрения конкретных участников, решаемых ими текущих и перспективных задач.

Получение информации в настоящее время возможно несколькими способами:

- прочтение письменных текстов, осмотр фотографий, таблиц, вещественных доказательств, просмотр видео- и прослушивание аудиозаписи (при их наличии), непосредственно находящихся в материалах уголовного дела;

¹ Матвеев А.В. Ознакомление с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 16.

² О минимальной продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела: Разъяснения Совета Адвокатской палаты Республики Коми от 21.04.2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– изготовление копий с письменных текстов с помощью технических средств (например, фотографирование), не исключающих их прочтение;

– сохраняется необходимость осмотра иных материалов (фотографий, таблиц, вещественных доказательств), просмотр видео- и прослушивание аудиозаписи и др.

Получение информации могло бы стать элементом, исчерпывающим содержание ознакомления. Однако формулировка ч. 1 ст. 217 УПК РФ гласит, что по окончании ознакомления составляется протокол, в котором «указываются даты начала и окончания ознакомления с материалами уголовного дела, заявленные ходатайства и иные заявления». Соответственно закономерным представляется вывод, что ознакомление не исчерпывается обеспечением доступа к информации. Ознакомление включает и определенную обработку информации.

Вывод очевиден: поскольку в протоколе указывается как дата начала, так и окончания ознакомления, то соответственно оно может быть окончено только после того, как заинтересованные лица реализовали свое право на заявление ходатайств. Очевидно, что заявить ходатайство, сделать иное заявление невозможно без уяснения смысла, анализа и иной обработки полученной информации. Соответственно, датами ознакомления должна охватываться деятельность не только по получению, но и по обработке информации для обеспечения прав, имеющих высокую значимость для заинтересованных лиц.

При этом законодатель акцентирует внимание только на том, что заявляются лишь определенные ходатайства. Поэтому считаем, что при ознакомлении с материалами уголовного дела участник уголовного судопроизводства получает информацию и проводит ее обработку в пределах, необходимых для заявления ходатайств, разрешенных законодателем на этапе окончания предварительного расследования.

Все остальные задачи, включая выработку позиции по уголовному делу, ее согласование, корректировку и др., стороны совершают вне процессуальной формы ознакомления.

Получение информации при ознакомлении с материалами дела в современных условиях возможно: *во-первых*, путем чтения, переписывания, изготовления выписок; *во-вторых*, при осмотре (просмотре) видеозаписи или прослушивании аудиозаписи; *в-третьих*, за счет использования технических средств фиксации.

Относительно использования технических средств фиксации при ознакомлении с материалами дела приведем несколько *аргументов* против этот способа:

– он не всегда удобен или возможен (например, запрет на фотосъемку документов, предметов, содержащих сведения, отнесенных к государственной тайне), и дает частичный эффект, когда фотографируются только отдельные материалы;

– сфотографированные вещественные доказательства не позволяют оценить всю информативную ценность источника фактических данных, более того, существует вероятность погрешности, и поэтому применять технические средства при ознакомлении с вещественными доказательствами чаще всего бесполезно, иногда – процессуально опасно (возможны ошибки в оценке), поэтому необходим непосредственный визуальный контакт с объектом;

– копирование аудио-, видеозаписей требует соответствующего их объема времени.

И *главный аргумент*, противоречащий тезису о преимуществах использования технических средств при ознакомлении с материалами уголовного дела, перед непосредственным ознакомлением состоит в следующем.

Как известно, схема ознакомления с применением технических средств выглядит следующим образом:

– предъявление материалов для ознакомления;

– фотографирование (условно говоря) письменных и иных материалов, иное копирование документов и объектов, предъявленных для ознакомления;

– чтение, в том числе прослушивание и просмотр аудио-, видеозаписей, имеющихся при материалах уголовного дела¹, изучение материалов, их анализ, составление ходатайств и иных заявлений;

¹ Приведем пример из следственной практики, иллюстрирующий необходимость учета времени, связанного с длительностью имеющихся при уголовном деле аудио-, видеозаписей: «Из пояснений в судебном заседании суда апелляционной инстанции следователя Б. – члена следственной группы при расследовании уголовного дела в отношении (ФИО) следует, что в качестве вещественных доказательств к материалам дела приобщены 4 диска с записями оперативно-розыскных мероприятий, флэш-карта с записями, предоставленная

- представление ходатайств следователю либо отказ от их заявления;
- окончание ознакомления.

Обратим внимание на тот факт, что чтение и изучение этих материалов становится *третьим* этапом в схеме ознакомления, тогда как отказ от применения технических средств устраняет из приведенной схемы соответствующий этап и тем самым *сокращает продолжительность процедуры ознакомления*, причем возможно, существенно.

Есть идея оцифровывать материалы уголовного дела и передавать их в цифровом формате заинтересованным лицам. Н.А. Колоколов по этому поводу пишет: «трансформируем сложную работу следователя по ознакомлению обвиняемого с материалами уголовного дела» в простую и формальную передачу ему электронной копии документов. Технических проблем чтения таких копий нет. ...Вместо протокола «Об ознакомлении с материалами уголовного дела» к таковому подшивается расписка о том, что таковые копии участнику процесса вручены. ...Далее следователь устанавливает срок, в течение которого обвиняемый, его защитник вправе высказать свои соображения относительно полноты и всесторонности расследования, желание присовокупить к данным высказываниям свои ходатайства о необходимости производства дополнительных следственных действий» [8, с. 4].

Такого рода предложение представляется рациональными, но только в части, поскольку не устраняет проблему определения сроков, которые следователь будет определять для подготовки ходатайств стороной защиты.

В результате приходим к заключению о том, что при ознакомлении основное место занимает получение информации:

- непосредственно из материалов уголовного дела путем их прочтения, осмотра вещественных доказательств, иных объектов;
- изготовления с помощью технических средств копий материалов и их последующего прочтения, осмотра, просмотра и прослушивания.

В итоге констатируем, что *ознакомление с материалами уголовного дела является процессуальной, юридически значимой деятельностью заинтересованных участников, а также их представителей и защитников по получению информации, содержащейся в материалах уголовного дела, ее уяснению, анализу и иной обработке для представления ходатайств и иных заявлений, предусмотренных уголовно-процессуальным законом при окончании предварительного расследования.*

Формой ознакомления выступает процедура, направленная на обеспечение доступа к материалам уголовного дела в объеме, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, получение информации и ее обработку в целях, указанных уголовно-процессуальным законом.

Список использованной литературы:

1. Авдеева Е.В., Николаева М.М. Судейское усмотрение в защите прав, свобод и гарантий предпринимателей. *Судейское усмотрение: сб. статей* / отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан, Д.А. Фомин; сост. А.А. Суворов, Д.В. Кравченко. М.: Юстицинформ; 2020.
2. Багаутдинов Ф.Н. Суд присяжных: актуальные вопросы предварительного слушания. *Законность*. 2021;(6(1040)):8–14.
3. Багмет А.М., Османова Н.В. Деятельность следователя по формированию материалов уголовного дела на стадии окончания предварительного расследования. *Российский судья*. 2020;(2):33–38. DOI:

References:

1. Avdeeva E.V., Nikolaeva M.M. [Judicial discretion in protecting the rights, freedoms and guarantees of entrepreneurs]. *Sudeiskoe usmotrenie: sb. Statei = Judicial discretion: collection of articles* / ed. O.A. Egorova, V.A. Vaipan, D.A. Fomin; comp. A.A. Suvorov, D.V. Kravchenko. Moscow: Justicinform; 2020. (In Russ.)]
2. Bagautdinov F.N. [Jury trial: topical issues of the preliminary hearing]. *Zakonnost' = Legality'*. 2021;(6(1040)):8–14. (In Russ.)]
3. Bagmet A.M., Osmanova N.V. [The activity of the investigator on the formation of the materials of the criminal case at the stage of completion of the preliminary investigation]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*.

потерпевшим, детализация телефонных соединений на электронных носителях, денежные средства в сумме ... рублей и муляжи денежных средств на сумму ... рублей. Общая продолжительность приобщенных к делу аудиозаписей составляет около 7 часов. Однако все аудиозаписи и детализация телефонных соединений перенесены на бумажные носители, которые находятся в материалах уголовного дела» (Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 13.11.2020 по делу № 22-2276/2020 об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10.18572/1812-3791-2020-2-33-38.

4. Воробьев Д.М. Порядок и особенности работы с обращениями граждан в Вооруженных Силах Российской Федерации. *Делопроизводство*. 2021;(2):36–41.

5. Дикарев И.С. Ознакомление с материалами уголовного дела в ходе предварительного расследования: cui bono? *Уголовное судопроизводство*. 2019;(4):20–24.

6. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве (монография) / Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина и др.; отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, ИНФРА-М; 2022.

7. Калиновский К.Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. *Ленинградский юридический журнал*. 2005;(2(3)):139–145.

8. Колоколов Н.А. Ознакомление с материалами уголовного дела. Следователь должен быть освобожден от несвойственных ему функций. *Российский следователь*. 2014;(4):3–6.

9. Костенко К.А. Проблемы теории и практики противодействия затягиванию ознакомления с материалами уголовного дела путем приглашения обвиняемым нового защитника. *Российский судья*. 2016;(9):30–34.

10. Лизунов А.С., Лизунов А.С. Злоупотребление правом на защиту на этапе ознакомления с материалами уголовного дела. *Законность*. 2018;(10(1008)):47–50.

11. Макарова О.В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела. *Журнал российского права*. 2019;(2(266)):159–168.

12. Набатов М.Б. О некоторых рисках внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство. *Адвокатская практика*. 2022;(4):28–32. DOI: 10.18572/1999-4826-2022-4-28-32.

13. Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Основные направления межотраслевого совершенствования института освобождения от уголовной ответственности. *Журнал российского права*. 2020;(4):59–76. DOI: 10.12737/jrl.2020.042.

14. Роганов С.А., Овчинников М.А. Правовые аспекты соблюдения тайны следствия при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. *Ленинградский юридический журнал*. 2018;(2(52)):223–230.

15. Ростова В.Н. Правосубъектность участников уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела. *Законность*. 2019;(3(103)):49–53.

16. Рыжаков А.П. Эксперт в уголовном процессе (монография). М., 2020.

17. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики (монография) / О.Н. Коршунова, В.В. Лавров, Е.Л. Никитин и др. Москва: РУ-САЙНС; 2019.

2020;(2):33–38. DOI: 10.18572/1812-3791-2020-2-33-38. (In Russ.)]

4. Vorob'ev D.M. [The procedure and features of working with citizens' appeals in the Armed Forces of the Russian Federation]. *Deloproizvodstvo = Office work*. 2021;(2):36–41. (In Russ.)]

5. Dikarev I.S. [Familiarization with the materials of the criminal case during the preliminary investigation: cui bono?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*. 2019;(4):20–24. (In Russ.)]

6. [Proving and decision-making in adversarial criminal proceedings] / E.K. Antonovich, T.Yu. Vilkova, L.M. Volodina i dr.; ed. L.N. Maslennikova. 2nd ed., reprint. and add. Moscow: Norma, INFRA-M; 2022. (In Russ.)]

7. Kalinovskii K.B. [Procedural terms in criminal proceedings and their regulation under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2005;(2(3)):139–145. (In Russ.)]

8. Kolokolov N.A. [Familiarization with the materials of the criminal case. The investigator must be relieved of his uncharacteristic functions]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*. 2014;(4):3–6. (In Russ.)]

9. Kostenko K.A. [Problems of theory and practice of countering the delay in familiarization with the materials of the criminal case by inviting the accused a new defender]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2016;(9):30–34. (In Russ.)]

10. Lizunov A.S., Lizunov A.S. [Abuse of the right to defense at the stage of familiarization with the materials of the criminal case]. *Zakonnost' = Legality*. 2018;(10(1008)):47–50. (In Russ.)]

11. Makarova O.V. [Improvement of judicial proceedings through the introduction of an electronic form of criminal proceedings]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2019;(2(266)):159–168. (In Russ.)]

12. Nabatov M.B. [About some of the risks of introducing digital technologies into criminal proceedings]. *Advokatskaya praktika = Law practice*. 2022;(4):28–32. DOI: 10.18572/1999-4826-2022-4-28-32. (In Russ.)]

13. Pudovochkin Yu.E., Tolkachenko A.A. [The main directions of intersectoral improvement of the institute of exemption from criminal liability]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(4):59–76. DOI: 10.12737/jrl.2020.042. (In Russ.)]

14. Roganov S.A., Ovchinnikov M.A. [Legal aspects of observing the secrecy of the investigation when choosing a preventive measure in the form of detention]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2018;(2(52)):223–230. (In Russ.)]

15. Rostova V.N. [Legal personality of participants in criminal proceedings at the stage of initiation of a criminal case]. *Zakonnost' = Legality*. 2019;(3(103)):49–53. (In Russ.)]

16. Ryzhakov A.P. [Expert in criminal proceedings]. М., 2020. (In Russ.)]

17. [Means of prosecutorial activity: problems of theory and practice] / O.N. Korshunova, V.V. Lavrov, E.L. Nikitin i dr. Moscow: RU-SAINS; 2019. (In Russ.)]

18. Татьяна Л.Г., Стародумов С.В. Отдельные вопросы ознакомления с материалами уголовного дела при окончании производства предварительного следствия. *Вестник Удмуртского университета*. 2021;31(6):1107–1112. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-6-1107-1112.

19. Юрьев С.С., Короткова П.Е. Институциональные аспекты обеспечения права на ознакомление с материалами уголовного дела. *Евразийская адвокатура*. 2021;(3(52)):41–46. DOI: 10.52068/2304-9839_2021_52_3_41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гладышева Ольга Владимировна*

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0001-5413-5208

Author ID: 57194874777

Семенцов Владимир Александрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-1127-5603

Author ID: 57194869679

18. Tat'yanina L.G., Starodumov S.V. [Separate issues of familiarization with the materials of the criminal case at the end of the preliminary investigation]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of the Udmurt University*. 2021;31(6):1107–1112. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-6-1107-1112. (In Russ.)]

19. Yur'ev S.S., Korotkova P.E. [Institutional aspects of ensuring the right to get acquainted with the materials of the criminal case]. *Evrasiiskaya advokatura = Eurasian Advocacy*. 2021;(3(52)):41–46. DOI: 10.52068/2304-9839_2021_52_3_41. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Gladysheva*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Head of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0001-5413-5208

Author ID: 57194874777

Vladimir A. Sementsov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-1127-5603

Author ID: 57194869679

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-78-87>



СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Коняхин В.П.*, Петровский А.В., Прохорова М.Л.
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Коняхин В.П., Петровский А.В., Прохорова М.Л. Социология международного уголовного права: история и современность. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(2):78–87. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-78-87>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Коняхин Владимир Павлович*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: kup_kubgu@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 15.05.2023

Статья принята к печати: 15.06.2023

Дата публикации: 26.06.2023

Аннотация: В современных реалиях использование социологического подхода для изучения норм и институтов международного уголовного права, представляется весьма актуальным и перспективным. *Целью* настоящей статьи является обоснование положения о том, что такой подход позволяет выявить позитивные и негативные последствия действия названных норм и институтов для мирового сообщества, а также оценить их легитимность, качественные характеристики, эффективность. Достижению указанной цели способствует решение *задач*, которые в своей совокупности обеспечили синтез международного уголовного права и социологии, создавший позитивные знания о социальных фактах либо закономерностях, обусловленных действиями уголовно-правовых норм по обеспечению глобальной безопасности и международного правопорядка в целом. Исследование верифицированных и проверенных временем доктринальных положений социологии и международного уголовного права осуществлялось на базе основных законов и категорий диалектики. Применение философских, общенаучных и специально-научных *методов* позволило авторам получить новое знание об объекте, предмете, задачах и функциях социологии международного уголовного права, а научному сообществу – необходимый оценочно-аналитический материал для принятия продуктивных геополитических решений.

По результатам проведенного исследования формулируется вывод о том, что данная подотрасль научного знания, с одной стороны должна выполнять общетеоретическую роль, олицетворяя доктринальный статус социологии международного уголовного права, а, с другой – посредством эмпирических методик определять социальную обусловленность и эффективность уголовно-правового запрета в сфере защиты прав, свобод и интересов мирового сообщества на общепланетарном и региональном уровнях.

Ключевые слова: социология, международное уголовное право, предмет, задачи, функции, международное преступление, криминализация, декриминализация.

SOCIOLOGY OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW: HISTORY AND MODERNITY

Vladimir P. Konyakhin*, Anton V. Petrovsky, Marina L. Prokhorova
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Konyakhin V.P., Petrovsky A.V., Prokhorova M.L. Sociology of international criminal law: history and modernity. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(2):78–87. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-78-87>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir P. Konyakhin*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: kup_kubgu@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 15.05.2023

The article has been accepted for publication: 15.06.2023

Date of publication: 26.06.2023

Annotation: In modern realities, the use of a sociological approach to study the norms and institutions of international criminal law seems to be very relevant and promising. The purpose of this article is to substantiate the proposition that such an approach makes it possible to identify the positive and negative consequences of the actions of these norms and institutions for the world community, as well as to assess their legitimacy, qualitative characteristics, and effectiveness. The achievement of this goal is facilitated by the solution of tasks that, in their totality, ensured the synthesis of international criminal law and sociology, which created positive knowledge about social facts or patterns due to the actions of criminal law to ensure global security and international law and order in general. The study of verified and time-tested doctrinal provisions of sociology and international criminal law was carried out on the basis of the basic laws and categories of dialectics. The use of philosophical, general scientific and special scientific methods allowed the authors to gain new knowledge about the object, subject, tasks and functions of the sociology of international criminal law, and the scientific community - the necessary evaluation and analytical material for making productive geopolitical decisions.

Based on the results of the study, the conclusion is formulated that this sub-branch of scientific knowledge, on the one hand, should play a general theoretical role, embodying the doctrinal status of the sociology of international criminal law, and, on the other hand, by means of empirical methods to determine the social conditionality and effectiveness of the criminal law prohibition in the field of protection of the rights, freedoms and interests of the world community at the planetary and regional levels.

Keywords: sociology, international criminal law, criminal law, subject, tasks, functions, international crime, criminalization, decriminalization.

Введение

История социологии международного уголовного права своими генетическими корнями уходит в глубокое прошлое. Впервые признаки социологического анализа обусловленности политики государства демографическими, географическими и общекультурными факторами можно найти в сочинениях Платона, Аристотеля, а также греческих и римских стоиков¹. Теория-идея естественного

¹ Аристотель (384–322 до н.э.). Политика / Аристотель; (пер. с древнегреческого С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова). Москва: АСТ: Астрель; 2012; Платон (427–347 до н.э.) Сочинения: в 4 т. / Платон; под общ.

права, сформулированная Цицероном в работе «О государстве», определяла его как правду и справедливость (*justitia*), искусство добра и равенства (*bonitas et aequalitas*), ставя превыше государственных законов [11, с. 7–81].

Древние греки и воспитанные на эллинических идеях римляне рассматривали государство как всемогущий институт, не признающий любого проявления индивидуализма. Учитывая, что в античности состояние потенциальной войны было естественным для отношений одного государства с другим, то и мир между ними существовал только потому, что был обусловлен межгосударственным договором, результатом которого являлись мир, дружба либо союз. Доктрина торжества силы и господствующего этноса (класса) над человеческим миропорядком обосновывала создание империй, где образующий этнос был главным по отношению к другим (Империи Дария, Греко-македонская империя, Римская империя) и имел право определять допустимое и запрещенное. Доминировала идея, что правопорядок и социальный мир могут существовать исключительно на базе единого государства, соответственно, вселенский мир возможен лишь в условиях мировой империи (в частности, Римская империя). Только империи (системы государств или союзы, обладающие силой) способны взаимно уравнивать друг друга, и только между ними допустим арбитраж, осуществляемый третьей, не менее могущественной стороной. Разрешение межгосударственных конфликтов и вопросов ответственности индивидов за преступления против интересов других стран основывалось на неписаных религиозно-этнических правилах поведения и писаных договорах. Религиозная универсализация (смешивание религий и верований) античного мира обосновывала наказание за преступления и социально-вредные действия, совершаемые на территории всеми почитаемых святилищ (запрет убийства у алтаря или в храме), за посягательства на послов и на имущественные права добропорядочных иностранцев, приносящих экономическую пользу, на правила обмена и выкупа военнопленных.

Пришедшее на смену античности средневековье разрушило всю систему межгосударственных соглашений, регламентирующих политическую защиту от войн и от повсеместного совершения преступлений, так как суверенитет государств стал фикцией, земля империи была разделена на наследственные феодалы, а общественные функции, позиции, интересы господ и жителей территорий были ощутимо локализованы. Социальным институтом, объединяющим народы средневекового мира, была религия, поэтому нарушение религиозных догматов и предписаний, совершение греховных или запрещенных религией поступков (*харам*) рассматривалось как преступление независимо от национальной принадлежности, социальной иерархии или имущественного положения. Например, ислам запрещал (и запрещает), чтобы мусульманин был рабом у мусульманина, а христианство признавало преступным причинение вреда церковному имуществу, оскорбление веры, вольную трактовку церковных догматов и т.д.

Войны между государствами обосновывались в том числе идеями средневековых теологов: а) земная власть установлена Богом для пользы народов по причине их греховности и испорченности, соответственно, разделение людей на господ и подчиненных есть премудрость Божия [9]; б) свержение верховной власти любого государства есть дело благочестивое при условии, что верховный правитель не соблюдает постулаты божественного и естественного права, которое всегда превалирует над юридическими нормами [7, с. 217–244].

Исходя из представленных тезисов, уничтожение ереси, искоренение поступков, признаваемых религиозно-светскими нормами греховными, было законным основанием для войн (испанская реконкиста), уничтожения отдельных социальных или этнических групп (альбигойские войны, завоевание прибалтийских земель немцами). Ведение войн, истребление грешников и лишение нечестивых людей имущества – это обязанность царской власти, потому что она отображение божественной и призвана содействовать спасению человечества.

В XVI–XVIII вв. в Западной Европе происходит становление национальных государств, победивших церковь, и сумевших сконцентрировать власть в пределах своих территорий. Ученые, отойдя от теологии, заменяющей знание верой или умозрительными заключениями, в эпоху Возрождения обратились к методам точных наук (наблюдению и описанию). Феодальный правопорядок рассматривался как рукотворная и искусственная модель, противоречащая божественному праву и природе людей. Объяснением этому был элементарный рационализм, так как международная законотворческая деятельность в XV–XVII вв. базировалась на соглашениях и

договорах государств, эффективность которых проверялась исключительно опытом их межгосударственного общения. Сила оставалась единственным инструментом разрешения споров и конфликтов между странами, потому что «все вооруженные пророки побеждали и все безоружные гибли». Территориальная обособленность также считалось понятием относительным, ибо четкими границами государства не обладали, но имели сферы влияния, т.е. распространяли свою власть и контроль на территории конкретных стран (Нидерланды и Северная Италия являлись частью королевства Испании и т.д.), что считалось законным¹. Источниками международного права были римское и естественное право, поэтому следствием юридического позитивизма стала доктрина «согласия и власти», применяемая в тот период как в международном, так и в национальном праве: войны не запрещены правом ни божественным, ни естественным, ни международным [2, с. 220–221]. Указанная доктрина как признавала состояние мирного сосуществования, так и допускала захват чужих территорий, совершение особо тяжких преступлений (аннексию территорий, колониализм, рабский и детский труд, принудительную торговлю) на основании того, что нарушения, являющиеся причиной судебных исков, одновременно считались справедливыми причинами для объявления войны².

На систему норм международного права XVII–XIX вв. серьезное влияние оказывали устойчивые правовые режимы в «нечувствительных» к переменам государствах того периода. Само международное право существовало в двух ипостасях – право сосуществования и право хищнического истребления. В условиях мирного времени государства находили общие точки соприкосновения в сфере экономики, мореплавания, пересечения границ гражданами и товарами. В то же время применение военной силы, аннексия территорий, хищническое истребление, неравноправные договоры не находились под запретом. Классическая социологическая школа концентрировалась на ценностных императивах, нашедших отражение в истории и культуре каждого государства³. Марксистское понимание строилось на постулате о том, что в основе развития человечества лежат материальный интерес, способ производства, где экономика – системообразующий, интегрирующий фактор, подчиняющий себе международные отношения, интересы мирового сообщества по защите и охране капиталистического образа жизни [6, с. 82–140].

Буржуазия, максимально заинтересованная в детальной регламентации социальных процессов, активизировала развитие юридической техники для создания кодифицированных нормативных правовых актов. И если в эпоху ранней буржуазной демократии XVII–XVIII вв. государство выполняло роль «ночного стражника», не вмешиваясь в экономику и международные торговые отношения, то в период господства монополий оно было вынуждено брать на себя функции защитника социальных гарантий и прав своих граждан, ограничивая транснациональные монополии, охраняя интересы собственного бизнеса от внешнего давления. Международное сообщество интерпретировало поведение граждан и должностных лиц, отталкиваясь от миссионерских функций и цивилизационного многообразия причинности социальных явлений, объясняя этим необходимость уничтожения бургундских республик либо африканцев в Конго. Классические институты ранней буржуазной демократии – парламент, референдумы, многопартийная система вынуждены были подстраиваться под реальность империализма, ориентированного на захват рынков других стран военными и хищническо-экономическими методами⁴. В итоге эти институты демократии оказались неэффективными, что привело к власти в 20–30-е годы XX века авторитарные и тоталитарные режимы.

Мировые войны начала и середины XX в. создали реальную угрозу разрушения цивилизации, уничтожения целых народов и государств. Произошедшие события послужили толчком к появлению

¹ Боден Жан (1530–1596). Метод легкого чтения историй: в трех томах / Жан Боден; перевод с латинского языка, научные статьи и комментарии И.В. Кривушина и Е.С. Кривушиной; Высшая школа экономики национальный исследовательский университет. Москва: Издат. дом Высшей школы экономики; 2018. С. 118–132.

² Гроций Гуго. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Гуго Гроций; Пер. с латин. А.Л. Саккетти; Москва: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994. С. 171, 178, 196.

³ Карбонье Жан. Юридическая социология / Ж. Карбонье; Пер. и вступ. ст. В.А. Туманова. Благовещенск: Благовещ. гуманитар. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ; 1998.

⁴ Дюркгейм Эмиль (1858–1917). О разделении общественного труда / Эмиль Дюркгейм; перевод с французского А.Б. Гофмана. Москва: Канон; 1996. С. 238–360.

научных идей о том, что международное сообщество должно отказаться от произвольных соглашений и ограничить «всемогущество» власти либо волеизъявление отдельных стран или государственных союзов. Социологическая мысль обосновала вывод о необходимости разрешения конфликтов и криминальных проблем человеческой цивилизации на основе объективных правовых норм, имеющих силу закона, безотносительно к волеизъявлению того или иного суверенного государства [12, с. 235–240]. Высшими ценностями стали жизнь, здоровье человека, его свобода от природных и социальных ограничений. Промышленные революции явились стимулом индустриализации, развития технологий и науки. Эти социальные процессы способствовали криминализации апартеида, расовой и иной ненависти, геноцида, экоцида, а также обусловили уголовно-правовую защиту авторских прав, легального оборота денежных средств и т.д. В рамках социологической доктрины конца XX в. идея доминирования сильного государства, навязывающего свою волю, стала восприниматься с предубеждением, права и свободы человека превратились в главные объекты, требующие уголовно-правовой охраны. Получила распространение мысль о том, что справедливая охрана человеческих прав и свобод возможна только при реализации принципа верховенства международно-правовых норм на национальных и межгосударственных уровнях, обязательной их имплементации в локальное законодательство [10, с. 44–80].

Методы исследования

Методологической основой настоящей работы выступили положения и принципы диалектического метода познания: историзм, обоснованность, системность, всеобщая связь явлений. Использовались также многократно доказавшие свою эффективность общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, классификация) и частно-научные методы исследования (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и конкретно-социологический).

При этом базовым стал анализ документов, связанный с изучением их источников для систематизации, дифференциации и дальнейшей интерпретации полученной информации в целях решения поставленных исследовательских задач. Оперирование всем комплексом перечисленных методов и средств позволило отразить взаимосвязь теории и практики, формы и содержания объекта настоящего исследования.

Результаты исследования

Основу социологии международного уголовного права составляют социология права, а также общая теория права. Познанию обусловленности и эффективности норм международного уголовного права способствуют теории социологии права, созданные известными представителями российской традиции: Г.Д. Гурвичем, Н.М. Коркуновым, С.А. Муромцевым, Л.И. Петражицким, Н.С. Тимашевым, П.А. Сорокиным. Основные их идеи сводятся к следующим утверждениям: а) социальная действительность и право тесно связаны и нуждается в коллективном признании, правопорядок зависит от конфликта субъективных и объективных ценностей, а справедливость меняется вместе с социальной реальностью¹; б) человеческому сообществу присуща социальная инженерия, развивающаяся от интуитивного (бессознательного) к выработке юридических норм, в рамках которой законодательство выступает индикатором коллективной солидарности [3, с. 40–57]; в) государства обладают юридической и политической суверенностью, отражающей их локальную сущность, а сами правовые нормы содействуют достижению правопорядка только тогда, когда они признаются населением и элитами [8, с. 109–111]; г) право зависит от социальной динамики и циклически изменяется вместе с культурными системами общества, где каждое преобразование отражает свойственные ему философию, религиозные установки, искусство, научные взгляды, этические нормы [4, с. 332–380].

Исследуя проблемы соотношения общества, права, норм и ценностей, используя такие понятия, как «социальное понуждение», «социальный контроль», «социальный порядок», социология изучает обусловленность интернациональных правовых институтов и социальную эффективность действия норм, определяющих преступление и наказание. Таким образом, природа международного уголовного права может быть рассмотрена не только исходя из толкования и изучения закона, но и с опорой на исследование общественных потребностей, инициирующих криминализацию того или иного деяния, вопросов общественной обусловленности пенализации (депенализации). Социологические исследования способны раскрыть позитивные и негативные последствия результатов реализации уголовной ответственности для мирового сообщества, показать

¹ Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избр. соч. / Г.Д. Гурвич; пер. с фр. М.В. Антонова; пер. с англ. М.В. Ворониной. СПб.: Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та; 2004. С. 55–81.

легитимность, эффективность и качество нормативных конструкций международного уголовного права как наднационального социального феномена.

Уголовно-правовая наука довольно успешно использует социологический подход в сфере изучения социальной обусловленности уголовно-правовых норм и эффективности действия, а также, отчасти, факторов преступности и преступного поведения (М.Н. Гернет, С.К. Гогель, М.Н. Духовский, Н.Д. Сергиевский, И.Я. Фойницкий, Е.Н. Тарновский, А.А. Герцензон, Б.В. Здравомыслов, Г.А. Кригер, Л.И. Спиридонов). Основная цель этих исследований заключается в прогнозировании изменений норм уголовного права и формулировании рекомендаций по их совершенствованию на основе изучения реального действия таковых [1, с. 36–58].

Аккумулируя изложенное, можно заключить, что под *социологией уголовного права* понимается область научных исследований в уголовном праве, в рамках которой посредством использования конкретно-социологических методов изучаются социальные истоки, содержание и последствия действия уголовного закона. Такой подход поддерживается большинством ученых-юристов, отмечающих, что наука уголовного права, разрабатывая теоретические проблемы, должна одновременно изучать закономерности формирования системы уголовно-правовых норм, пути их оптимизации и повышения эффективности наказания, сочетая правовой метод с социологическим, при помощи частной социологической теории – социологии уголовного права. Идея синтезировать юридические и социологические подходы при изучении уголовного права была реализована Л.И. Спиридоновым, который с позиции философии, социологии, теории права и государства проанализировал основные уголовно-правовые институты и категории [5, с. 7–24].

В свете изложенного вполне уместно провести аналогию, предположив, что локальное (национальное) уголовное право взаимосвязано с интернациональным, а социологические методы будут содействовать установлению обоснованности и эффективности норм международного уголовного права, выявят их взаимосвязь с регулируемыми ими общественными отношениями, а также со смежными социальными явлениями глобального (общемирового) масштаба. Иначе говоря, социологический подход позволяет изучать уголовно-правовую норму во взаимосвязи с межнациональной социальной реальностью, влияющей на запрет (криминализацию, декриминализацию, пенализацию, депенализацию) и определяющей алгоритм применения такой нормы на практике. Обусловленность международной уголовно-правовой нормы и значимость ответственности должны устанавливаться эмпирическим путем – посредством изучения объективной необходимости охраны общественных отношений, вытекающих из потребностей интернационального сообщества.

В настоящее время существует два основных подхода к определению понятия сущности и предмета социологии международного уголовного права. Первый позиционирует данную науку как часть правоведения, изучающую социальные условия возникновения (генезис), развития и действия права в обществе. Представители второго научного направления полагают, что их задача заключается в изучении основ правопорядка, причин и условий социальных изменений, происходящих под воздействием права, в целях дальнейшего совершенствования правового регулирования общественных отношений. Исходя из гипотезы, что категория «международное преступление» может обладать множеством значений, второй подход более перспективен для международного уголовного права. Он позволяет исследовать обычаи, мораль, групповые ценности и ориентации, общественное мнение, социальную обусловленность и продуктивность действия как законодательства в целом, так и его отдельных норм.

Научная дискуссия

Таким образом, *социология международного уголовного права – это раздел (подотрасль) уголовно-правовой науки интегративного содержания, посвященный изучению социальной обусловленности и закономерностям формирования норм и институтов международного уголовного права, их функционирования и эффективности в процессе противодействия общемировой преступности, обеспечения общепланетарной безопасности и правопорядка в контексте существования государств с различной ценностной ориентацией и принадлежностью к различным общественно-политическими системами.*

В рамках социологии международного уголовного права можно выделить два концептуальных направления:

1) *макросоциологию*, призванную выполнять доктринальную роль, формулируя гипотезы и проводя общетеоретические исследования закономерностей функционирования институтов международного уголовного права;

2) *микросоциологию*, олицетворяющую прикладное направление и представляющее собой систему эмпирических процедур и методик, определяющих социальную обусловленность и необходимость уголовно-правового запрета, его эффективность при осуществлении защиты интересов всего мирового сообщества.

Объектом социологии международного уголовного права выступает социально-правовая реальность, складывающаяся в контексте антикриминальной охраны интересов всего мирового сообщества и образующих его государств, удержания их должностных лиц и служащих, а также рядовых граждан в рамках цивилизованного и правопослушного, одобряемого международным сообществом поведения.

Предмет социологии международного уголовного права образуют:

- 1) нормы, социальные структуры, ценности, установки и институты, существующие в человеческой цивилизации и обуславливающие их охрану уголовно-правовыми средствами;
- 2) содержание безопасной социальной жизни мирового сообщества;
- 3) индикаторы оптимального функционирования уголовно-правовых норм в международном социальном пространстве;
- 4) генезис мировой системы безопасности и правопорядка.

Цель социологии международного уголовного права состоит в познании объективной действительности существования мирового сообщества, механизмов его саморегуляции, правовой реальности, взаимосвязи юридических норм и фактических отношений для эффективного разрешения международных и локальных конфликтов, а также защиты интересов всего интернационального сообщества в целом.

Методы, применяемые социологией международного уголовного права, представляют собой комплекс приемов и способов, обладающих познавательными свойствами и отражающие аналитические способности их пользователей. Они могут быть как аналогичными методам общей социологии, так и специфическими. Международное уголовное право тяготеет к методологической определенности и выдержанности тех традиционных позиций, которые на протяжении длительного времени обуславливали вектор исследовательского поиска в том или ином направлении.

Социология международного уголовного права, анализируя криминальные явления и реакцию на них интернациональных общественных структур, помогает выявлять процессы, нуждающиеся в нормализации или защите (охране) посредством юридических норм. Кроме того, она призвана предвосхитить возможную реакцию международного сообщества и отдельных его локальных групп на те или иные уголовно-правовые запреты.

Исходя из этого, *задачами социологии международного уголовного права* как раздела (подотрасли) уголовно-правовой науки являются:

а) изучение общественных отношений, выступающих детерминантами соглашений (договоров), влияющих на доминирующий международный правопорядок, сложившиеся межнациональные правила общежития и оценки тех или иных их нарушений (девиаций) как опасных для мирового сообщества в целом либо отдельных его структур;

б) познание социально-экономических, политических и культурных обстоятельств существования локальных или мировых цивилизаций, генерирующих причины и условия криминализации (декриминализации), пенализации (депенализации) деяний в контексте доминирующей на том или ином этапе развития человечества теории справедливости;

в) осуществление экспертной оценки международного уголовного законодательства как специфической социальной системы, выступающей в качестве единого интегративного целого и обладающей характерными типовыми признаками, не позволяющими ее отождествлять ни с какими-либо другими социально-правовыми аналогами;

г) проведение анализа процесса функционирования международного уголовного права в целом и его норм, в частности, как специфической системы, обладающей эксклюзивными признаками;

д) исследование социальной обусловленности соблюдения требований уголовно-правовых норм гражданами государств, состоящих в ООН и иных международных организациях, включенных в жизнь мировой цивилизации;

е) осмысление процессов воздействия цивилизационной мегасистемы на международное уголовное право и обратного влияния последнего на человеческую цивилизацию;

ж) подведение результатов функционирования международных уголовно-правовых норм, отражающих их эффективность с учетом исторических периодов, уровней цивилизационного,

социально-экономического и политического развития, форм государственного устройства, а также реального либо формального уровня суверенитета участников мирового сообщества.

Функции социологии международного уголовного права отражают его предназначение с точки зрения потребностей мирового сообщества, а также основные направления воздействия институтов принуждения на общественные отношения с целью их упорядочивания. Все функции социологии международного уголовного права тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Их осуществление способно дать позитивный результат, если они будут реализовываться в определенном сочетании (комплексе).

На современном этапе социология международного уголовного права выполняет 8 основных функций.

1. *Социографическая*, состоящая в синтезе этнографических, культурологических и социологических методов познания мировой правовой реальности, условий жизни социальных и политических классов, национальных и профессиональных групп для более информативного описания возникновения и развития норм и институтов международного уголовного права с учетом их возможных признаков, и связей. Данная функция служит основой для определения роли отдельных государств, международных сообществ, наций и народов, борющихся за независимость в разработке концепции уголовной ответственности за международные преступления, конкретизации и трансформации признаков их криминальности и наказуемости. Выявленные в ходе реализации указанной функции мировоззренческие, идеологические и религиозно-культурные ценности социальных групп, государств и государственных образований могут служить логическим обоснованием доктрины, которая отчасти признается источником международного уголовного права.

2. *Оценочно-диагностическая*, дающая возможность с максимальной полнотой проводить анализ выявленных свойств международных или локальных социально-правовых явлений, событий и фактов с точки зрения значимости в формировании наднационального уголовного законодательства, а также в выстраивании аксиологических объяснительных моделей эффективности применения его норм.

3. *Прогностическая*, позволяющая устанавливать корреляции социальных явлений и динамики международного уголовного законодательства, предвидеть изменение его норм в будущем (криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация), выявлять здесь отрицательные и положительные тенденции, закономерности и отыскивать эффективные способы стабилизации или оптимизации этих тенденций и закономерностей.

4. *Научно-практическая*, заключающаяся в оценке фактических прецедентов (решений судебных органов) или правоприменительного опыта в целом посредством качественного и количественного анализа масштабов и параметров реализации норм международного уголовного права, их генезиса в условиях проявления различных экономических, политических и юридических факторов.

5. *Экспертная*, предполагающая изучение и анализ мнения профессиональных ученых и практиков относительно результативности норм международного уголовного права. Предназначение указанной функции заключается в фильтрации избыточных предложений и рекомендаций по корректировке актов международного уголовного права, особенно в части легального описания предусмотренных в них деяний (с точки зрения их криминализации или возможной декриминализации). Получаемые экспертные оценки можно использовать для повышения эффективности уголовно-правовой и криминологической политики, в том числе, для разрешения межгосударственных, религиозных и этнических конфликтов.

6. *Онтологическая*, предполагающая формирование перспективных задач для дальнейшего развития социологии международного уголовного права, наполнение и систематизацию последней соответствующей информацией в целях получения новых знаний о международной уголовно-правовой действительности.

7. *Эвристическая*, знаменующая собой исследование различных криминальных явлений, эффективности реализации уголовной ответственности и наказания за международные преступления с целью установления и внедрения новых методов противодействия им.

8. *Политическая*, означающая что реальное «бытие» разнообразных норм и институтов международного уголовного права способствует выбору государствами (союзами государств) наиболее рациональных направлений противодействия криминальным угрозам как на своей, так и на других территориях, что, в конечном счете, может привести к изменению политического курса той

или иной страны.

Проведенное исследование, будучи одним из первых в отечественной социологии международного уголовного права, разумеется, не претендует на всесторонний и всеобъемлющий характер. Однако, как представляется, оно может служить ориентиром для продолжения в дальнейшем научных изысканий по всему спектру обозначенных проблем.

Список использованной литературы:

1. Герцензон А.А. Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. М.: Юрид. лит.; 1970.
2. Монтескье Ш.Л. Персидские письма. М.: Гослитиздат; 1956.
3. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Изд-во «Лань»; 2000.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
5. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М.: Юр. лит-ра; 1986.
6. Спенсер Г. Личность и государство: опыты о государстве, обществе и свободе. М.: Челябинск; 2020.
7. Срединская Н.Б. Трактат Фомы Аквинского «О правлении государей». *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.): Сб. ст.* / Под ред. В.И. Рутенбурга, И.П. Медведева. Ленинград, 1990.
8. Тимашев Н.С. Что такое социология права? *Социологические исследования*. 2004;(4(240)):107–112.
9. Тимошина Е.В. Учение о царской власти в византийской церковной историографии IV–VI вв.: в сравнении с учением святоотеческой литературы IV в. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1994;(5–6):141–148.
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2010.
11. Цицерон М.Т. Диалоги о государстве – о законах. М., 1994.
12. Kolb R. Politis and sociological jurisprudence of inter-war international law. *European journal of international law*. 2012;(23(1)):233–241.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коняхин Владимир Павлович*

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
AuthorID: 350294

Петровский Антон Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-0326-0807

References:

1. Gertsenzon A.A. [Criminal law and sociology. Problems of sociology of criminal law and criminal policy]. Moscow: Jurid. lit.; 1970. (In Russ.)]
2. Montesquieu Sh.L. [Persian Letters]. Moscow: Goslitizdat; 1956. (In Russ.)]
3. Petrazhitzkii L.I. [The theory of law and the State in connection with the theory of morality]. St. Petersburg: Publishing house "Lan"; 2000. (In Russ.)]
4. Sorokin P.A. [Human. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat, 1992. (In Russ.)]
5. Spiridonov L.I. [Sociology of criminal law]. Moscow: Legal lit-ra; 1986. (In Russ.)]
6. Spenser G. [Personality and the State: experiments on the state, society and freedom]. Moscow: Chelyabinsk; 2020. (In Russ.)]
7. Sredinskaya N.B. [The treatise of Thomas Aquinas "On the rule of sovereigns"]. *Politicheskie struktury ehpokhi feodalizma v Zapadnoi Evrope (VI–XVII vv.): Sb. st. = Politicheskie struktury ehpokhi feodalizma v Zapadnoi Evrope (VI–XVII vv.): Sat. art.* / Edited by V.I. Rutenburg, I.P. Medvedev. Leningrad, 1990. (In Russ.)]
8. Timashev N.S. [What is the sociology of law?] *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2004;(4(240)):107–112. (In Russ.)]
9. Timoshina E.V. [The doctrine of Tsarist power in the Byzantine Church Historiography of the IV–VI centuries: in comparison with the teaching of Patristic literature of the IV century]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of higher educational institutions. Jurisprudence*. 1994;(5–6):141–148. (In Russ.)]
10. Fukuyama F. [The end of the story and the last man]. M., 2010. (In Russ.)]
11. Tsitseron M.T. [Dialogues about the state – about the laws]. M., 1994. (In Russ.)]
12. Kolb R. Politis and sociological jurisprudence of inter-war international law. *European journal of international law*. 2012;(23(1)):233–241.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir P. Konyakhin*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

AuthorID: 350294

Anton V. Petrovskiy

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-0326-0807

Прохорова Марина Леонидовна

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет»

ORCID: 0000-0003-1011-2316

AuthorID: 415969

Marina L. Prokhorova

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO
"Kuban State University"

ORCID: 0000-0003-1011-2316

AuthorID: 415969

Оригинальная статья / Original article



<https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-88-93>

О ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНЫХ ДОКУМЕНТОВ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Костенко Р.В.*, Яновский А.С.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Костенко Р.В., Яновский А.С. О проблеме определения иных документов как доказательств в российском уголовном процессе. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(2):88–93. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-88-93>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Костенко Роман Валерьевич*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: rom-kostenko@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 24.04.2023

Статья принята к печати: 29.05.2023

Дата публикации: 26.06.2023

Аннотация: Целью настоящей статьи выступает определение роли и места иных документов в системе доказательств в российском уголовном процессе. Для решения поставленных задач авторами приводятся различные точки зрения представителей науки по данному вопросу.

В результате проведенного исследования авторами сформулированы собственные выводы, а также некоторые проблемные аспекты теоретического и правоприменительного характера. Предложена новая конструкция статьи 84 УПК РФ, позволяющая гармонизировать понятие иные документы и определить более четкие критерии допуска такого рода доказательств в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: иные документы, собирание доказательств, уголовный процесс, источник сохранения информации.

ON THE PROBLEM OF IDENTIFYING OTHER DOCUMENTS AS EVIDENCE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Roman V. Kostenko*, Anton S. Yanovsky

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Kostenko R.V., Yanovsky A.S. On the problem of identifying other documents as evidence in Russian criminal proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(2):88–93. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-2-88-93>

CONTACT INFORMATION:

Roman V. Kostenko*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: rom-kostenko@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 24.04.2023

The article has been accepted for publication: 29.05.2023

Date of publication: 26.06.2023

Annotation: The purpose of this article is to determine the role and place of other documents in the system of evidence in the Russian criminal process. To solve the tasks set, the authors present various points of view of representatives of science on this issue.

As a result of the conducted research, the authors formulated their own conclusions, as well as some problematic aspects of a theoretical and law enforcement nature. A new construction of Article 84 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is proposed, which allows to harmonize the concept of other documents and define clearer criteria for the admission of such evidence in the Russian criminal process.

Keywords: other documents, collection of evidence, criminal proceedings, a source of information preservation.

Введение

Одной из наиболее дискуссионных проблем в российском уголовном процессе является вопрос определения места иных документов в системе доказательств. Научные воззрения на этот счет отличаются своим разнообразием. Особую актуальность этой теме придают результаты четвертой промышленной революции, в результате которой, в том числе в уголовно-процессуальном доказывании происходит широкое внедрение цифровых технологий.

Рассматривая данный вопрос с этимологической точки зрения необходимо указать, что термин «иные документы» образован из двух составляющих: «иные» и «документы». Тем самым законодатель определяет независимый вид доказательств, объединяя эти две категории («иные» и «документы») в уникальное сочетание. При этом акцентируется внимание на самостоятельности и особенностях этой разновидности доказательств в уголовном процессе.

Термин «документ» происходит от латинского слова «documentum» (образец, свидетельство, доказательство) и в глобальном контексте означает информацию, зафиксированную на материальном носителе в форме текста, звукозаписи или изображения с реквизитами, обеспечивающими ее идентификацию. В широком смысле как книга, так и скульптура могут рассматриваться в качестве документов.

Если подходить к определению категории «документ» в узком смысле, то таковой следует определять, как информационный носитель в письменной форме, подтверждающий наличие фактов определенного значения¹.

В информационных системах с целью обеспечения информационного поиска документ, с одной стороны, описывается как материальный объект – совокупностью значений его свойств (атрибутов, реквизитов), то есть метаданными; с другой стороны, описывается содержание информации, закрепленной на данном объекте – обычно с использованием индексов.

В статье 1 Федерального закона «Об обязательном экземпляре документов»² дано определение документа, как «материального носителя, на котором зафиксирована информация в любой форме, будь то текст, звукозапись, изображение или их комбинация, обладающий реквизитами, позволяющими его идентифицировать, и предназначенный для передачи во времени и пространстве с целью общественного использования и хранения». Такое определение предлагает воспринимать документ, как материальный носитель информации, применимый в различных областях, включая уголовное судопроизводство.

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах. Москва: Астрель: АСТ; 2007. С. 523.

² Об обязательном экземпляре документов: Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ (ред. от 01.05.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Методы исследования

Поставленные в настоящей статье задачи предполагают использование логико-методологического арсенала, в основе которого лежат общеправовые эвристические методы, методы сравнительного анализа, а также системный метод.

Результаты исследования

Результаты исследования состоят в следующем:

1. Согласно методологическим правилам научного исследования термин «иные документы» является видовым понятием и подчиняется родовому – «документ».

2. С точки зрения уголовно-процессуального доказывания, иной документ является специально разработанным материальным объектом для сохранения информации, содержащим зафиксированные с помощью текста, звука, изображения и прочих средств сведения.

3. Иными документами могут быть признаны любые ресурсы, содержащие информацию, представленную в текстово-символической форме или (и) оформленную как фото-, кино-, видео- или аудиозаписи, либо другие форматы записи, а также использующие разнообразные технологические инструменты.

4. Многообразие форм и методов представления информации, предоставляет такому виду доказательств, как иные документы широкий спектр применения.

5. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства в названном направлении.

Научная дискуссия

Интересно проанализировать, какие точки зрения были высказаны по данному вопросу представителями науки с момента принятия в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Значительно широко распространено мнение о необходимости определять роль иных документов в контексте «свободного усмотрения». Центральным аргументом авторов, придерживающихся данной позиции, является указание на то, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не устанавливает какой-либо процедуры их составления и не предъявляет каких-либо четких требований к данному виду доказательств. Выводов дознания, следствия, прокуроров и суда о том, что они могут позволить установить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела вполне достаточно для отнесения таких документов к числу доказательств¹. Подобный подход, по сути, основывается на ранее высказанной концепции В.А. Камышина о том, что иные документы представляют собой «свободное» доказательство в уголовном процессе².

О.В. Левченко предлагает рассмотреть возможность введения в уголовно-процессуальное законодательство дополнительного вида доказательств, наряду с существующей системой, которые можно назвать «свободными доказательствами». Под данной категорией доказательств предполагается включение в дело информации, собранной участниками уголовного процесса. Эти доказательства могут быть представлены по усмотрению указанных лиц суду, прокурору, следователю или дознавателю³.

Согласно мнению С.Б. Умаханова, под «иными документами» следует понимать материальные носители информации, удостоверенные или представленные предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами или гражданами и на основе которых возможно установление обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках уголовного процесса, а также иные обстоятельства, имеющие значимость для расследования уголовного дела. Эта позиция акцентирует внимание на роли документов как инструмента доказывания в уголовном судопроизводстве [6].

А.Г. Маркелов, проведя анализ иных документов, считает целесообразным выделить их в отдельный институт доказательственного права. Однако, автор предлагает нормативное определение документа-доказательства без использования прилагательного «иные», формулируя следующее определение: «Документы – это материальные носители информации, содержащие сведения,

¹ Агibalова В.О. Процессуальные и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 36.

² Камышин В.А. Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998. С. 15.

³ Левченко О.В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование: дис. ... докт. юрид. наук. Астрахань, 2004. С. 16.

удостоверенные предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами, которые имеют значение для установления обстоятельств статьи 73 УПК РФ». Тем не менее, А.Г. Маркелов указывает на то, что использование слова «иные» при определении документов обосновано необходимостью отграничения их от сведений, полученных в ходе проведения следственных или судебных действий¹.

Н.П. Царева также заявляет, что иные документы могут быть как процессуальными, так и непроцессуальными в том смысле, что содержащиеся на материальных объектах сведения допустимо получать и вне рамок уголовного судопроизводства².

К.В. Диденко выделяет различие между статьями 83 и 84 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, указывая на то, что нормы ст. 84 УПК РФ относятся исключительно к иным непроцессуальным документам. В то же время, ст. 83 УПК РФ касается протоколов следственных действий и протоколов судебных заседаний, то есть процессуальных документов, которые также являются доказательствами. Таким образом, автор акцентирует внимание на разделении двух типов документов в контексте их использования в уголовном процессе³.

В.С. Шишкин классифицирует иные документы как особый вид документов-доказательств, формирующих независимую систему. Содержание данной системы включает следующие элементы:

- 1) документы, являющиеся вещественными доказательствами;
- 2) иные документы;
- 3) протоколы следственных и судебных действий, за исключением протоколов, фиксирующих показания участников уголовного судопроизводства;
- 4) заключения экспертов и специалистов;
- 5) судебные акты с преюдициальным значением.

Этим самым подчеркивается уникальность и самостоятельность иных документов⁴.

В.В. Долгаев, в своем исследовании, подчеркивает, что трактовка понятия «иных документов» должна соответствовать этимологии слова «иной», которое означает «другой, отличающийся от данного; некоторый, какой-нибудь, какой-то». Следовательно, под иными документами подразумеваются любые документы, за исключением тех, которые перечислены в ч. 2 ст. 74 УПК РФ⁵. В результате, В.В. Долгаев определяет иной документ как любой материальный носитель с зафиксированной на нем информацией в любой форме, предназначенной для передачи во времени и пространстве с целью использования в уголовном судопроизводстве⁶.

Г.А. Сопраньков называет иные документы доказательствами особого рода, которые не включены в число документов, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ [5, С. 35–36]

Д.Ф. Оджахвердиев и В.Д. Дармаева представляют свой научный аргумент следующим образом: термин «иные» документы отличается от документов, упомянутых в некоторых других пунктах части 2 статьи 74 УПК РФ (таких как заключения и протоколы).

Различные положения части 2 статьи 74 УПК РФ охватывают доказательства в виде документов в более обобщенном значении данного термина. Среди них важно проводить разграничение между заключениями и протоколами, с одной стороны, и «иными» документами, которые не являются ни протоколами, ни заключениями, с другой стороны. Таким образом, термин «иные» не должен интерпретироваться во всеобъемлющем контексте. Напротив, данный термин выполняет ограничивающую функцию. Иначе, перечень определенных видов доказательств существенно расширяется, поскольку практически любой документ может быть отнесен к «иным» [4, С. 144–148].

¹ Маркелов А.Г. Иные документы как доказательства в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. С. 10.

² Царева Н.П. Иные документы, допускаемые в качестве доказательств по УПК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 16.

³ Диденко К.В. Документы как доказательства по уголовным делам об экономических преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 17.

⁴ Шишкин В.С. Документы в доказывании при производстве по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9.

⁵ Долгаев В.В. Протоколы следственных действий и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. С. 87.

⁶ Долгаев В.В. Иные документы как источники доказательств по уголовному делу: учебно-практическое пособие. СПб., 2020.

В этой связи П.В. Козловский высказывает справедливые опасения, что широкое понимание иных документов влечет за собой размывание границ между указанным и другими видами доказательств. Он показывает, как на примере продолжающейся в теории полемики сторонников и противников использования результатов ОРД в доказывании, фактически они рассматриваются как иные документы. К ним же относятся результаты деятельности различных государственных органов, в том числе и правоохранительных, участников со стороны защиты и др. Иные документы стали дублировать все остальные виды доказательств. Доходит до того, что в данной форме может быть представлена вербальная информация, результаты исследований с применением специальных знаний и даже результаты непосредственного восприятия, представляющие собой аналог протокола следственного действия в уголовном судопроизводстве¹.

По нашему мнению, в уголовном судопроизводстве, которое протекает в форме особой познавательной деятельности, важным для определения сущности иного документа является понимание того, что он (иной документ) выступает, прежде всего, в качестве источника сохранения информации. Следует отметить, что под «иными документами» можно понимать любые ресурсы, содержащие информацию, представленную в текстово-символической форме или (и) оформленную как фото-, кино-, видео- или аудиозаписи, либо другие форматы записи, а также использующие разнообразные технологические инструменты. Это подчеркивает многообразие форм и методов представления информации, которые могут использоваться в качестве иных документов.

С точки зрения уголовно-процессуального доказывания, иной документ является специально разработанным материальным объектом для сохранения информации, содержащим зафиксированные с помощью текста, звука, изображения и прочих средств сведения. Эти данные могут использоваться в качестве доказательства фактов или обстоятельств, которые определяются в рамках уголовного судопроизводства. Такой научный подход к определению "иных документов" позволяет учитывать разнообразие их форм и методов представления информации в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве. [1; 2; 3; 7, С. 119–125].

Необходимость гармонизации содержания и формы – структурных компонентов иных документов обуславливает целесообразность объединения частей 1 и 2 статьи 84 УПК РФ, определяющих критерия допуска такого рода доказательств в российском уголовном процессе. Такой подход позволит представить понятие иных документов в едином, интегрированном виде².

Список использованной литературы:

1. Бекетов М. Вещественные доказательства и «иные документы» – проблемы разграничения в УПК РФ. *Уголовное право*. 2006;(3):55–57.
2. Гришина Е.Б. К вопросу о соотношении показаний с иными документами и вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве. *Наука и практика*. 2014;(3(60)):30–33.
3. Миронова Т.Д. Разграничение вещественных доказательств и иных документов. *Вопросы российской юстиции*. 2022;(17):558–570.
4. Оджаквердиев Д.Ф., Дармаева В.Д. Понятие и значение иных документов в системе доказательств. *Современный взгляд на науку и образование: сборник научных статей*. Том Часть VII. М., 2021.
5. Сопраньков Г.А. Иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве. *Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: Материалы VI международной научно-практической*

References:

1. Beketov M. [Material evidence and "other documents" are the problems of differentiation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe parvo = Criminal law*. 2006;(3):55–57. (In Russ.)]
2. Grishina E.B. [On the question of the correlation of testimony with other documents and material evidence in criminal proceedings]. *Nauka i praktika = Science and practice*. 2014;(3(60)):30–33. (In Russ.)]
3. Mironova T.D. [Differentiation of physical evidence and other documents]. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian justice*. 2022;(17):558–570. (In Russ.)]
4. Odzhakhverdiev D.F., Darmaeva V.D. [The concept and meaning of other documents in the evidence system]. *Sovremennyi vzglyad na nauku i obrazovanie: sbornik nauchnykh statei = A modern view of science and education: a collection of scientific articles*. Volume Part VII. M., 2021. (In Russ.)]
5. Sopran'kov G.A. [Other documents as sources of evidence in criminal proceedings]. *Aktual'nye voprosy razvitiya gosudarstvennosti i publichnogo prava: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Topical issues of the development of*

¹ Козловский П.В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 15.

² Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 152.

конференции. Санкт-Петербург, 2020.
DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_149.

6. Умаханов С.Б. Понятие иных документов как вида доказательств в уголовном судопроизводстве. *Российский следователь*. 2013;(3):13–15.

7. Яновский А.С. О сущности иных документов в уголовном процессе. *Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: сб. науч. ст.* / Под общ. и науч. ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова. Краснодар: Изд-во «Просвещение-Юг»; 2015.

statehood and public law: Materials of the VI International scientific-prakticheskoi konferentsii. St. Petersburg, 2020. DOI: 10.47645/978-5-6044512-4-3_2020_2_149. (In Russ.)]

6. Umakhanov S.B. [The concept of other documents as a type of evidence in criminal proceedings]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*. 2013;(3):13–15. (In Russ.)]

7. Yanovskii A.S. [About the essence of other documents in the criminal process]. *Aktual'nye problemy sudebnoi, pravookhranitel'noi, pravozashchitnoi, ugolovno-protsessual'noi deyatelnosti i natsional'noi bezopasnosti: sb. nauch. st. = Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedural activity and national security: collection of scientific articles / under the total. and scientific ed. by O.V. Gladysheva, V.A. Sementsova*. Krasnodar: Publishing house "Enlightenment-South"; 2015. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костенко Роман Валерьевич*

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5807-6871>
Author ID: 57205319331
Researcher ID: AAC-7003-2020

Яновский Антон Сергеевич

доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Roman V. Kostenko*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5807-6871>
Author ID: 57205319331
Researcher ID: AAC-7003-2020

Anton S. Yanovsky

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"